

Институт восточных рукописей Российской академии наук
Восточный факультет СПбГУ
Институт Конфуция в СПбГУ

2-я всероссийская научная конференция молодых
востоковедов

Китай и соседи

16–17 марта 2017 г., Санкт-Петербург

Сборник материалов

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
2017

Институт восточных рукописей Российской академии наук
Восточный факультет СПбГУ
Институт Конфуция в СПбГУ

2-я всероссийская научная конференция молодых
востоковедов

Китай и соседи

16–17 марта 2017 г., Санкт-Петербург

Сборник материалов

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
2017

УДК 294.311+294.321+327+321+355/359+7.011+902.03+94+82.01+821.521
ББК 63+65+66+68+71+79+83+85.1+86.3

Утверждено к печати Ученым советом ИВР РАН

СОСТАВИТЕЛИ

Т. А. Пан, Ю. С. Мыльникова, В. В. Щепкин

РЕЦЕНЗЕНТЫ: канд. ист. наук В. Ю. Климов (ИВР РАН)
канд. ист. наук А. Ю. Сеницын (МАЭ РАН)

Печатается в авторской редакции

Китай и соседи. Сборник материалов 2-й всероссийской научной конференции молодых востоковедов. — СПб.: изд-во ЛЕМА, 2017. — 164 с.

В настоящем сборнике представлены статьи, подготовленные участниками 2-й всероссийской научной конференции молодых востоковедов «Китай и соседи», состоявшейся 16–17 марта 2017 г. в ИВР РАН. Тематика статей охватывает широкий круг вопросов: история, литература, международные отношения, искусство Китая и других стран Восточной и Юго-Восточной Азии.

© Авторский коллектив, 2017

© Институт восточных рукописей РАН, 2017

© Восточный факультет СПбГУ

Все права защищены

ISBN 978-5-00105-202-9

Содержание

От составителей.....	5
<i>Алиева К. А.</i> Древнетюркские рунические памятники VIII в. как источник по истории отношений Китая и тюркских племен в древности (на материале памятника Тоньюкука).....	8
<i>Андросенко Р. А.</i> Личная жизнь Го Мо-жо как пример вестернизации китайского общества в нач. XX в.	14
<i>Анфилова Н. В.</i> Малайско-индонезийский шаманизм и выявление влияния ислама на основе текстов заклинаний.....	19
<i>Атарова А. М.</i> Иконография Цзя Баоюя в романе «Сон в красном тереме» Цао Сюэциня: от описания в романе до символики художественного образа	24
<i>Бабарико К. Б.</i> Эволюция идеалов китайской интеллигенции на материалах современной литературы Китая	31
<i>Баркова П. С.</i> Представления о национальном характере китайцев времён правления Цин в работах Н.Я. Бичурина и С. Уэллса Уильямса.....	36
<i>Болученкова Н. О.</i> Возникновение антиутопии в китайской литературе на примере произведения Лао Шэ «Записки о кошачьем городе»	41
<i>Борькина А. Ю.</i> Изменчивый мир укиё в произведениях Дзиппэнся Икку и Сикитэй Самба.....	46
<i>Буцык П. И.</i> О содержании и историческом значении «Благоразумно утвержденного постановления по улучшению управления Тибетом» 1751 г.....	51
<i>Головко-Охременко А. А.</i> Китайские эмигранты и американо-китайские отношения во второй половине XIX в.	57
<i>Дидбаридзе Ю. А.</i> Ми Ваньчжун и собирание причудливых камней в эпоху Мин	62
<i>Заводчикова Е. О.</i> Древнекитайский медиум-у как шаман: к проблеме идентификации	66
<i>Иванова К. В.</i> Буддийские изображения из коллекции академика В.М. Алексеева в собрании Государственного музея истории религии.....	72
<i>Касимова В. Р.</i> Переводческая деятельность Вакамацу Сидзуко	81
<i>Касперович А. С.</i> Принцип формирования доминанты в синонимическом ряду современного китайского языка	86
<i>Ковалёва К. А.</i> Развитие инициативы России и Китая: «Один пояс — один путь»	90

<i>Колнин И. С.</i> «Дао и чжи люэ» 島夷誌略 («Краткое описание островных чужеземцев») (1349/1350 г.): краткое описание, история написания, проблемы датировки и некоторые важнейшие особенности источника.....	94
<i>Круглов В. В.</i> Морской Шелковый путь XXI в.....	100
<i>Круглова Е. Д.</i> История лингвокультурного взаимодействия Китая и Японии.....	105
<i>Куликова А. А.</i> Экспортная портретная живопись из Кантона (Гуанчжоу) в эпоху Цин. Стилистические и иконографические особенности	110
<i>Левченко И. И.</i> Наставления для монахов школы Тэндай: Сайтё (767–822) и Рёгэн (912–985)	114
<i>Полежаева Н. М.</i> «Детский стиль» в китайском искусстве VII–XIII вв.	118
<i>Сащенко М. В.</i> Восприятие в Китае образа России в 2000–2014 гг.....	123
<i>Статюха В. В.</i> План комплексной реформы государственных медицинских учреждений в КНР: цели и задачи.....	127
<i>Трухан Д. В.</i> Влияние системы <i>санкин ко:тай</i> на экономическое развитие Японии эпохи Токугава (1603–1867)	132
<i>Утина В. В.</i> Эпоха постмодерна в Китае: псевдоморфоз западной ментальности.	137
<i>Халиков Н. Ф.</i> Южная Корея и Африка: ключевые направления сотрудничества.....	141
<i>Хусаинова В. П.</i> Женская периодическая пресса во Вьетнаме в 1-й пол. XX в.	146
<i>Цветков Д. В.</i> Образ Китая во французской литературе Эпохи Просвещения на примере произведения Вольтера «Китайский катехизис».....	151
<i>Цырлина А. С.</i> Иконография Цзао-вана (на примере памятников из фондов Государственного музея истории религии).....	155
<i>Шабеллова В. А.</i> Некоторые особенности культурного пространства буддийского храма Луншаньсы в Мэнся (Тайвань).....	160
<i>Шахигулин А. С.</i> К вопросу о военных трактатах Чан Хынг Дао	166

От составителей

В 2016 г. отдел Дальнего Востока ИВР РАН инициировал проведение 1-ой научной конференции молодых петербургских востоковедов «Китай и соседи», состоявшей 3–4 марта 2016 г. Она вызвала большой интерес среди бакалавров и магистрантов, изучающих историю и культуру Китая и сопредельных стран. Поскольку конференция 2016 г. вышла за рамки Санкт-Петербургских вузов, то было решено проводить ее как всероссийскую конференцию молодых востоковедов. Именно поэтому в 2017 г. был изменен ее статус, и она стала называться Всероссийская научная конференция молодых востоковедов «Китай и соседи». Как и в 2016 г. конференция была организована сотрудниками отдела Дальнего Востока ИВР РАН совместно с Восточным факультетом СПбГУ и Институтом Конфуция при СПбГУ и стала площадкой для выступления молодых, начинающих ученых, которые только вступают на тернистый путь научного исследования. Повторяя цели и задачи уже второй конференции, оргкомитет конференции (заведующая отделом Дальнего Востока ИВР РАН, к. и. н. Т. А. Пан; с. н. с. отдела Дальнего Востока ИВР РАН, к. и. н. В. В. Щепкин и старший преподаватель кафедры истории стран Дальнего Востока СПбГУ, к. и. н. Ю. С. Мыльникова) предложил широкую тематику обсуждаемых проблем — предполагались выступления по истории и историографии, культуре и литературе, религии и этнографии, экономики и политики Китая и сопредельных стран с древнейших времен до современности.

На 2-ю Всероссийскую научную конференцию молодых востоковедов «Китай и соседи» было подано 40 заявок от студентов различных кафедр Восточного факультета СПбГУ; кафедры философии и культурологии Востока Института философии СПбГУ; кафедры мировой политики факультета международных отношений СПбГУ; Института «Высшая школа журналистики и массовых коммуникаций» СПбГУ; факультета мировой экономики и мировой политики Школы Востоковедения НИУ ВШЭ; факультета искусств СПбГУП; Гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета; Гуманитарного института СПбГПУ им. Петра Великого; факультета востоковедения и истории Педагогического института Тихоокеанского государственного университета; Гуманитарного факультета Новосибирского государственного университета; факультета международных отношений Северо-Западного института управления Российской Академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации; факультета международных отношений (отделение Зарубежное

регионоведение) МГИМО МИД РФ; Института международных отношений, истории и востоковедения Казанского федерального университета; Благовещенского государственного педагогического университета; факультета гуманитарных наук Гамбургского университета; Центра корейских исследований Института Дальнего Востока РАН; Института стран Азии и Африки МГУ. Таким образом, на конференции были представлены учебные заведения Санкт-Петербурга, Москвы, Хабаровска, Казани, Благовещенска, Новосибирска, Томска и Гамбурга. Такой географический разброс участников, безусловно, говорит об актуальности проведения подобных научных молодежных мероприятий и заинтересованности студентов и магистрантов в представлении своих научных разработок.

На открытии конференции с приветственным словом выступили директор ИВР РАН, д. и. н. И. Ф. Попова, первый заместитель декана Восточного факультета СПбГУ, к. ф. н. А. А. Родионов, директор с китайской стороны Института Конфуция в СПбГУ д-р Чжан Жукуй и директор Института Конфуция с российской стороны, к. и. н. Ю. С. Мыльникова, пожелав участникам конференции плодотворной работы. И. Ф. Попова сделала краткий обзор истории китаеведения в Санкт-Петербурге, познакомив участников конференции с традицией петербургской классической востоковедной школы и определив основные направления ее современного развития.

В течение двух дней были заслушаны 38 докладов, разделенных на несколько секций: история отношений Китая и сопредельных государств (ведущая — к. и. н. Т. А. Пан), искусство Китая (ведущие — к. ф. н. Д. И. Маяцкий, г-н Чжан Жукуй), религии Китая и Японии (ведущая — к. и. н. Т. А. Пан), Китай и Запад в XVIII–XX вв. (ведущий — к. и. н. А. Э. Терехов), современный Китай (ведущие — к. и. н. М. А. Гулёва, аспирант ИДВ Р. Н. Лобов), филология Китая XX в. (ведущие — д. ф. н. М. Е. Кравцова, м. н. с. С. Ю. Рыженков), японоведение (ведущий — к. и. н. В. В. Щепкин). Даже простое перечисление названий секций дает представление о широте поднимавшихся проблем. В этот раз было решено проводить заседания в двух параллельных аудиториях, чтобы по сравнению с прошлогодней конференцией дать больше времени докладчикам и иметь возможность обсудить и задать вопросы по докладу. Было представлено много интересных и логично оформленных докладов с хорошими презентациями и почти все из них вошли в представляемый сборник.

Следует отметить, что в этом году было больше докладов по средневековой истории и культуре изучаемого региона. Несколько докладов начинающих исследователей были сделаны по китайским коллекциям музеев, художественным образам средневековых романов. При этом секция

«Современный Китай» оставалась достаточно многочисленной (12 докладов). Все доклады вызвали вопросы аудитории и требовали от докладчиков соответствующих знаний, сообразительности и умения отстаивать свою точку зрения.

Благодаря помощи Института Конфуция организаторы смогли обеспечить участников конференции горячими обедами, которые были любезно предоставлены сетью китайских ресторанов «Тан жен» в Санкт-Петербурге.

На заключительном заседании ведущие секций высказали свои впечатления о прослушанных докладах, сделав свои профессиональные замечания. Все докладчики получили сертификаты участника конференции, которые они смогут положить в свои будущие портфолио абитуриентов программ магистратуры или аспирантуры. Как и в прошлом году, по итогам конференции был собран сборник докладов, тексты которых отредактированы научными руководителями докладчиков и чьи имена указаны в каждой статье.

Представленный сборник докладов, прочитанных молодыми учеными на 2-ой Всероссийской научной конференции молодых востоковедов «Китай и соседи» (16–17 марта 2017 г., Санкт-Петербург) является иллюстрацией не только уровня профессиональной подготовки студентов, но и тех научных направлений, которые интересуют современных молодых российских востоковедов.

Т. А. Пан, Ю. С. Мыльникова, В. В. Щепкин

*Алиева Камилла Абдулаевна
студентка 3 курса кафедры тюркской филологии
Восточный факультет СПбГУ¹*

Древнетюркские рунические памятники VIII в. как источник по истории отношений Китая и тюркских племен в древности (на материале памятника Тоньюкука)

Китайская империя с древнейших времен выступала ключевым игроком на политической арене в районе Алтая, бассейнов рек Толы и Иртыш. Китай уже к I в. н. э. являлся развитым и цивилизованным государством и не мог существовать изолированно от племен, кочующих на территориях севернее границ Китайского государства. О наиболее ранних страницах истории Китая и близлежащих территорий известно не только благодаря китайским летописям, но и благодаря сохранившимся до наших дней древнетюркским руническим памятникам, обнаруженным в Северной Монголии, в долинах рек Енисей и Талас. Тюркские памятники считаются ценнейшими источниками по истории не только тюркских племен, но и всего азиатского региона, поскольку в них зафиксированы сведения о распределении сфер влияния в районе Алтая и озера Байкал, Северной и Западной Монголии. Большинство памятников представляют собой поминальные надписи на каменных стелах в честь правителей, наскальные надписи, надписи на камнях, стенах домов и других предметах.

Согласно китайским летописям известно, что в VI–VII вв. н. э. осуществлялись попытки налаживания связей с государством тюрков, носившим название Первого тюркского каганата (550–603 гг.), распад которого на Восточный (603–630 гг.) и Западный (603–657 гг.) каганаты стал неизбежен в результате как внутренних процессов, так и войн, проводимых Китайским государством.

Тюркские племена в период существования собственного государства совершали набеги на китайские территории, занимались грабежом и стремились расширить сферу своего влияния в регионе, что ущемляло интересы китайского императора.

О наиболее сложной поре для тюркского каганата и его отношениях с Китаем повествует текст памятника в честь Тоньюкука, советника двух тюркских каганов. Каменная стела была обнаружена в 1897 г. Еленой Николавной Клеменц в урочище Баин-Цокто, недалеко от Улан-Батора.

¹ Научный руководитель — к. ф. н. Николай Николаевич Телицин.

В силу значительных расхождений в переводе текста памятника Тоньюкука¹, которые основывались на имевшихся на тот период достижениях в изучении древнетюркских языков, представленный в докладе перевод текста памятника основывается на последних сравнительно-исторических исследованиях языка тюркских руноподобных надписей, выполнен автором лично и дается в виде подстрочного перевода.

Памятник Тоньюкука представляет особый интерес для изучения данного исторического периода, поскольку автором текста памятника является сам Тоньюкук — свидетель описываемых в памятнике событий. Как уже говорилось, Тоньюкук являлся советником правителей Второго тюркского каганата: сначала Ильтериш-кагана (ум. в 691 г.), затем Бильге-кагана (Кляшторный 2006, с. 88–90).

Памятник написан на одном из древнетюркских языков огузского типа. Изложение событий в памятнике построено, как представляется, следуя традициям устного народного творчества тюрков: содержит поговорки и притчи, и повествование выстроено по определенному канону (Кормушин 2004, с. 72).

Первые строки памятника повествуют о детстве Тоньюкука, которое он провел в Китае. Китайское имя Тоньюкука было Юаньчжэнь. По сведениям китайских источников, он происходил из царственного тюркского рода Ашида и состоял на службе у китайского императора, занимал пост куратора за Шаньюевым наместничеством. В памятнике Тоньюкука повествование о состоянии тюрков и их статусе среди других народов начинается с событий около 682 г. Памятник содержит информацию о начальном периоде воссоздания тюркского каганата и его политической роли в данном регионе.

Предысторией к описываемым в памятнике событиям служит период китайской экспансии и подчинения Китайской империи племен, объединяемых термином «*тюрк*». Мы нарочно не называем племена, находившиеся под влиянием китайцев, поскольку данный исторический период указывает на то, что помимо племени *тюрк*, куда входили семьи Ашина и Ашида, а также некоторые более мелкие племена, на данных территориях кочевали и другие тюркские племена — *токуз-огуз* (союз девяти племен тюрков-огузов), *тюргеиш* (племя тюрков, занимавшие территорию от долины Таласа до Алтая), *он оқ* (десять родов западных тюрков-огузов) и другие (Кляшторный 1964, с. 20–24).

Как известно, после распада I тюркского каганата восточная часть племени тюрк в 630 г. была уничтожена китайцами. В 630-х годах танский

¹ Перевод опубликован С. Е. Маловым в: Памятники древнетюркской письменности. Тексты и исследования. М.: АН СССР, 1951. 455 с.

император Тайцзун (598–649) провел политико-административную реформу, в результате которых племена тюрк, населявшие территории Ордоса и Шаньси, превратились в «федератов» китайской империи и проживали на территории Шаньюева наместничества. В Шаньюевом наместничестве главами на местах выступали представители рода Ашина, а наместником был назначаемый китайским императором чиновник китайского происхождения (Гумилев 1967, с. 259–269; Кляшторный 2003, с. 92–98).

Безусловно, административная реформа вызвала недовольство у покоренных племен тюрк, что стало причиной множества бунтов и масштабного восстания в 679 г., освещенного в китайских хрониках. Однако на эту историю проливает свет памятник Тоньюкука, который восполняет лакуны, допущенные в китайских летописях.

В первых строках памятника Тоньюкука приводятся сведения о существовании I Тюркского каганата (551–603 гг.) и подчинении племени тюрк власти династии Тан: *türk bodun tabyačqa körür erti* «был тюркский народ подчинен табгачам¹». Из следующих сведений можно предположить, что Тоньюкук провёл юные годы жизни в Китае, иначе получил образование в Китае, что, по всей видимости, было традицией. Китайские правители стремились оказывать влияние на пограничные их владения кочевые племена, и поэтому они брали наследников и сыновей представителей тюркской знати в заложники и обучали их в любви к Китаю, преследуя цель установить порядок в приграничных землях: *ben özüüm tabyač ilinä qilintim* «я сам был воспитан в государстве табгачей».

Далее автор текста переходит к событиям восстания в Шаньюевом наместничестве периода после 681 г. После разгрома тюрков китайцами, остатки восставших бежали и основали там небольшое поселение. Как указывают китайские летописцы, китайские власти направили к беглецам Юаньчжэня, чтобы уговорить восставших прекратить восстания и не выступать против китайской власти. Однако вместо ожидаемых переговоров Юаньчжэнь примкнул к тюркам. Эти события красочно описываются в памятнике Тоньюкука следующими словами: *jayıl tidi, jaymıšı ben ertim bilgä toııuquq* «присоединяйся — сказал он, тем, кто присоединился, был я — Бильге Тоньюкук».

Во главе с Тоньюкуком и избранным каганом Ильтеришем тюрки достаточно быстро восстановили свои силы и побеждали своих бывших врагов: *bärijä tabyačıy öñrä qıtañıy jıraja oıuzuı üküś ök ölürti* «он [Ильтериш

¹ Название «*tabyač*» фигурирует во всех тюркских рунических памятниках данного периода. Так тюрки называли китайцев.

каган] очень много убил табгачей на юге, киданей на востоке, огузов на севере». Автор сообщает в последующих строках памятника, что племя преследовало цель подготовить боеспособное войско и противостоять окружающим врагам. Сведения, указанные в памятнике, могут свидетельствовать о том, что Ильтериш-каган и Тоньюкук располагали хорошо налаженной разведывательной сетью: *oγuzdantan körüg kelti* «из местности, где живут огузы, прибыл (наш) разведчик».

Из донесения лазутчика стало ясно, что против тюрков затевается заговор, поскольку во главе вражеского тюркам племени токуз-огузов встал новый каган, который ищет поддержки у китайского императора в борьбе против отделившихся тюркских племен. По словам лазутчика, каган токуз-огузов призывает китайцев и киданей объединиться против тюрков, о чем можно сделать вывод из 10-11 строк: *tabγač beridän jan teg qïtañ öñdän jan teg ben jïrdantajan tegäjin türk sir bodun jerintä idi jorumazun*: «табгачи, нападай с юга, кидани, нападайте с востока, я нападу с севера, пусть на земле тюрков-сиров не ходит хозяин».

Тоньюкук заостряет внимание на том, что сам он был полностью поглощен решением проблемы безопасности собственного народа, и обращается к Ильтериш-кагану с предложением собрать войско и по отдельности напасть на каждого из своих врагов: *öñrä qïtañda berijä tabγačda qurïja qurïdanta jïraja oγuzda eki üč biñ sümüz keltäčimiz* «мы в состоянии пойти на киданей на востоке, на табгачей на юге, на курыканы на западе, на огузов на севере, нас 2-3 тысячное войско».

В дальнейшем история, описанная в памятнике, свидетельствует об успешном походе Тоньюкука против огузов. Племя тюрков обосновывается в местности *ötügen jis*¹. Как он сам указывает в памятнике, к ним присоединяются другие племена: «народ, который на западе и народ, который на востоке пришли (к ним)» (Малов 1951, с. 57). Численность тюрков выросла, что укрепило их военный потенциал. Враги тюрков — китайцы, племя *on oq*² и кыргызы — затеяли новый заговор: *öñrä türk qaγanyaru sülälim temis* «давайте нападём на тюркского кагана». Как указывается в памятнике, враги племени тюрков опасались, что тюрки нападут и уничтожат их, поскольку «*qaγani alp ermis ajuučisi bilgä ermis ... ölürtäči ök*» «их каган смелый, советник у него мудрый... они способны на уничтожить». К антитюркской коалиции

¹ что в переводе традиционно называют как Отюкен, или Отюкенская чернь часть горной цепи Хангай в Северной Монголии

² племя «десяти стрел» (транскрипция: *on oq bodun*) — одно из племен тюрков-огузов

примкнули и тюргеши¹. Невзирая на преобладающее среди тюркской знати желание не вступать в конфронтацию, Тоньюкук вновь взял на себя организацию нового военного похода, не дожидаясь, пока враги первыми нападут. Цель похода заключалась в том, чтобы минимизировать силы врага и нападать на каждого по очереди. В результате похода пали кыркызы. Затем стало известно, что китайцы, тюргеши и племя *оу оу* вышли в поход против тюрков. Ильтериш-каган принял решение отправить Тоньюкука с объединенным войском в *altun jis*². Вопреки ожиданиям Тоньюкука, Ильтериш-каган прислал приказ оставаться на месте, а командующему войсками отправил тайное послание, в котором: *bilgä toñuquq añıy ol öz ol aňlar sü jorilim unamañ* «Бильге Тоньюкук себе на уме, он самостоятельный, он способен сказать: “давайте войско двинем”, не поддавайтесь». Перехватив данное послание, Тоньюкук выходит в поход, преодолев реку Иртыш, он добирается до Ярышской степи, где по полученным от разведки сведениям, собралось уже 10 тысячное объединенное вражеское войско. Тюрки напали первыми, и на второй день боёв тюрки пленили шада и ябгу³ тардушей и прогнали врагов, хотя вражеское войско было в 3 раза больше. Далее описывается событие, которое является еще одним подтверждением окончательной независимости тюрков от китайцев, их международном признании в рамках данного региона и превращении в самостоятельного и активного политического игрока в Среднеазиатском регионе. Речь идет о признании могущества и авторитета тюрков согдийцами и тохарцами: *inäl qayanqa täzik toqrisin anta jerük soq başlıy soydaq bodun qor kelti* «Инэль-кагану пришел народ таджиков (? *täzik*), тохарцев (*toqrı*, народ, живший в Средней Азии, говоривший на одном из вымерших индоевропейских языков) и согдийцев (*soydaq*, ираноязычное население на территории Средней Азии) во главе с предводителем по имени Сок».

На этом описание военных походов в памятнике Тоньюкука заканчивается. В заключительных строчках Тоньюкук не преминул указать на заслуги Ильтериш-кагана и оценить его доблесть, а также отметить свою немаловажную роль в этих событиях: *tün udımatı küntüz olurmatı qızıl qanıñ tökti qara tärım jögärti isig küçig bertim ök* «ночью я не спал, днем мне не было покоя, моя красная кровь текла, мой черный пот стекал с меня, все силы я отдавал (на благо народа тюрков)».

В заключении следует отметить, что памятник Тоньюкука дает нам материал, в котором можно проследить процесс последовательного избавления

¹ тюрки, кочевавшие на территории от долины Таласа до Алтая

² в переводе традиционно Алтунская чернь, горная местность на территории Алтая

³ тюркский титул верховного правителя

племени тюрк от зависимости от Китайской империи. Племя тюрк, которое создало собственное государство, традиционно называемое II тюркский каганат (682–744 гг.), вновь стало играть важную политическую роль и сотрудничать с Китайской империей в вопросах торговли и военного дела. Как мы видим на примере одного памятника Тоньюкука, ценность данного источника определяется тем, что история отношений излагается с точки зрения самих тюрков, и это дает нам возможность получить иную точку зрения, отличную от китайских летописей, что проливает свет на историю соседства тюркских народов и китайцев.

Список использованной литературы

Гумилёв Л.Н. Древние тюрки. М.: Наука, 1967. 504 с.

Кляшторный С.Г. Древнетюркские рунические памятники как источник по истории Средней Азии. М.: Изд-во Наука, 1964. 214 с.

Кляшторный С.Г. История Центральной Азии и памятники рунического письма. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2003.

Кляшторный С.Г. Памятники древнетюркской письменности и этнокультурная история Центральной Азии. СПб.: Наука, 2006. 591 с.

Кормушин И.В. Древние тюркские языки. Абакан: Изд-во Хакасского государственного университета им. Н.Ф. Катанова, 2004. 336 с.

Малов С. Е. Памятники древнетюркской письменности. Тексты и исследования. М.: АН СССР, 1951. 455 с.

Андросенко Роман Александрович
студент 3 курса кафедры философии и культурологии Востока
Институт Философии СПбГУ¹

Личная жизнь Го Мо-жо как пример вестернизации китайского общества в нач. XX в.

Го Мо-жо (郭沫若), второе имя Го Кай-чжэнь (郭開貞 1892–1978) — одна из наиболее ярких фигур китайской культуры XX в., поэт, драматург, переводчик, историк, оратор, каллиграф, марксист, коммунист, автор множества научных трудов, признанных в КНР.

История отношений Го Мо-жо и Сато Томико интересна, примечательна и может быть рассмотрена как пример вестернизации традиционных конфуцианских принципов построения семейных отношений в Китае.

В Древнем Китае вступление в брак являлось для человека одним из важнейших событий жизненного цикла. Заключив брак, молодой мужчина становился главой семьи и полноправным членом социума. Конечной целью брака являлось соединение двух родов и продолжение поколений. Вступление в брак было значительным событием не только для отдельного человека, но и для всего общества: детьми и потомством гарантировалось благоденствие отдельного человека, равно как и целого общества (Кейдун 2016, с. 81–82).

Традиционный китайский брак являлся частью конфуцианской концепции семьи, и был детально проработан в *лицзяо* 礼教, конфуцианской этической системе, которая основывалась на тексте сборника «*Ли цзи*». Сборник «*Ли цзи*» («Записи о *ли*») составленный в I в. до н. э., является одним из важнейших текстов конфуцианского канона. Текст «*Ли цзи*» являет собой своеобразную матрицу китайской культуры (Кейдун 2016, с. 81).

Родители организовывали свадьбу и выбирали жениха для невесты и невесту для жениха (Фунюй цыдянь 1990, с.25).

В *лицзяо* был детально проработан регламент «Три письма и шесть обрядов» (Сань шу Лю ли 三書六禮).

Глава 44 «Хунь и» (婚儀, «Значимость брачного [ритуала]» трактата «*Ли цзи*»). «Шесть церемоний\обрядов» (Лю ли 六禮). Выбор невесты отправкой ей первого подарка (*На цай* «納采»); сверение дат рождения и проверка имён на совместимость (*Вэнь мин* 問名); извещение семьи невесты о положительном результате гадания (*На цзи* 納吉); отправка закрепляющего помолвку подарка

¹ Научный руководитель — д. филол. н. Марина Евгеньевна Кравцова.

в дом невесты (*На чжэн 納徵*); назначение даты бракосочетания родителями жениха (*Цин ци 請期*); церемония бракосочетания (*Цинь ин 親迎*, «встреча жениха и невесты, происходившая в доме невесты» (Май Линлин 2015, с. 15; Кейдун 2016, с. 81–82).

Значительное внимание в главе «*Хунь и*» уделено значимости брачного ритуала. Из всех ритуалов основу «великого тела ритуала» составлял именно брачный. При этом главной задачей молодых являлось почитание, уважение, точное следование брачному ритуалу. Чувства молодоженов оказывались отодвинутыми на второй план, сначала следование ритуалу, потом чувства жениха и невесты. Гораздо важнее чувств было также и «женское послушание». Все детали поведения служили основой, на которой выстраивалась конструкция, обеспечивающая стабильность социума и государства.

Три письма (三書 Сань шу). Первое письмо о формальном соглашении обеих семей на заключение их детьми брака (Динцинъчжи Шу 訂親之書). Второе письмо с точно сформулированным списком подарков и их количеством (Голичжи Шу 過禮之書). Третье письмо — отправляемое невесте в день свадьбы приглашение с назначением времени свадьбы (Чзи инчу синьянчжи шу 即迎娶新娘之書) (Май Линлин 2015, с. 15).

Го Мо-жо — один из китайских интеллектуалов, выступавших против конфуцианского *лицзяо* и конфуцианской концепции семьи и традиции спланированной родителями свадьбы, поскольку он мечтал не о выбранной родителями невесте, но о настоящей любви. Согласно *лицзяо* дети беспрекословно подчинялись родителям. Но Го Мо-жо являлся человеком бунтарского характера, в школе он задибался на сверстников (Chen, 2007, с.25), был человеком чувственным. В 1911 г. родители спланированно женили его на китаянке, поскольку считалось, что удачно спланированная женитьба детей могла помочь обоим семьям в получении социальной привилегии. В *лицзяо* говорится также и о том, что дети подчиняются родителям, дети детей — своим родителям, и т. д. Первую спланированную свадьбу родители подготовили для Го Мо-жо, когда ему исполнилось 10 лет. Когда ему исполнилось 14 лет, его будущая жена умерла. Родители Го Мо-жо принялись обсуждать его женитьбу на девушке из соседней деревни. Когда в 1911 г. Го Мо-жо проходил обучение в Чэнду 成都, внезапно он получил письмо от родителей, извещающее его о том, что он женится. Го Мо-жо согласился, хотя уже начинал мечтать о настоящей романтической любви. Однако, свадьба Го Мо-жо прошла 2 марта 1912 г., но совместно с женой Го Мо-жо никогда не проживал, и вообще сбежал от неё в Японию (Chen 2007, с. 26).

Отправляясь за своими братьями, Го Мо-жо уезжает из Китая в декабре 1913 г. и приезжает в Японию в январе 1914 г. После года подготовительной учебы в Токио, он поступает в Шестую школу в Окаяме.

В 1916 г. Го Мо-жо встречает свою любовь — японку Сато Томико (佐藤富子). Примечательно, что в том же 1916 г. Го Мо-жо начинает активно заниматься поэтическим творчеством (McDougall, Louie 1999, с. 38). Го и Сато влюбились друг в друга примерно летом или осенью 1916 г. (Го Мо-жо Яньцзю 1985, с. 78)

Сато Томико была старшим ребёнком из восьми в семье японского протестантского министра в деревне Охира района Курокава в префектуре Мияги (яп. 宮城県) на острове Хонсю (яп. 本州) (Yan Lu 2004, с. 95). В юности она училась в баптистской школе в городе Сэндай (яп. 仙台), столице префектуры Мияги. В возрасте 21 года, поняв, что родители собираются насильно выдать её замуж, она сбегает в Токио и находит там работу медсестры в Больнице Святого Луки (яп. 聖路加国際病院).

В 1916 г. друг Го Мо-жо, Чэнь Лунцзи 陈龙骧, проходит лечение от туберкулёза в этой больнице. Го Мо-жо, находящийся на учёбе в Японии, посещает друга в больнице. Когда друг умирает, летом 1916 г. Го Мо-жо приезжает в больницу за рентгеновскими снимками друга. Сато Томико, как раз работавшая тогда медсестрой в этой больнице, сочувствует Го Мо-жо. Когда Го Мо-жо уезжает в Окаяму, он и Сато Томико начинают обмениваться письмами. В декабре 1916 г. Го Мо-жо уговаривает Сато Томико приехать к нему в Окаяму. В декабре 1917 г. у них уже рождается ребёнок. Впрочем, родители Го Мо-жо и родители Сато Томико решительно не одобряли союз двух влюблённых, кроме того, в тот исторический период такие браки не одобрялись ни окружающими, ни обществом в целом.

Формировавшийся творчески и идеологически в период *движения 4 мая 1919 года* (У сы юньтун 五四运动)¹, Го Мо-жо придерживался жестких антиимпериалистических, антияпонских взглядов. Сочувствовавший этому движению, и потому антияпонски-настроенный, Го Мо-жо, однако, продолжил совместное проживание с японкой Сато Томико.

¹ «Движение 4 мая» развернулось в ответ на решение Парижской мирной конференции не возвращать Китаю захваченные Японией бывшие германские концессии в провинции Шаньдун (山东). Это основная причина формирования «Движения 4 мая 1919 года». Недовольство китайского народа, было связано с тем, что Китай, вступавший в первой мировой войне на стороне союзников, после ее окончания ожидал от западных держав помощи в борьбе против японских захватчиков.

Сочувствовал он движению 4 мая прежде всего потому, что все его идеологи¹ в 1910-1920-х гг. на страницах журналов «Новая молодёжь» (Синь циннянь 新青年) и «Еженедельные дискуссии» (Мэйчжоу пинлунь 每周評論) в статьях, посвящённых путям спасения страны, уделяли большое внимание критике конфуцианства, семейной системы, положения женщин и традиционной этике межличностных отношений (Родионов 2006, с. 10).

В апреле 1923 г. Го и Сато вместе с их уже тремя детьми переезжают в Шанхай по причине финансовых трудностей, Сато временно уезжает от Го в Японию, но возвращается к нему в Шанхай уже в ноябре.

В 1937 г., когда 7 июля произошёл инцидент на Мосту Марко Поло (*Ци ци Ши Бянь* 七七事變), конфликт между Китайской Республикой и Японской Империей приобрёл военный характер. Началась Вторая Китайско-японская война (7 июля 1937 — 9 сентября 1945). На тот момент Го Мо-жо проживал в Японии, но вдруг он сбегает оттуда и возвращается к себе на родину, в Китай. Правительство Японии не позволяет Го забрать с собой детей от Сато Томико. Таким образом, Сато Томико осталась с детьми в Японии и больше никогда не встречалась с Го Мо-жо. Спустя время, четверо из детей Го Мо-жо и Сато Томико успешно оканчивают Императорский Университет в Киото (Yan Lu, 2004).

Сато Томико написала небольшую книгу о её жизни с Го Мо-жо.

Умерла Сато Томико в 1994 г. (Yan Lu, 2004, с. 95) в возрасте 101 года.

Го Мо-жо остался верен Сато Томико, даже когда в конце 1910-х гг. он стал придерживаться жестких антияпонских взглядов, даже когда стал подстрекать своих друзей разводиться с их женами-японками, — теплое чувство к Сато Томико, японке, взяло верх над идеологическими взглядами Го Мо-жо, что указывает на факт нераспространения Го Мо-жо его идеологических принципов на семейную жизнь.

Список использованной литературы

Го Мо-жо яньцзю 郭沫若研究 Чжунго Жэньмин Дасюэ шубао цзыляо шэ. 中国人民大学书报资料社, 1984.

¹ Активными деятелями "Движения 4 Мая" и "Движения за новую культуру" и литературной революции были Ху Ши (胡适 1891-1962), Чэнь Дусю (陈独秀 1879-1942), Цай Юаньпэй (蔡元培 1868-1940), Ли Дачжао (李大钊 1899-1927), Цянь Сюаньтун (錢玄同 1887-1939), Чжоу Цзожэнь (1895-1967), Лу Синь (鲁迅 1881-1936) (Родионов, 2006, с.10).

Май Линлин. Ли су вэньхуа кай юнь дацюань. Жи юэ тан, 2015. 麥玲玲. 禮俗文化開運大全. 日閱堂, 2015. 260.

«Фунюй цыдянь» Бяньсюэ цзу. Цю ши чубаньшэ, 1990. «妇女词典» 编写组. 求实出版社, 1990. 658 с.

Chen, Xiaoming. From the May Fourth Movement to Communist Revolution. Albany: State University of New York Press, 2007. 151 p.

McDougall, Bonnie S., Louie, Kam. The Literature of China in the Twentieth Century. C. Hurst & Co. Publishers, 1997. 504 с.

Yan Lu. Re-understanding Japan: Chinese Perspectives, 1895–1945. University of Hawaii Press, 2004. 339 с.

Кейдун И.Б. Брачный ритуал в древнем Китае: канонические установления конфуцианства (Глава «Хунь И» трактата «Ли цзи») // Вестн. НГУ. История, филология. 2016. Т15, №4 Востоковедение. с. 80-90.

Родионов А.А. Лао Шэ и проблема национального характера в китайской литературе XX века. СПб: Роза Мира, 2006. 263 с.

*Анфилова Наталья Владимировна
студентка 2 курса кафедры филологии Юго-Восточной Азии и Кореи
Восточный факультет СПбГУ¹*

Малайско-индонезийский шаманизм и выявление влияния ислама на основе текстов заклинаний

Практика чтения заклинаний до сих пор занимает важное место в традициях народов Нусантары. Это связано с тем, что местные верования сохраняют силу и способны сосуществовать с исламом в двух крупнейших мусульманских странах мира — Индонезии и Малайзии.

Поскольку на уровне мифологического сознания слово имеет свойство материализовываться и столь же действенно, как вещь или явление (Ревуненкова 1992), заклинание является видом табуированной речи. Высшей привилегией изречения особых заклинаний наделён шаман — дукун (dukun). Бомор (bomor/bomoh) считается исключительно малайским словом для обозначения дукуна (Harvey 2007, p. 129), хотя некоторые западные исследователи (Harvey, Wallis, Gimlette) отделяют бомора и трактуют его как врачевателя — «medicine-men». Паванг (pawang) также может выделяться как третий тип шамана, который имеет дело, главным образом, с духами и природой, но по версии Скита, «паванг» это бомор в Пераке, т. е. наличие слова обусловлено местным диалектом (Skeat 1900, p. 117).

Шаманы Нусантары, как и жрецы, являясь отправителями местных культов, воспринимают и мусульманскую религию, охватившую значительную часть региона. Данный синкретизм можно проследить в их ритуально-магической речи.

Анализ формальной части заклинаний бомора показал, что начало и конец заклинания могут совпадать со стандартными исламскими формулами. Некоторые из них утратили религиозную коннотацию и широко используются в повседневном общении, в том числе, арабоязычными немусульманами. Например, заклинание для защиты от лесных духов (Gimlette 1991, p. 270), начинается со слов традиционного мусульманского приветствия «Al-salam 'alaikum» — араб. «Мир тебе». В свою очередь, заклинание для нейтрализации всех видов ядов (Gimlette 1991, p. 273), оканчивается фразой Insha'llah (араб. «Если пожелает Аллах»); изначально — это ритуально-молитвенное восклицание, которое сейчас превратилось, главным образом, в междометное выражение. Однако не реже заклинание обрамляют

¹ Научный руководитель — ст. преп. Светлана Викторовна Банит.

исключительно религиозные формулы. Хорошим примером является одно из заклинаний *main peteri*¹ (Gimlette 1991, p.274), где начало представлено следующим образом: «Auзу billahhi mina shshaitani arrajim...» (араб. «Прибегаю к Аллаху от проклятого сатаны») — это слова, которые обычно предшествует басмале, т. е. с них начинается каждая сура Корана, кроме девятой (Newby, 2004). На второй строчке помещена фраза, с которой каждый правоверный мусульманин старается начинать любое дело: «Bismillahi Arrahmani Arrahim» (араб. «во имя Аллаха Милостивого и Милосердного»). В конце заклинаний так же встречаются мусульманские ритуально-молитвенные формулы. Например, заклинание, где бомор занимается изгнанием *pelesit* — демонического духа, подосланного ведьмой (Skeat 2013, p. 330) — оканчивается следующим образом:

Demi Allah demi Rasu'llah,

Berkat la-ilaha ila'llah; Muhammad ralsu'llah.

(араб. «Во имя Аллаха, во имя Пророка // Ибо нет бога кроме Аллаха; и Мухаммад прок его»)

Из стандартной мусульманской молитвенной формулы, часто знаменующей конец молитвы, выделяется лишь малайское слово «berkat», обозначающее «благодаря», «ибо».

Однако ислам вторгается в заклинания не только в виде застывших формул. Мусульманские персонажи занимают отдельную нишу в мифологической картине мира бомора. Их невозможно рассматривать внутри ритуально-молитвенных формул, поскольку они становятся самостоятельными значимыми элементами, в то время как формулы как смысловые элементы остаются неделимыми в данном контексте².

То, какими путями мусульманские персонажи вторгаются в заклинания можно проследить на примере пророка Исы. В заклинании (Gimlette 1991, p. 273), призванном исцелить человека от действия яда, наби проявляется явно:

...Jika engkau tiada tawar aku sumpah dengan kata Nabi Isa yang empunya tawar (мал. «...А если ты не обезвредишь — я прокляну тебя словом Пророка Исы, владельца противоядия»)

¹ Магический ритуал, сопровождаемый театрализованным представлением; причисляется к разряду чёрной магии

² Поскольку носитель может не знать точного перевода мусульманских молитв и выражений

Таким образом, бомор, призывая потустороннюю сущность исцелить пострадавшего, припугивает её силой исламского пророка, но не апеллирует к нему напрямую.

Зачастую исламские персонажи менее явно обнаруживают своё присутствие в заклинании. Ниже дано начало ранее упомянутого заклинания для защиты от лесных духов:

Al-salam 'alaikum, hai maseh di-rimba penghulu di-hutan

Yang tanggung sahat bumi,

Putera di-sini yang memegang da'erah bumi hutan sini...

(мал. «Мир тебе, о мессия в джунглях, хозяин в лесу // Кто в ответе за благоденствие земель, // Князь здешних мест, владыка этих лесов...»)

Здесь бомор обращается к повелителю духов леса, и одним из обращений служит слово «maseh», с наибольшей вероятностью, являющееся трансформированным «masih», что обозначает мессию в исламе. В Коране и сунне пророка Мухаммеда словом масих обозначается пророк Иса¹ (Newby 2004). Тем не менее, центральной фигурой обращения остаётся собирательный образ «хозяина леса»; наби, в свою очередь, оказывается его частью или одной из его ипостасей.

Теперь можно вплотную подойти к смысловому аспекту синкретизма. Основные черты мистической практики бомора — анимизм и культ предков. На примере вышеупомянутого заклинания *main peteri* (Gimlette 1991, p. 274) можно буквально построчно проследить чередование этих черт с чертами, присущими религиозному сознанию.

Само заклинание начинается с исламской молитвенной формулы, содержащейся в Коране, после чего бомор сразу перечисляет священные дары, принадлежащие анимистическому культу общины, которые он готов воздать высшим силам. Акт жертвоприношения является менее свойственным для религии, чем для культа. Затем бомор называет «Мать на земле» и «Отца на небе» — два неразделимых, наиболее могущественных и наиболее архаичных первоначала. Представления о Земле-Матери и Отце-Небе также являются намного древнее религии (Пропп 1998). После этого бомор обращается к силе своих предков-учителей, и мы вновь прослеживаем архаичные черты — черты культа предков. Но далее мифологическая полоса опять сменяется

¹ Это также совпадает с христианской традицией отождествления Иисуса (прототипа Исы ибн Марьяма) с мессией.

религиозной, поскольку эти предки-учителя оказываются похороненными в Медине и Мекке:

...Di-kokboh (kubor) keramat,
Di-Makkah, Medinah, Baitollah...

(мал. «...Покойным священных могилах своих // В Медине и Мекке, у Каабы...»)

Вдобавок, бомор обращается к четырём учителям и трём мудрецам. Можно предположить, что четыре учителя — это четыре великих ангела в исламе (Gimlette, 1991, p.80) — Джабраиль, ‘Азраиль, Исрафил и Микаиль, а тремя мудрецами в таком случае являются трое приближенных к пророку: Абубакар, Омар и Али¹ (Newby, 2004).

Описанная выше закономерность прослеживается не только формально, но и в самой логике бомора, поскольку за учителями и мудрецами идёт следующий религиозный элемент: мольба о прощении грехов. Это не свойственно для наиболее архаичных, чистых от ортодоксальных примесей заклинаний, т.к. в них бомор, как правило, выдаёт себя за хозяина перед лицом потусторонних сил².

После того, как бомор замолил грехи, он готов назвать имя человека, на которого нужно навлечь проклятье³.

После анализа ряда заклинаний и выделения в них исламской специфики можно сделать определенные выводы о соотношении черт религиозного и мифологического сознания и роли ислама в заклинании. В заклинаниях бомора мусульманская религия встаёт на службу мифу, но никак не наоборот. Тексты малайско-индонезийских заклинаний не являются искаженными мусульманскими молитвами; они — результат работы психики с выраженной чертой мифологического сознания. Ислам вносит в заклинания элементы, свойственные религиозному сознанию, но значительная их часть трансформируется, проходя через соответствующие психические фильтры, и

¹ По другому предположению, учителя и мудрецы нужны лишь для счёта от 1 до 4, который прослеживается в заклинании. В этом случае, посвященные им строки всецело находятся в сфере мифа, т.к. счёт свойственен дореligиозной магической речи (что находит своё отражение и в сказках).

² Сюда можно отнести два распространённых в заклинаниях приёма: обличение истоков и имён сверхъестественной силы и называние себя ложным именем (именем того, кому эта сила подчиняется).

³ Или наоборот исцелить: всё зависит от целей ритуала main peteri .

обретает мифологические черты. Таким образом, ислам адаптируется в соответствии с местными культами.

Список использованной литературы:

- Коригодский Р. Н. Большой индонезийско-русский словарь. М., 1990.
Пропп В. Я. Исторические корни Волшебной сказки. СПб., 1998.
Ревуненкова Е.В. Миф, обряд, религия. СПб., 1992.
Kamus Besar Bahasa Indonesia. Pusat Bahasa DPN, 2008.
Poerwadarminta W. J. S. Kamus Umum Bahasa Indonesia. Jakarta, 1961.
Harvey G. Historical Dictionary of Shamanism. Scarecrow Press, 2007.
Newby G. A Concise Encyclopedia of Islam. Oxford, 2004.
Gimlette J.D. Malay Poisons and Charm Cures. London, 1991.
Skeat W.W. Malay Magic. London, 2013.

Атарова Алиса Михайловна
студентка 3 курса департамента востоковедения и африканистики
НИУ ВШЭ СПб¹

Иконография Цзя Баоюя в романе «Сон в красном тереме» Цао Сюэциня: от описания в романе до символики художественного образа

«Сон в красном тереме» автора Цао Сюэциня 1763 г. является одним из самых иллюстрированных среди четырех великих романов. Первые 80 глав романа в 1763 г. были изданы Цао Сюэцинем незаконченными незадолго до смерти. В 1791 г. издатель Гао Э по заметкам автора дописал еще 40 глав, логически завершающих сюжетную линию романа. Роман по сегодняшний день остается вдохновением для художников. В романе «Сон в красном тереме» представлено множество фрагментов, описывающих внешность персонажей, символические детали их одежд, внутренний интерьер дворцов и покоев, а также характерные для того времени обычаи и традиции. С помощью литературного источника можно составить образ главного героя Цзя Баоюя с дальнейшим сравнением его иконографии в иллюстрационном материале.

Иллюстрационный материал

В «Сборнике иллюстраций к роману»² из фондов Российской национальной библиотеки имеются одни из самых ранних иллюстраций, датированные 1791 г. и включенные в первое иллюстрированное издание романа. Автор неизвестен. Это — ксилографии низкого качества, что подчеркивается неаккуратным контуром.

Помимо этого, существует серия монохромных картин-гравюр к роману неизвестного автора. Все эти иллюстрации были включены в издание 1889 г. Гравюры выполнены мастером с детальной прорисовкой деталей и символов персонажей.

Наибольший вклад в развитие иконографии внес художник Сунь Вэнь (孙温, пиньинь: *Sūn Wēn*) (1818–1904), создавший более 230 красочных сюжетных иллюстраций³. Яркой особенностью иллюстраций является

¹ Научный руководитель — канд. культурологии, доц. Наталья Васильевна Алферова.

² Хунлоумэн баньхуа цзи (Сборник иллюстраций к роману «Сон в красном тереме»). 紅樓夢版畫集 / под ред. А Инбян. 阿英編. 上海: 上海出版公司, 1955.

³ Сунь Вэнь хуэйбэнь хунлоумэн (Сунь Вэнь. Альбом «Сон в красном тереме»). 孙温绘本《红楼梦》 [Электронный ресурс] // Лаочжан шуфан (Библиотека старого Чжана) 老张的书

многоплановость: на одной картине он изображал до трех параллельных сюжетов, происходящих не только в подлунном мире, но и в небесном царстве.

Кроме того, существует много китайских изданий романа с иллюстрациями неизвестных художников. Так, в фондах Российской национальной библиотеки хранится экземпляр (Сюэцинъ 1957), содержащий около 250 иллюстраций. Все картины являются качественными ксилографиями, отличаются детальностью изображения.

Иконография Цзя Баоюя

Цзя Баоюй (贾宝玉, пиньинь: *jiǎ bǎoyù*) является законным наследником Дворца Жунго. Цзя Баоюй, согласно описаниям в романе, строен, красив, обладает совершенной внешностью. Писатель говорит: «...брови — густые и черные, словно подведенные тушью, нос прямой, а глаза чистые и прозрачные, как воды Хуанхэ осенью» (Сюэцинъ 1958, с. 61). Подобное изображение, насыщенное метафорами и сравнениями, говорит о том, что красота Баоюя была схожа с женской, поскольку именно для описания женщин чаще всего использовались подобные литературные тропы. Таким образом, в романе ярко показывается существование в главном герое Инь и Ян.

Описания костюмов также играют большую роль в образе героя. В 3-й главе Баоюй появляется, как мальчик 10 лет, в самом роскошном наряде для похода в храм (Сюэцинъ 1958, с. 61). Начинается описание с прически: «узел его волос был схвачен колпачком из червонного золота, инкрустированного драгоценными камнями» (Сюэцинъ 1958, с. 61). Этот колпачок, или *шуйфагуань* (束发冠, пиньинь: *shùfàguān*), является важной деталью в образе героя. В Древнем Китае подобный головной убор носили мальчики, не достигшие совершеннолетия.

Вслед за головным убором автор описывает халат Баоюя: «Темно-красный цзяньсю с узором «бабочки среди цветов», вышитым серебром и золотом» (Сюэцинъ 1958, с. 61). Цзяньсю или цинский халат паоцза представляет собой вид одежды древних лучников, с узкими рукавами. Образ бабочки является символом вечности. Он скрепляет связь Цзя Баоюя с Небом, обращаясь к его мифологическому происхождению.

Баоюй родился с чудесным камнем во рту. Это нефрит, камень, выброшенный богиней Нюй-ва при починке неба (Сюэцинъ 1958, с. 61),

попавший на землю, где чудесный камень прошёл цикл превращений и испытал «Сон жизни», или иначе — прошёл через земную жизнь (буддийский мотив) (Сычев 1975, с. 81). Баоюй — это небесный камень, воплощенный в образе человека, поэтому подвеска с нефритом также является важной деталью в иллюстрациях.

Первые иллюстрации Баоюя, появившиеся в XVIII–XIX вв., являются небольшими монохромными гравюрами. На изображении из сборника иллюстраций¹ Баоюй представлен в парадном костюме, поэтому халат героя богато вышит, подпоясан темным поясом. Особенно отчетливо прорисован колпачок *шуфагуань* с помпончиком-*цзаньин*. В гравюре стоит выделить такую деталь, как две подвески на шее у персонажа. О них упоминается в первом описании героя в романе: «На шее у него сверкало ожерелье с подвесками из золотых драконов, и на шелковой тесьме... висела великолепная *яшма*» (Сюэцинъ 1958, с. 61). Обе подвески видны на шее героя, что позволяет заключить, что эта картина иллюстрирует первое появление Баоюя в романе. Однако впервые герой предстает в романе в возрасте 10 лет, а в иллюстрации он показан 18-20-летним юношей.

Вторая иллюстрация², вошедшая в «Сборник», изображает героя в длинном халате-*пао*, это повседневный костюм без вышивки. Волосы юноши убраны под *шуфагуань*, в руках у героя книга. Художник стремился передать сложность литературного образа, подчеркивая тонкие черты лица персонажа: это и подведенные темные брови, и общая женственность черт его лица. Подвеска с нефритом отсутствует.

Писатель противопоставляет героя другим мужским персонажам. Баоюй отрицает старые порядки, отстаивает собственные взгляды на жизнь. Выросший в саду Роскошных зрелищ среди сестер и служанок, мальчик, затем мужчина, он не отличался от них мировоззрением, поскольку считал их чище и искреннее мужчин, и это способствует возвращению мягкой, чувствительной души молодого человека.

Третья иллюстрация³ изображает 23 главу, показывая героя одного на фоне сада Роскошных зрелищ. Пока Баоюй сидел под персиковым деревом, дунул ветер, и его, и книгу усыпало опавшими лепестками. Цао Сюэцинъ показывает нежную душу юноши, говоря, что тот не решается стряхнуть их на

¹ Изображение см.: Хунлоумэн баньхуа цзи (Сборник иллюстраций к роману «Сон в красном тереме»). 紅樓夢版畫集. / под ред. А Инбян. 阿英編. 上海：上海出版公司, 1955. С. 5.

² Изображение см.: Там же. С. 2.

³ Изображение см.: Там же. - с. 23.

землю, поэтому собирает и бросает лепестки в пруд (Сюэцинъ 1958, с. 322). Автор изображения неизвестен. Баоюй сидит полубоком, аккуратно держа книгу перед собой. Мастер уделил особое внимание выражению лица персонажа, придавая ему черты нерешительности. Особенно искусно прорисовано персиковое дерево над головой героя. Данная иллюстрация целиком соответствует настроению главного персонажа романа в литературном фрагменте.

Тот же сюжет используется в ксилографе 1889 г.¹ Данная иллюстрация отличается детальной проработкой фона: персиковое дерево занимает две трети гравюры, показана красивая крона, изящные изгибы ветвей дерева. Также в данной работе хорошо виден драгоценный нефрит. Одежды юноши просты, без вышивки, а головной убор отсутствует — волосы Баоюя собраны в пучок. Мастер придает лицу героя задумчивости; фигура тонка, грациозна; особенно художник подчеркивает женственные черты лица Баоюя: пухлые губы, подведенные брови.

Автор романа неоднократно подчеркивает, что Баоюй — не только земное, но и небесное существо, с помощью всевозможных обращений к мифологии. Для этого Цао Сюэцинъ обращается к такому литературному приему, как сон Баоюя в 5-й главе, действие которого происходит в Области Небесных грез (Сюэцинъ 1958, с. 78–98). Поскольку события происходят в небесном мире, отличительной особенностью всех иллюстраций на данный сюжет является акцент на изображении облаков, которые разделяют земной и небесный миры, усиливают передачу нереальности происходящего с героями и разделяют планы внутри композиции. Главными героями иллюстраций являются Баоюй и Бессмертная фея Цзинхуань, сопровождающая его во сне. Данные изображения можно назвать «небесными пейзажами», часто с многофигурными композициями.

В сборнике иллюстраций 1955 г. представлена иллюстрация на этот сюжет². Показывая на небеса, фея изображена чуть выше Баоюя, который всем телом обращен к девушке. В иллюстрации Баоюй изображен в длинном халате и накидке с бахромой. Прическа героя традиционна — это колпачок-*шуфагуань*. Летящие одежды феи подчеркивают иллюзорность

¹ Изображение см.: Сюэцинъ Цао. Сон в красном тереме [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.e-reading.club/chapter.php/62777/172/Cao_-_Son_v_krasnom_tereme._T._1._Gl._I___XL.html. Загл. с экрана. (дата обращения: 22.04.2017)

² Изображение см.: Хунлоумэн баньхуа цзи (Сборник иллюстраций к роману «Сон в красном тереме»). 紅樓夢版畫集. / под ред. А Инбян. 阿英編. 上海: 上海出版公司, 1955. — с. 47.

происходящего. Лица персонажей очень схожи в иллюстрации: это можно объяснить стремлением художника придать облику Баоюя женственности. Помимо этого, в иллюстрации на заднем плане присутствуют облака, позволяющие атрибутировать сюжет иллюстрации.

На фоне монохромных иллюстраций данного сюжета, выделяется картина¹ Сунь Вэня, показывающая четыре сцены из 5-й главы. В правом верхнем углу представлена композиция, показывающая встречу Баоюя и феи Цзинхуань (Сюэцин 1958, с. 82). Правое нижнее изображение иллюстрирует фрагмент, в котором герой под наблюдением богини читает Книгу судеб девушек из Цзиньлина (Сюэцин 1958, с. 83–87). Центральная часть композиции показывает вход Баоюя под руку с Цзинхуань в Небесный дворец, где он встречает бессмертных дев-танцовщиц, которые изображены в левой нижней части картины. В то же время в левой верхней части представлен фрагмент, изображающий Баоюя и Цзяньмэй по прозвищу Кэцин (Сюэцин 1958, с. 97), которая стала его небесной женой. Особое место занимает изображение объемных, кучевых облаков, разделяющих композицию произведения на части, и то же время объединяющих в единое целое. Фигуру Баоюя можно легко атрибутировать по длинному красному халату и темно-синей накидке гуацза, описанной в 3-й главе романа (Сюэцин 1958, с. 62). Волосы героя собраны под *шугагуань*. В картинах Сунь Вэня можно заметить стремление художника придать сходства женским персонажам с Баоюем: одинаковые тонкие черты лица, бледность тона лиц, тонкие темные брови.

Другим популярным сюжетом иллюстраций является изображение осмотра сада Роскошных зрелищ Баоюя вместе с его отцом Цзя Чжэном и гостями в 17-й главе (Сюэцин 1958, с. 223–242). По пути Цзя Чжэн спрашивал парные надписи для разных мест и критиковал варианты, предлагаемые Баоюем. Данный сюжет ярко демонстрирует противопоставление Баоюя другим мужским персонажам.

Рассмотрим иллюстрацию² из сборника 1955 г., являющуюся многоплановой композицией. Справа налево изображены: Баоюй, указывающий в правую сторону, затем его отец Цзя Чжэн, а чуть выше

¹ Изображение см.: Сунь Вэнь хуэйбэнь хунлоумэн (Сунь Вэнь. Альбом «Сон в красном тереме»). 孙温绘本《红楼梦》 [Электронный ресурс] // Лаочжан шуган (Библиотека старого Чжана) 老张的书房. Режим доступа: <http://zhfx163.blog.163.com/blog/static/606421212010626399617>. Загл. с экрана. (дата обращения: 22.04.2017)

² Изображение см.: Хунлоумэн баньхуа цзи (Сборник иллюстраций к роману «Сон в красном тереме»). 紅樓夢版畫集. / под ред. А Инбян. 阿英編. 上海：上海出版公司, 1955. С. 58.

представлены чиновники. Задний план изображает сад, а передний занимают листья банана, частично закрывающие изображения персонажей. На Баоюе длинный халат с широкими рукавами и вышивкой. Прическа героя отличается от его типичных изображений: у персонажа две косички вдоль лба, а остальные волосы собраны под *шуфагуань*. В лице Баоюя видна женская красота, черты тонки, изящны, что составляет резкий контраст с изображением лица Цзя Чжэна: показаны усы (Сюэцин 1958, с. 227), позволяющие его легко атрибутировать, одет герой в одежды чиновника.

Сунь Вэнь, при создании иллюстрации¹ к данному сюжету романа, делает акцент на тщательной прорисовке сада Роскошных Зрелищ, а герои на этом фоне выглядят менее значимыми. Сунь Вэнь, показывая диалог между персонажами, изображает Баоюя и его отца повернутыми к зрителю лицом, чиновники стоят в профиль или спиной. Наряд и прическа Баоюя соответствуют иконографии героя у данного автора. Фигура его кажется детской на фоне остальных персонажей: она ниже и тоньше остальных. Цзя Чжэн, по сравнению с сыном, одет в менее яркие одежды: на нем коричневый халат и высокий головной убор чиновника.

На основе рассмотренных изображений, был сделан вывод о формировании иконографии Баоюя в XIX — начале XX вв. Большинство художников старались сохранить детали и символы, присутствующие в тексте. Однако, часто мастера вносили собственное видение героев, которое в большей степени касалось изображения их костюмов. Так, Сунь Вэнь показывает героя лишь в одном костюме на протяжении всей иконографии. Это объясняется желанием помочь зрителю узнать героя в иллюстрациях.

В иконографии Цзя Баоюя выявлено два вида изображений, характеризующих его образ. Он изображается как юношей 18-20 лет (данный образ чаще всего встречается в гравюрах XVIII–XIX вв.) так и мальчиком 10 лет, образ которого использовал художник Сунь Вэнь. Иконография Цзя Баоюя, прежде всего, отличается способностью передать соединение Инь и Ян в изображении героя: художники старались придать его лицу черты женственности, фигуре — изящности и тонкости, одежде — роскошности. Непременным атрибутом главного героя почти в каждой иллюстрации

¹ Изображение см.: Сунь Вэнь хуэйбэнь хунлоумэн (Сунь Вэнь. Альбом «Сон в красном тереме»). 孙温绘本《红楼梦》[Электронный ресурс] // Лаочжан шуфан (Библиотека старого Чжана) 老张的书房. Режим доступа: <http://zhfx163.blog.163.com/blog/static/606421212010626399617>. Загл. с экрана. (дата обращения: 22.04.2017)

является колпачок-*шуфагуань* с помпончиком-*цзанъин*. Кроме того, мастера показывали героя в традиционном длинном халате-*пао* с вышивкой. Фасоны костюмов и дополнительные элементы одежды у художников различаются, но наличие халата остается обязательным. Неизменным остается и изображение подвески с чудесным нефритом, главного символа героя. Что касается композиции иллюстраций с Цзя Баоюем, то стоит отметить, что место действия в рисунках чаще всего происходит либо в интерьерах внутренних покоев Дворца Жунго, либо в саду Роскошных зрелищ. Данное замечание относится ко всем иллюстрациям, использованным в статье.

Список использованных источников и литературы

Меньшиков Л.Н. Роман «Сон в красном тереме» – вершина китайской классической литературы / Цао Сюэцинь. Сон в красном тереме. Т. 1. М., 1997. С. 5–20.

Сунь Вэнь хуэйбэнь хунлоумэн (Сунь Вэнь. Альбом «Сон в красном тереме»). 孙温绘本《红楼梦》 [Электронный ресурс] // Лаочжан шуфан (Библиотека старого Чжана) 老张的书房. Режим доступа: <http://zhfx163.blog.163.com/blog/static/606421212010626399617>. Загл. с экрана. (дата обращения: 22.04.2017)

Сычёв Л.П., Сычёв В.Л. Китайский костюм. Символика, история, трактовка в литературе и искусстве. М.: Наука, 1975.

Сюэцинь Цао. Сон в красном тереме [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.e-reading.club/chapter.php/62777/172/Cao_-_Son_v_krasnom_tereme._T._1._Gl._I___XL.html. Загл. с экрана. (дата обращения: 22.04.2017)

Сюэцинь Цао. Сон в красном тереме: в 2-х т. Пер. с кит. В.А. Панасюка, под ред. В.С. Таскина. М.: Гос. изд. худ. лит., 1958.

Хунлоумэн баньхуа цзи (Сборник иллюстраций к роману «Сон в красном тереме»). 紅樓夢版畫集. / под ред. А Инбян. 阿英編. 上海: 上海出版公司, 1955. - 7, 96 с. илл.; 21 см.

Цао Сюэцинь. Шитоуцзи (Записки о камне). 曹雪芹. 石頭記. Шанхай, 1957. Т.1-2. – 18 см.

Бабарико Кирилл Борисович
студент 2 курса кафедры китайской филологии
Восточный факультет СПбГУ¹

Эволюция идеалов китайской интеллигенции на материалах современной литературы Китая

В статье предпринимается попытка проследить трансформацию идеалов китайской интеллигенции в период 1950–1980-х гг. Исследование проводится на базе произведений трех китайских писателей: Ван Мэна (р. 1934), Фэн Цицай (р. 1942) и Чжан Сяньляна (1936–2014).

После установления коммунистического режима в Китае руководством КНР была выдвинута задача «сделать Китай первым в мире государством по уровню культуры, науки, техники и промышленности» (Делюсин 1978, с. 3). В 1956 г. был провозглашен курс «пусть расцветают все цветы, пусть соперничают все ученые», основной целью которого было «повышение активности интеллигенции, использование ее знаний для построения нового Китая (Делюсин 1978, с. 3). Именно в этот период начали творческую деятельность Ван Мэн, Фэн Цицай и Чжан Сяньлян. Их творчество в эту эпоху «питалось пафосом построения нового Китая», было «заражено энтузиазмом призывов» (Родионова 2006, с. 18–19).

В произведениях, посвященных интеллигенции в первые годы существования КНР (1949–1958 гг.), они изображают героев, верных идеалам справедливости, верности и правды, искренне озабоченных будущим своей страны. Как писатели, так и их герои, готовы к активным действиям, направляя свою энергию на построение нового общества.

Образ подобного героя-интеллигента создается в первых лирических произведениях Чжан Сяньляна, из которых выделяется поэма «Песнь могучего ветра» (1957). В ней представлен обобщенный тип героя-интеллигента. Мы можем увидеть человека, ощущающего себя единым целым с новой эпохой, с могучим ветром перемен, захлестнувшим страну. Этот герой всецело поддерживает новое время, он готов сделать все для построения нового, процветающего общества, готов «первым встречать все опасности» (Родионова, 2006, с. 23).

Характерный образ героя-интеллигента создает и Ван Мэн в своих ранних прозаических произведениях, и, прежде всего, в рассказе «Новичок в

¹ Научный руководитель — к. ф. н. Оксана Петровна Родионова.

орготделе» (1956), посвященном судьбе молодого работника орготдела Линь Чжэня. Линь Чжэнь стремится ко всему относиться разумно и честно, он не мирится с тем, что неразумно и несправедливо. Он искренне верит в светлые революционные идеалы, он стремится способствовать социалистическому строительству, сделать мир лучше, не боясь при этом идти против вышестоящих.

Схожие идеалы интеллигенции писатели отображают и в произведениях, в которых они уже с высоты своего опыта смотрят на прошедшие события. В первую очередь, здесь выделяется повесть Ван Мэна «Компривет» (1979), рассказывающая о судьбе Чжун Ичэна. В 1950-е гг. он предстает верным сторонником революционных идеалов, Коммунистической партии. Он верит в то, что Компартия способна построить новый мир, готов активно участвовать в социалистическом строительстве и даже пожертвовать жизнью ради партии. Из произведений Фэн Цзицая в этой связи стоит выделить повесть «Крик» (1979), рассказывающую о судьбе ученого У Чжуньи. В 1950-е гг. он еще лишь молодой студент-историк, озабоченный проблемами страны, желающий изменить ее государственное устройство. Он готов высказаться на этот счет, что и делает в период «кампании ста цветов», когда старший брат знакомит его со своими друзьями, образовавшими «общество любителей истории, истории», в котором У Чжуньи произносит пламенную речь о «совершенствовании государственного устройства страны с целью предотвратить утверждение единоличной власти» (Коробова 2009, с. 59).

Вскоре после объявления кампании «ста цветов» началась массовая травля интеллигенции, которая продолжалась вплоть до самой смерти Мао Цзэдуна. Она началась в 1957 г., когда на многих интеллигентов навесили ярлыки «правых» и отправили в отдаленные районы на «перевоспитание» физическим трудом. Давление на интеллигенцию усилилось в период проведения политики «большого скачка» (1958–1960 гг.). После провала «большого скачка» давление на интеллигенцию несколько поубавилось, но лишь для того, чтобы с новой силой разгореться в годы «культурной революции» (1966–1976).

«Культурная революция» — «десятилетие бедствий», время жесточайших гонений на интеллигенцию, время расправы с ее лучшими представителями. Все рассматриваемые нами писатели прошли сквозь идеологические кампании эпохи Мао Цзэдуна: на Чжан Сяньляна и Ван Мэна навесили ярлыки «правых». Чжан Сяньлян провел двадцать лет в различных тюрьмах и лагерях, а Ван Мэн шестнадцать лет провел в ссылке в Синьцзяне. В годы «культурной революции» хунвэйбины разгромили дом Фэн Цзицая, семья писателя находилась в очень трудном положении.

Соответственно в произведениях, посвященных интеллигенции в период идеологических и политических кампаний (1958–1976 гг.), мы можем видеть персонажей, которые попадают под жесточайший прессинг, сильно страдают. Ряд из них не выдерживает этого, предавая себя и свои взгляды. Но большинство интеллигентов восстанавливают внутреннюю гармонию, сохраняют духовность и верность прежним высоким идеалам. Герои, прошедшие сквозь идеологические кампании, хоть и вспоминают прежние страдания, но не винят эпоху за поломанные жизни. Яркие образы героев-интеллигентов, находящихся в трудовых лагерях, создает Чжан Сяньлян в своих произведениях «Душа и плоть» (1980) «Любовь за решеткой» (1981), «Мимоза» (1984) и «Половинка мужчины — женщина» (1985). В этих произведениях мы видим «жалкого, угнетенного обстоятельствами человека, почти превратившегося в животное» (Родионова 2006, с. 129). Интеллигент у писателя «теряет внутреннюю целостность, в нем происходит конфликт между «душой» и «плотью» (Родионова 2006, с. 134). В итоге, в интеллигенте побеждает духовный человек, происходит «возрождение» героя, он приходит «к осознанию своего истинного предназначения», которое заключено в деятельности, целью которой является обеспечение процветания родной страны (Родионова 2006, с. 132). Выразительные образы «пострадавшего интеллигента» в годы «культурной революции» создает и Фэн Цзицай. Рассматривая произведения писателя, можно выделить два основных типа героев-интеллигентов. Первый тип — это люди, которые в «культурную революцию» предают свои высокие взгляды и идеалы. Это относится, прежде всего, к У Чжунъи (главному герою повести «Крик»), который под воздействием страха превратился из активного и целеустремленного человека, каким он был в 1957 г., в человека «боязливого, мнительного, подозрительного и недоверчивого» (Коробова 2009, с. 60). Он клеветает на своего брата, репрессированного еще в 1957 г., серьезно осложняя жизнь ему и его семье.

Но все же у Фэн Цзицая преобладают «сильные личности», которых не «ломают» жуткие издевательства и страдания, которые сохраняют духовность, свои прежние высокие идеалы. И в этом им помогают поддержка любимых и, что можно выделить в качестве характерной черты творчества Фэн Цзицая, любимое дело. Так, музыка становится спасением для главного героя рассказа «Итальянская скрипка» (1982), занятие литературным творчеством — для главного героя рассказа «Венгерский велосипед» (1981), вырезание трубок — для главного героя рассказа «Резная трубка» (1979).

Оригинальные образы интеллигентов создает в своих произведениях Ван Мэн. Основной фокус в его произведениях направлен на интеллигентов,

являвшихся кадровыми работниками. Особенно яркие образы таких работников нарисованы в произведениях «Компривет» (1979), «Мотылек» (1980) и «Ничтожному позвольте слово молвить» (1982). Там изображаются герои, которые с самых ранних лет были верны высоким революционным идеям. Эти герои участвовали в установлении коммунистической власти, а после образования КНР заняли высокие и ответственные посты, на которых искренне и упорно трудились ради блага народа, забывая о личных делах. Но в эпоху идеологических кампаний их обвинили в различных преступлениях, репрессировали и отправили на перевоспитание в отдаленную местность. Резкая смена обстановки причинила им и физические и душевные страдания, но постепенно, герои там освоились, завели дружеские связи с местным населением, нашли в себе силы жить дальше.

После смерти Мао Цзэдуна 9 сентября 1976 г., а также ареста и разоблачения «банды четырех» (октябрь 1976 г.) в Китае сформировался новый политический режим с курсом на модернизацию. Был произведен полный отказ от политики маоистского руководства по отношению к интеллигенции и провозглашена политика «бережного обращения с образованными людьми» (Маркова 2004, с. 513). Началась массовая реабилитация представителей интеллигенции, восстановление их прежнего общественного статуса. Судьба анализируемых нами писателей в этот период также изменилась. Именно после смерти Мао Цзэдуна они были реабилитированы, получили возможность свободно заниматься творчеством.

В произведениях, посвященных интеллигенции 80-х гг. XX в., раскрывается место героев-интеллигентов в новом, модернизирующемся Китае. Некоторые из них не могут найти место в современном мире, «выпадают из существующей реальности». Но большая часть героев-интеллигентов находит себя, проявляя гибкость и привыкая к современной обстановке. В эпоху модернизации интеллигенты вновь готовы поставить идеалы юности на службу стране, напрямую участвуя в преобразованиях.

В творчестве данного периода у писателей также можно выделить несколько типов героев-интеллигентов. Первый тип составляют герои, прошедшие сквозь мытарства и страдания эпохи Мао Цзэдуна, но при этом сохранившие прежние высокие идеалы и желание возродить страну. Именно благодаря таким личностям возрождалась былая мощь Китая. Такой образ интеллигента-реформатора создает Чжан Сяньлян в произведениях, посвященных пропаганде реформ, среди которых выделяются повесть «Лун Чжун» (1981) и роман «Мужской характер» (1983).

Второй тип героя интеллигента наиболее ярко представлен в романе Чжан Сяньляна «Привыкая умирать» (1989). Мы видим человека, совершенно

выпавшего из реальности, человека, полностью потерявшего свою душу. На героя негативное влияние оказало лагерное прошлое, которое наложило нестираемый отпечаток на все сферы жизни, к которой он утерял интерес и чувства, оставив напоследок «букет психических расстройств и отклонений. (Родионова 2006, с. 174). Герой не может жить в современном мире, настоящее для него ничем не лучше прошлого, оно лишь усугубляет психологические проблемы героя (Родионова 2006, с. 176).

Третий тип героя-интеллекта создается Ван Мэном в таких произведениях, как «Гладь озера», (1984) «Сказание о знаменитом враче Лян Ючжи» (1986) и «Ветер с нагорий» (1985). В этих произведениях перед нами предстают уже взрослые, умудренные опытом люди. Они достигли стабильного материального положения и общественного признания. Но жизнь в достатке их не удовлетворяет. Эти герои испытывают «внутреннее смятение» перед переменами, происходящими в китайском обществе в конце 1970-х — начале 1980-х гг. Больше всего их заботит вопрос нового подрастающего поколения интеллигенции. Они, с одной стороны, видят в молодежи отрицательные черты: эгоизм, приверженность материальным ценностям, забвение высоких идеалов. Но, с другой стороны, они видят в ней и положительные черты: напористость, непосредственность, энергичность. Представители старшего поколения считают, что лучшим представителям молодежи можно доверить страну.

Таким образом, интеллигенция в период 1950–1980-х гг. подверглась серьезным испытаниям, которые оказали значительное влияние на эволюцию ее взглядов. Они стали более отчетливыми, более очерченными, герои, испытав недюжинные страдания, стали лучше понимать жизнь. Но при этом они остались верны высоким идеалам юности.

Список источников и литературы:

Делюсин Л.П. Судьбы интеллигенции в Китае // Интеллигенция: место в обществе и политика руководства КПК. Москва: Институт международного рабочего движения, 1978. С. 1–23.

Коробова А.Н. Эволюция творчества Фэн Цзицая: от остроконфликтных сюжетов к «прозе родного города». Диссертация кандидата филологических наук. СПб., 2009. 207с.

Маркова С.Д. Китайская интеллигенция на изломах XX века: очерки выживания. М.: Гуманитарий, 2004. 572 с.

Родионова О.П. В погоне за мудростью: жизнь и творчество Чжан Сяньляна. СПб.: Роза мира, 2006. 289 с.

Представления о национальном характере китайцев времён правления Цин в работах Н.Я. Бичурина и С. Уэллса Уильямса

Национальному характеру китайского народа посвящено немало работ российских и зарубежных исследователей. Эта тема тесно связана с проблемами международных отношений и до сих пор не утратила актуальности.

Никита Яковлевич Бичурин (также известный под монашеским именем Иакинф) – величайший китаевед XIX в., оставивший после себя богатое наследие в виде сочинений и статей, посвящённых Китайской империи, Монголии и другим регионам, а также многочисленных переводов с китайского языка. Личность отца Иакинфа, его жизнь и оригинальные труды до сих пор привлекают внимание многих исследователей: В.С. Мясников, Н.А. Самойлов, А.Н. Хохлов, С.И. Андреевская — и это далеко не весь список.

Сэмюэл Уэллс Уильямс тоже является синологом XIX в. Этот американский исследователь так же, как Н.Я. Бичурин, занимался миссионерской деятельностью в Срединном государстве. Следует упомянуть, что Уильямс — основатель кафедры китайского языка и литературы Йельского университета. Прежде всего С.У. Уильямс известен как учёный-лингвист; тем не менее среди его трудов также встречаются и более пространные исследования, в частности работа «Срединное царство: исследование по географии, правительству, образованию, общественной жизни, искусству, религии и пр. Китайской империи и её обитателей» («Middle Kingdom: a survey of the geography, government, education, social life, arts, religion & c., of the Chinese empire and its inhabitants»), далее — «Срединное царство»), изданная в 1857 г. (т. е. спустя 17 лет после выхода в свет труда Бичурина, анализируемого наряду со «Срединным царством»). Деятельность Уильямса также не осталась без внимания исследователей: о нём писали такие деятели, как Мюррей Рубинштейн, Александр Уайли и многие другие.

Обстановка в Китае во время пребывания там Бичурина и Уильямса, а также внешняя политика данного государства в эти периоды сильно различались, что оказало влияние на воззрения исследователей относительно китайского национального характера.

¹ Научный руководитель — к. и. н. Мария Анатольевна Гулева.

Н. Я. Бичурин прибыл в Пекин 10 августа 1808 г., там он жил до 15 мая 1822 г. (Смолич 1997, с. 263). За этот период в Китайской империи один раз (в 1820 г.) сменился император. По большей части Бичурин застал правление Айсиньгёро Юньяня (Айсиньцзюэло Юньянь 爱新觉罗·永琰), взошедшего на престол в 1796 г.

Если рассматривать обстановку внутри страны в данный период, то А.А. Писарев отмечает распространение коррупции в чиновничьей среде и разложение государственного аппарата, как отражение кризиса династии Цин (История Китая 2002, с. 280). Также в данный период большое распространение получили пиратство и разбой. В ряды пиратов входили в частности те, кто участвовал в восстаниях против Цинов. Японский китаевед Инаба Кундзан подчёркивает жестокость, с которой была подавлена одна из попыток восстания. Он описывает, как в 1813 г. повстанцы ворвались в дворцовый комплекс, и тогда по велению императора против них были применены самые суровые меры наказания. Лидера повстанцев Линь Цина 林清 было велено забить до смерти (Кундзан 2012, с. 249).

При том, что Юньянь был суровым правителем, что способствовало поддержанию авторитета династии Цин некоторое время, всё же близился кризис маньчжурской власти, результаты которого можно было наблюдать во время правления преемников Юньяня – императоров Мяньнина 绵宁 (годы правления 1820–1850) и Ичжу 奕訢 (годы правления 1850–1861), что совпадает с периодом пребывания в Китае Уильямса.

По данным «Новой энциклопедии религии Шаффа и Герцога», Сэмюэл Уэллс Уильямс на протяжении жизни бывал в Китае несколько раз. В 1833 г. он отправился в провинцию Гуандун, где был типографом Американского совета уполномоченных по делам миссий за рубежом. С 1838 по 1851 гг. он был редактором периодического издания «Китайский альманах»¹, предназначенного для того, чтобы информировать протестантских миссионеров о культуре, истории империи, насущных событиях в стране и т.д. (Jackson 1950, p. 371). В 1855 г. синолог вновь едет в Китай, на сей раз в Пекин, исполняя роль секретаря и устного переводчика американской дипломатической миссии.

Прежде всего, следует рассмотреть ситуацию в Китае в период с 1833 по 1851 гг., то есть во время правления Мяньнина. Император всячески стремился справиться с внешней угрозой, выраженной в поставке опиума в Китай Америкой и Англией. Английская сторона была недовольна запретами,

¹ «The Chinese Repository».

введёнными китайским правительством, и это привело к вооружённому конфликту. С 1842 до 1848 гг. Мяньнин и его приближённые были вынуждены проводить политику «умиротворения варваров», а именно идти на уступки Англии и другим западным странам (Непомнин 2005, с. 393).

Со смертью Мяньнина в 1850 г., на престоле его сменяет Айсиньгёро Ичжу. Новый правитель был противником политики умиротворения, в связи с чем по приходу к власти практически сразу отстранил от руководства государством всех тех, кто считал уступки странам Запада необходимыми. Ичжу окружил себя сторонниками изоляции Китайской империи, теми, кто был настроен воинственно по отношению к «заморским варварам» (Непомнин 2005, с. 393).

В целом, стоит сказать, что ситуация в Цинской империи в период пребывания там Уильямса была довольно нестабильной. Цинская власть постепенно теряла свой авторитет. Если в период правления императора Мяньнина Китай шёл на некоторые уступки западным государствам, то при Ичжу после отказа от политики «умиротворения варваров» ситуация для империи усугубилась ещё больше, возобновились сражения с внешним врагом. Отмеченные различия в положении дел в Китае между временем пребывания в Пекине Бичурина и Уильямса наложили отпечаток на труды двух синологов.

Переходя к сравнительному анализу сочинений Бичурина и Уильямса, прежде всего следует отметить, что даже цели авторов, заявленные во введении, кардинально различаются. В частности, российский исследователь пишет: «Надлежало глубоко вникнуть в законодательство и действия правительства, чтобы постигнуть дух законов, политику управления, и потом определить степень просвещения» (Бичурин 1840, с. 4). Американский синолог изначально преследует совершенно иную цель: «позволю себе выразить скромную надежду на то, что она [данная работа] окажет [хотя бы] небольшую помощь в деле [внедрения] христианской культуры среди китайцев и сыграет свою роль в распространении более достоверных сведений об их государстве и народе данной страны»¹ (Williams 1857, p. 16).

Говоря о положительных чертах китайского национального характера, оба исследователя отмечают образованность и учтивость жителей империи; тем не менее в остальном мысли синологов расходятся. В сочинении «Китай, его жители» присутствует деление китайского народа на две группы, а именно чиновников и простолюдинов, при этом автор указывает больше

¹ «I may be allowed to express the humble hope, that it will aid a little in advancing the cause of Christian civilization among the Chinese, and do its part in diffusing a juster knowledge of their state and nation in this country».

положительных черт, рассуждая о простых людях. Бичурин отмечает, что с детского возраста им прививают уступчивость, кротость, рассудительность, трудолюбие, бережливость, трезвость и умеренность. О чиновниках исследователь говорит сравнительно мало, подчёркивая лишь то, что они более образованны и любезны в обществе, нежели простолюдины (Бичурин 1840, с. 381). В «Срединном царстве» помимо положительных черт характера, названных выше, указаны миролюбие китайцев, а также их приверженность к ритуалам.

Дурные проявления характера жителей Цинской империи также не остались без внимания исследователей. Бичурин и Уильямс оба выделяют такие черты китайцев, как коварство, жестокость, отсутствие гостеприимства, а также сладострастие и приверженность к азартным играм. Следует уточнить, что при этом Бичурин, говоря о последних двух чертах, приписывает их в первую очередь жителям городов и многолюдных мест (Бичурин 1840, с. 383), в отличие от Уильямса, который не считает нужным делать подобные уточнения в своём сочинении. Похожим образом обстоит ситуация с корыстолюбием китайцев. В то время как американский синолог делает обобщение, приписывая эту черту большинству китайцев, российский китаист отмечает, что она больше присуща чиновникам (Бичурин 1840, с. 385). В числе других названных Бичуриным дурных черт характера значатся раздражительность, скрытность, вероломство, мстительность.

Любопытна лексика, которую применяет Уильямс, описывая китайский национальный характер: в частности, синолог пишет, что жители страны «ужасающе гнусны и грязны, их разговоры полны сквернословия, а их жизни — порочности»¹ (Williams 1857, p. 96).

Выводы, сделанные синологами об особенностях китайского национального характера полностью противоположны: в то время как Бичурин оптимистично сообщает о том, что «сторона хорошая перевешивает дурную» и «добрая нравственность [...] поддерживается отличным действием законов» (Бичурин 1840, с. 389), Уильямс пишет с точностью до наоборот: «если и есть что-то [в китайском национальном характере] достойное похвалы, то того, что требует порицания, больше [...]». В стремлении исправить недостатки своего характера посредством правовых ограничений и распространения образования они несомненно нашли верные методы; но изъяны их [характера] показывают, насколько оба [метода] будут

¹ «They are vile and polluted in a shocking degree, their conversation is full of filthy expressions and their lives of impure acts».

неэффективны до тех пор, пока Евангелие не придёт на помощь правителю»¹ (William, 1857, p. 98).

Подводя итоги, следует сказать, при написании своих сочинений авторы преследовали разные цели, и если Бичурин был заинтересован в изучении китайского законодательства и образования, то Уильямс стремился доказать своим читателям необходимость распространения в Цинской империи Евангелия. Лексика, к которой прибегает исследователь в «Срединном царстве», а также отсутствие в данной работе какой бы то ни было дифференциации, показывают, что американский синолог пытался описать китайский национальный характер наиболее чёткими красками, чтобы подтвердить свою точку зрения. Вероятно, на негативное отношение Уильямса к национальному характеру китайцев повлияло то, что он застал империю в упадке и в фазе военного сопротивления иностранцам, к которым принадлежал он сам.

Список источников и литературы

Бичурин Н.Я. Китай, его жители, нравы, обычаи, просвещение. СПб.: Типография Императорской академии наук, 1840. 444 с.

Инаба Кундзан 稻叶君山. Цин чао цюань ши 清朝全史 [Полная история династии Цин]. Сиань: Сань цинь чубаньшэ 三秦出版社, 2012. 382 с.

Меликсетов А.В. (ред.) История Китая. М.: Издательство МГУ, Издательство «Высшая школа», 2002. 736 с.

Непомнин О.Е. История Китая. Эпоха Цин. М.: Институт востоковедения РАН, 2005. 712 с.

Смолич И.К. История Русской Церкви. М.: Изд-во Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, 1997. Т. 8, Ч. 2. 798 с.

Jackson S.M. New Schaff-Herzog Encyclopedia of Religious Knowledge. Vol.12. Grand Rapids, Michigan: Baker Book House, 1950. 576 p.

Williams S.W. Middle Kingdom: a survey of the geography, government, education, social life, arts, religion & c., of the Chinese empire and its inhabitants. 2 vol. N.Y.: Wiley & Halsted, 1857.

¹ «If there is something to commend, there is more to blame [...]. In trying to remedy the faults of their character by the restraints of law and the diffusion of education, they have no doubt hit upon the right mode; and their shortcomings show how ineffectual both must be until the Gospel comes to the aid of ruler».

Болученкова Наталья Олеговна
студент 3 курса кафедры философии и культурологии Востока Институт
философии СПбГУ¹

Возникновение антиутопии в китайской литературе на примере произведения Лао Шэ «Записки о кошачьем городе»

Кризисное мировосприятие наиболее остро проявляется в периоды резких социальных трансформаций. Люди в такие моменты начинают создавать утопии. Утопии не являются конкретно западным феноменом — они универсальны.

Американский социолог и философ Л. Мамфорд предложил следующую классификацию утопических произведений:

- утопии бегства, где желаемое помещается в пространственную даль. Примерами могут служить «Путешествие на Запад» У Чэнъэня, «Персиковый источник» Тао Юаньмина.

- утопии-реконструкции, в которых желаемое помещается во временную даль. Подобные произведения более характерны для западной литературы XX в., в том числе фантастической. Обычно данные утопии предлагают реорганизовать общество, в котором живет народ здесь и сейчас (Mumford 1922, p.23).

Помимо приведенной выше классификации утопий, существуют и другие, выделяющие, например, героические утопии, религиозные утопии, и некоторые другие виды этого жанра. Для нашего анализа, тем не менее, гораздо более актуальна классификация Л. Мамфорда.

Утопии, обладая амбивалентной сущностью, часто приобретают характер антиутопий, который всегда сопутствует утопиям. Так возник жанр антиутопии, окончательно оформившийся к XX в. Он включает в себя черты социальной философии, фантастики, футурологии. Если важной особенностью утопии является её статичность, то для антиутопии характерны попытки рассмотреть развитие описанных социальных устройств (как правило, в сторону нарастания негативных тенденций, что нередко приводит к кризису и обвалу). Таким образом, антиутопия работает обычно с более сложными социальными моделями.

Авторы антиутопий, как правило, не относят себя к психологическим релятивистам. Отправной точкой их размышлений является утверждение, что

¹ Научный руководитель — ассистент Полина Геннадьевна Крупнина.

существуют определенные черты, составляющие сущность человека, а сам человек не является чистым листом, на котором общество напишет свой текст. Данные авторы утверждают, что всем людям свойственно сильное стремление к любви, справедливости, правде, солидарности (Фромм 2005). Стоит учитывать это при анализе подобных произведений.

Существование антиутопического жанра в Китае ставится под сомнение, с чем связано малое количество исследований на данную тему. Однако произведение «Записки о кошачьем городе» Лао Шэ в аннотациях характеризуется издателями как антиутопическое. Кроме того, данный роман в СССР публиковался в сборниках «Научная фантастика», что заставляет задуматься о том, действительно ли роман «Записки о кошачьем городе» относится к детской литературе, как это принято считать.

Актуальность данного исследования заключается в том, что изучение литературных жанров позволяет лучше понять культуру, проблемы, возникающие в том или ином обществе, исходя не только из исторических документов, но и литературных тенденций эпохи. Возникновения антиутопического жанра в литературе того или иного народа свидетельствует о глубинных изменениях в данном обществе, что является важным сигналом для футурологов, психологов, социальных философов.

В Китае падение Циньской империи в результате Синьхайской революции (1911–1913 гг.) не принесло политического и морального освобождения большинству населения страны, раскрепощения всей нации, хоть в стране и начали создаваться различные политические и художественные кружки и группы прогрессивного характера, которые, опираясь на передовые идеи, энергично повели борьбу против догматизма и схоластики, за новые художественные приемы, необходимые для выражения духовных потребностей общества. В Китае возникли литературные направления, среди которых значительную роль играли «Общество изучения литературы» и «Творчество». Были также литературные группы и декадентского направления.

Приобщение китайской интеллигенции к западноевропейской мысли, влияние Великой Октябрьской революции привели к значительному сдвигу в развитии национально-освободительного движения в Китае, бурному росту национального и патриотического самосознания китайского народа; реальным проявлением чего стало общественное движение, возникшее в мае 1919 г., известное как движение «4 мая». Новая эпоха выдвигала и новые проблемы. Перед художниками встал вопрос об их месте в обществе. В тот период проблема «художник и время» встала особенно остро, и творчество Лао Шэ нельзя рассматривать в отрыве от эпохи.

«Записки о кошачьем городе», изданные как самостоятельная книга в 1933 г., можно считать образом китайского общества 30-х годов XX в. В это время Китай переживал период «смутного времени», который можно встретить в истории почти каждого народа. В стране бушует гражданская война: Гоминьдан проводит политику террора в отношении всех своих противников, и прежде всего против созданных под руководством КПК отрядов Красной армии Китая. Создано оппозиционное Временное центральное правительство Китайской Советской республики. Трагедию гражданской войны усиливает оккупация Японией Северо-Восточного Китая и создание там марионеточного государства во главе с последним императором цинской династии (отрекшимся от престола в 1912 г.). Разглядеть в этом водовороте событий контуры «Кошачьего города» мог лишь человек, обладающий аналитическим умом и колоссальной художественной интуицией.

Изображаемое автором общество переносится в пространственную даль, на Марс. По сюжету, в результате крушения космического корабля выживает только один член команды. Его берут в плен обитатели планеты — инопланетяне с кошачьими головами, представители старинной городской цивилизации кошек, которая насчитывает много тысяч лет. Главный герой, вооружённый лишь пистолетом и спичками, оказывается обладателем самого мощного оружия в кошачьем мире. Кошачий город — столица государства, кичащегося своей древней историей, поэзией и культурой, цивилизации, которая из-за «дурманных листьев» находится в столь же плачевном состоянии, что и Китай времен Опиумных войн. В кошачьем государстве объявлена всеобщая грамотность (наступающая вследствие однодневного пребывания в школе-университете), а войска не защищают народ, но грабят его, сдерживаемые лишь страхом пред иностранцами-сторожами. Позабыв о своих достоинствах, «кошкоголовые» утратили способность к единению и потеряли свой суверенитет — были захвачены «низкорослыми воинами». Свобода, к которой так стремились «кошкоголовые», оказалась для них смертельной.

Население «кошачьего города» существует по определенным принципам, важнейший из которых — каждому следует возобладать над другим. В погоне за собственными желаниями, кошкоголовые все больше разрушают общество, будучи не способными в силу отсутствия образования и культуры не только создать что-либо новое, но и сохранить старое. Как принято в произведениях жанра антиутопии, Лао Шэ не объясняет причин падения цивилизации, а только показывает «новую цивилизацию»,

изменившую своим традициям, деградировавшую и находящуюся в нравственном упадке.

Стоит сказать, что появление романа не связано ни с каким программным расчетом. Его породили озабоченность политическими событиями эпохи, влияние идей «Движения 4 мая», а также конфуцианское чувство ответственности интеллигента перед государством. По мнению А. А. Родионова, можно выделить несколько этапов развития творчества Лао Шэ (Родионов 2001). Согласно данному исследованию, годы написания романа, 1925–1932 гг., для Лао Шэ стали временем просветительского разоблачения недостатков национального характера китайцев. В этот период Лао Шэ опирается на индивидуальные образы для создания коллективного образа китайцев, использует обобщения в виде авторских ремарок, что придает его произведениям некоторую публицистичность. На первый план, выходят патриотические мотивы, преобразование национального характера видится автору как важнейшее условие для модернизации Китая. Для осуществления такой модернизации необходим критический отбор ценностей традиционной культуры и их дополнение ценностями западной цивилизации.

Кроме того, Лао Шэ пишет о случайности выбора общества кошек «Я использовал именно кошачий город из-за маленького семейного происшествия — я только что принес домой маленького котенка желто-белого цвета. Уэллс в «Первых людях на луне» сравнивал социальную жизнь на Луне с разделением труда у муравьев. Мои люди-кошки стали людьми-кошками совершенно случайно. Если бы в тот день я принес домой кролика, вполне вероятно, что люди-кошки стали бы людьми-кроликами; при всем при том и у людей-кошек, и у людей-кроликов все бы пошло прахом» (Лин 2005).

Однако любое культурное заимствование будет неполным. Именно поэтому антиутопия Лао Шэ имеет целый ряд характерных для китайской литературы начала XX в. признаков: отсутствие индивидуальности героев, обилие иронии, определенная лубочность (по сравнению с западными образцами) и т. д. Антиутопия лишь критикует, но не предлагает ничего взамен, при этом дарует читателю ощущение апатии, тоски, отнимает веру в счастливое будущее. Она не обладает легкостью сатиры, её сюжет излишне тяжеловесен и однообразен. В этом — коренные недостатки жанра, которые, по нашему мнению, частично стали причиной непопулярности антиутопий в Китае.

Таким образом, жанр антиутопии как никакой другой связан с исторической действительностью. Авторы выделяют наиболее отрицательные, по их мнению, общественные тенденции, и стремятся указать обществу на них. В антиутопии выражается протест против насилия, абсурдного социального

устройства, бесправного положения человека, засилья массовой культуры, бездуховности и т. д. Она указывает на несовершенство утопических конструкций, которые зачастую носят мессианскую окраску, эксплуатируют подсознательное желание людей обрести всеобщее благосостояние. Подлинный путь обретения Веры, культуры, нравственности и мира достаточно сложен для человека и требует от него экзистенциального совершенствования, а не утопической упрощенности, приводящей всё к однозначной схеме. Произведения антиутопического жанра являются одновременно как реакцией на эти тенденции, так и предсказанием их дальнейшего развития. Автор приписывает негативные черты современного ему общества выдуманному, воображаемому социуму или рисует мрачный результат развития существующих тенденций.

Список источников и литературы

Лин О. В. Экзистенция социального: в городе кошек Лао Шэ. [Электронный ресурс] Сетевой научно-практический журнал «Научный результат», Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/ekzistentsiya-sotsialnogo-v-gorode-koshek-lao-she>, свободный. Загл. с экрана (дата обращения: 9.01.2017).

Родионов А. А. Национальный характер китайцев в творчестве Лао Шэ. СПб, 2001. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.dissercat.com/content/natsionalnyi-kharakter-kitaitsev-v-tvorchestve-lao-she>, свободный. Загл. с экрана (дата обращения: 9.01.2017).

Фромм Э. Комментарии к «1984», 2005 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://orwell.ru/library/novels/1984/russian/rnt_ef, свободный. Загл. с экрана (дата обращения: 9.01.2017).

Mumford L. The Story of Utopies. N. Y.: Boni and Liveright, 1922. P. 23.

Борькина Анастасия Юрьевна
аспирант 1 года обучения кафедры китайской филологии,
Восточный факультет СПбГУ¹

Изменчивый мир укиё в произведениях Дзиппэнся Икку и Сикитэй Самба

Эпоха Токугава (1603–1867) в Японии в большинстве сфер общественной жизни ознаменовалась значительными переменами, связанными с укреплением сословия горожан, а также с распространением присущего им мироощущения *укиё* 浮世 — стремления максимально насладиться каждым моментом текущей, изменчивой жизни, полной новых впечатлений и удовольствий. Примечательно, что первоначально этот термин трактовался как обозначение скорбного, брэнного мира. Таким образом, уже в самом понятии проявляются специфические черты мировосприятия горожанина того времени.

Концепция *укиё* находила свое отражение во многих произведениях искусства, исключением не были и литературные работы. Считается, что отсчет этому явлению в литературе можно вести с сочинения «Укиё моногатари» (яп. 浮世物語, «Рассказы изменчивого мира», 1666), написанного Асаи Рёи 浅井了意 (?–1691). «Укиё моногатари» представляет собой сборник новелл о приключениях юноши Хётаро, ведущего весьма распутный образ жизни. Именно в этом произведении зарождается новая тенденция к переносу фокуса внимания писателя и читателей к чистой бытийности и формированию позитивного отношения к ней (Shirane 2002, p. 29). Олицетворением этого можно считать знаменитую метафору из предисловия к «Укиё моногатари», где течение жизни горожанина сравнивается с «покачиванием тыквы-горлянки на волнах неведомого» (Григорьева 1979, с. 256). Затем данные идеи стали развиваться и другими писателями, в том числе, и авторами популярной развлекательной литературы *гэсаку* 戯作.

Присутствует этот концепт и в работах авторов *коккэйбон* 滑稽本 («забавные книги»), одного из жанров *гэсаку*. Так, Дзиппэнся Икку 十返舎一九 (1765–1831) в произведении «Токайдотю хидзакуригэ» (яп. 東海道中膝栗毛, «На своих двоих по тракту Токайдо», далее — «Хидзакуригэ») и Сикитэй Самба 式亭三馬 (1775–1822) в сочинении «Укиёбуро» (яп. 浮世風呂,

¹ Научный руководитель — доцент, к. ф. н. Дмитрий Иванович Маяцкий.

«Современная баня») конструируют своеобразные «миры *укиё*» в миниатюре, в которых существуют их персонажи. Примечателен тот факт, что в произведениях прослеживаются как общие мотивы воспроизведения реальности *укиё*, так и уникальный подход каждого из авторов.

Интересно отметить, что воздействие концепта «изменчивой жизни» проявляется в произведениях Икку и Самба уже на уровне их структурного построения. Восприятие мира как бесконечного потока впечатлений и приключений можно рассматривать как один из факторов формирования композиции данных сочинений, состоящих из отдельных эпизодов, каждый из которых вполне самостоятелен. При этом ряд этих отрывков может быть продолжен до бесконечности, что может быть связано с идеей безостановочного движения жизни, характерного для мира *укиё*. Конечно, стоит учитывать, что это не было единственной причиной выбора для произведений именно такой структуры — вероятно, гораздо большую роль здесь играли факторы куда более приземленные, например, стремление обеспечить возможность для написания все новых и новых продолжений коммерчески успешных произведений. Видимо, в случае сочинений *коккэйбон* (и литературы *гэсаку* в целом) нужно, скорее, говорить о комплексе причин, определивших особенности структуры произведений.

Мир произведения «Токайдотю хидзакуригэ» представляет собой сеть из пятидесяти трех почтовых станций тракта Токайдо — главной транспортной артерии Японии того времени — которые, по сути, являются в данном сочинении единственными постоянными величинами изменчивой реальности. Перемещения героев между локациями лишь подразумеваются, вписываясь в общий поток движения жизни, и отдельного описания не удостоиваются. Важны лишь точки, по которым выстраивается их маршрут. Повествование наполнено огромным количеством практической информации, например, рекомендациями, в какой провинции какой продукт попробовать, где дешевле всего остановиться на ночлег, какой публичный дом лучше всего посетить и т. д. (при этом путешествие в произведении Икку по большей части лишено романтического флёра, автор честно сообщает читателю обо всех трудностях, с которыми ему придется столкнуться в пути), что вполне вписывается в концепцию мировоззрения *укиё* с его интересом к практическому знанию, к внешней стороне реальности. Сам мотив путешествия главных героев, прикрывающихся благородной целью паломничества в храм Исэ, а на деле бегущих после неудавшейся аферы от долгов в чужие края в поисках лучшей жизни, может считаться выразителем идеи *укиё*.

Мир Токайдо у Икку населен огромным количеством неприкаянно блуждающих по дорогам страны персонажей, стремления которых максимально приземлены, а отношение к жизни, порой довольно тягостной, в целом, оптимистично. Квинтэссенцией этих стремлений, разумеется, являются главные герои «Хидзакуригэ», Ядзи и Кита, которые в погоне за приключениями и удовольствиями попадают в пространстве Токайдо в разнообразные комические ситуации. При этом особая ценность «Хидзакуригэ» состоит в том, что действия героев хоть и представляются, на первый взгляд, чистой воды фарсом, на деле же оказываются пронизаны чередой пронизательных и порой совсем не веселых наблюдений о жизни. Такова, например, сцена, где герои, заскучав в пути, начинают загадывать друг другу загадки, и в ответ на очередной забавный вопрос Ядзи заявляет, что они с Кита — всего лишь «две клячи», которых «все погоняют» (Икку 1958, с. 69). Именно так и живут в «Хидзакуригэ» бродящие по дорогам персонажи, о которых неизвестно ничего, кроме пары-тройки фраз, которые они успевают бросить, прежде чем раствориться в общем потоке. Однако и этого хватает, чтобы читатель смог проникнуться житейской мудростью и юмором этих героев.

Общественная баня в «Укиёбуро» также функционирует как метафора мира *укиё*. Уже сам выбор места действия произведения представляется достаточно интересным. Помимо того, что, поскольку общественные бани в эпоху Токугава были одним из наиболее популярных мест времяпрепровождения среди горожан, это позволило Самба в «Укиёбуро» представить целый срез жителей Эдо, были и иные, более глубокие факторы, определившие его выбор. В предисловии к «Укиёбуро» Самба пишет об этом так: «...согласно естественному мироустройству, все, умные и глупые, добрые и злые, бедные и богатые, высшие и низшие, принимая ванну, раздеваются догола. ...все вновь приобретают тот вид, в котором когда-то родились» (Самба 1957, с. 47). Таким образом, общественная баня становится для него идеальной декорацией, в которой он представляет человеческую жизнь в самых разных ее проявлениях. Именно благодаря этому ему удастся создать в рамках неизменного места действия динамичный поток постоянно сменяющих друг друга персонажей, которые рассказывают сливающимися в один голосами свою историю. Проблемы и радости их, безусловно, до невозможности мелочны — женился ли сын на ленивой девице, вошла ли в моду новая прическа, заболел ли кто-то из родственников, однако, используя технику реалистичного воспроизведения разговорной речи, Самба максимально приближает своих героев к читателю, как будто напрямую ведет с ним диалог. При этом, как и Икку, Самба отнюдь не идеализирует

окружающую его реальность, прямо заявляя о многочисленных жизненных трудностях. Но одновременно ему удастся избежать и пессимистичного мировоззрения, поскольку он не сомневается в том, что этот мир все-таки стоит того, чтобы продолжать жить в нем и радоваться этой жизни. «Что будет после смерти, этого мы не знаем...», говорит Самба устами одной из посетительниц общественной бани. «Вот как помрешь, так сразу и захочется тебе еще разочек пожить. Да только поздно уже будет — все равно, что хвалить первую жену сына, которую ты сама и прогнала прочь, и поносить вторую...» — рассуждает эта женщина (Самба 1957, с. 123). Такова жизненная философия персонажей Самба, типичные, понятные образы которых могут считаться одним из главных художественных достижений его произведения.

Таким образом, в произведениях Дзиппэнся Икку и Сикитэй Самба явно прослеживается реализация мировоззрения *укиё*, при этом оба они хоть и пользуются схожими техниками, все же обнаруживают специфический подход в их использовании. Если в «Хидзакуригэ» основным стержнем становится связующий мотив путешествия, а также способ восприятия пространства и наводняющих его персонажей и предметов глазами главных героев, то в «Укиёбуро», напротив, место действия остается неизменным, а ситуации воспринимаются одновременно множеством персонажей, сменяющих друг друга. Все это позволяет писателям добиться ощущения эфемерности пространства, одновременно провозглашая высшей ценностью погоню за каждым моментом наслаждения в качестве единственного способа примириться с хаосом мира *укиё* и непрочным положением человека в этом мире. Анализ этих техник, а также стоящих за ними мировоззренческих вопросов представляется важным и актуальным для изучения жанра *коккэйбон* и литературы *гэсаку* в целом.

Список использованных источников и литературы

Григорьева Т. П. Японская художественная традиция. М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1979. 368 с.

Дзиппэнся Икку 十返舎一九. То:кайдо:тю: хидзакуригэ 東海道中膝栗毛 (На своих двоих по тракту Токайдо). Серия «Японская классическая литература», том 62. Токио: Иванами сётэн, 1958. 503 с.

Сикитэй Самба 式亭三馬. Укиёбуро 浮世風呂 (Современные бани). Серия «Японская классическая литература», том 63. Токио: Иванами сётэн, 1957. 310 с.

Shirane Haruo. Early Modern Japanese Literature: an Anthology, 1600–1900.

New York: Columbia University Press, 2002. 1027 p.

Буцык Полина Ивановна
магистрант 2 курса Восточного факультета СПбГУ
профиль "История народов Азии и Африки".¹

О содержании и историческом значении «Благоразумно утвержденного постановления по улучшению управления Тибетом» 1751 г.

«Благоразумно утвержденное постановление по улучшению управления Тибетом» (кит. 酌定西藏善后章程²) представляет собой официальный документ, в котором содержатся основные положения реформы административного управления Тибетом, осуществленной в 1751 г. Это «Постановление» было подготовлено рабочей группой, в которую входили как представители тибетской аристократии, так и цинские чиновники. Его появление было вызвано необходимостью реформировать местную тибетскую администрацию после событий в Лхасе, во время которых были убиты и тибетский правитель Гьюрмэ Намгьял³, и оба казнивших его императорских резидента в Лхасе (*амбани*). Согласно «Правдивым записям династии Цин», данное постановление было утверждено императором 23 апреля 1751 г.⁴ Через шесть дней, 29 апреля 1751 г., этот документ был скреплен печатями императорских посланников, высокопоставленных тибетских чиновников и высших буддийских иерархов. Полный текст постановления сохранился только на тибетском языке и содержится в собрании тибетских архивных документов под общим названием «Собрание полученных официальных писем»⁵ (Schwieger 2015, p. 143). Текст постановления на китайском языке, в более сокращенном варианте, представлен в «Правдивых записях династии Цин»⁶ (Цин шилу 1982, с. 1199-1201). Кроме того, данный официальный

¹ Научный руководитель — д. и. н., профессор Владимир Леонидович Успенский.

² Данное заглавие документа приводится в «Правдивых записях династии Цин» (Цин шилу 1982, с. 1199–1201)

³ Гьюрме Намгьял ('Gyur med rNam rgyal, ?–1750 гг.) — последний единоличный светский правитель Тибета (кит. чтение 藏王). Унаследовал от отца Полхане титул *цзюньван* (кит. 郡王) и право управлять всеми внутренними делами Тибета.

⁴ В «Правдивых записях династии Цин» указана следующая дата: шестнадцатый год правления императора Цяньлуна, третий лунный месяц, число *и чоу* (кит. 乾隆十六年[辛未]三月乙丑).

⁵ Тиб. wang shu tshur phul gyi deb

⁶ Необходимо отметить, что текст «Постановления», который содержится в «Правдивых записях династии Цин», является всего лишь законодательным проектом, утвержденным императором. Он состоит из одиннадцати пунктов. Тибетский же вариант этого текста, состоящий из тринадцати статей, можно считать основным документом, поскольку именно

документ упоминается в других исторических источниках на тибетском языке: «Биографии Дорин Пандиты» (Тедзин Пелджор 2006, с. 56), «Биографии Далай-ламы VII» (Чанкья Ролпе Дордже 2010, с. 155), «Автобиографии калона» (Докарва Церин Вангьел 1981, с. 70) и других¹.

Поскольку тибетский текст изучаемого нами документа является наиболее полным, его следует принять в качестве основного источника. Он озаглавлен следующим образом: «Тринадцать статей постановления, утвержденного в результате соглашения, достигнутого на общем собрании пребывающих в Тибете по высочайшему повелению *амбаней*, [управляющих]-*дина*, [членов] тибетского правительства Кашаг² и представителей трех [главных] монастырей Сера, Депунг и Гаден»³. Если представить структуру (формуляр) постановления в терминах формальной дипломатики, то оно состоит из следующих частей: *intitulatio* (адресант), *arenga* (преамбула), *promulgatio* (объявление), *narratio* (повествование), *dispositio* (распоряжение), *sanctio* (санкция), *corroboratio* (удостоверение) и *datum* (выходные данные) (Каштанов 1988, с. 172).

Intitulatio содержит последовательное перечисление имен и званий чиновных лиц, участвовавших в составлении документа. Перевод данного раздела представляется весьма затруднительным, поскольку имена и титулы, затранскрибированные тибетскими буквами, сложно идентифицировать с монгольскими, маньчжурскими и китайскими наименованиями званий и титулов, а также личными именами чиновников. Ситуация осложняется тем, что многие имена, перечисленные в *intitulatio* изучаемого документа, не встречаются в других письменных источниках. Если тщательно исследовать приведенный список имен, можно заметить, что единственным тибетским чиновником, чье имя было занесено в данный раздел документа наряду с именами многочисленных императорских посланников, был *гун* Дорин

он был оглашен перед собранием высших духовных и светских лиц в Тибете 29 апреля 1751 г. и скреплен печатями тибетских чиновников и буддийских иерархов.

¹ Следует отметить, что в тибетских источниках документ упоминается под разными заглавиями: «Официальное постановление в тринадцати статьях об утверждении благого порядка в Тибете» (тиб. bod ljongs bde thabs kyi rtsa tshig don tshan bcu gsum ma), «Дела Тибета, сформулированные в тринадцати статьях» (тиб. bod kyi las ka don tshan bcu gsum du bkod pa), «Собранный в тринадцати статьях надлежащий порядок решения дел, касающихся Тибета» (тиб. bod ljongs kyi bya ba las kyi 'khor lo ji ltar bgyi ba'i tshul don tshan bcu gsum du bsdu pa).

² Тиб. bka' shag

³ Тиб. bod bshugs bkas mngags am ban dang /_sde pa gzhung bka' shag_se 'bres dge gsum gyi sku tshab bcas thun mong tshogs 'du'i thog gros 'chams byung ba'i gros tshod de don tshan bcu gsum zhes bya ba bzhugs so/ (Собрание исторических документов 1989, с. 97).

Пандита Нгодуб Рабтен¹, один из самых влиятельных тибетских аристократов того времени.

Arenga представляет собой краткую преамбулу, в которой подчеркивается высочайшая воля императора на установление в Тибете справедливой системы управления. В следующем разделе (*narratio*) содержится краткий рассказ о событиях, которые привели к убийству тибетского правителя Гьюрмэ Намгьяла и *амбаней*, а также поясняется необходимость проведения реформы административной системы. *Promulgatio*, или формула публичного объявления, содержит обращение ко всем тибетцам со словами увещевания и предостережения, что указывает на всеобщий (в границах Тибета) и обязательный характер принятых предписаний.

Раздел *dispositio* включает в себя тринадцать статей, в которых анализируются прежние законы, обычаи и традиции управления, существовавшие в Тибете при правителях Полхане² и его сыне Гьюрмэ Намгьяле, и формулируются основные положения проводимой административной реформы. Данные статьи охватывают такие вопросы, как формирование новой структуры административного аппарата, порядок назначения на государственные должности, система наказаний и порядок судопроизводства, структура военной администрации, система взимания налогов и наложения повинностей и некоторые другие.

Если рассмотреть эти статьи по порядку, то первая и вторая из них посвящены вопросам формирования нового правительства Кашаг — высшего органа власти, состоявшего из четырех министров-*калонов*, трое из которых должны были выбираться из числа светских лиц, и один — из числа ученых лам школы Гелугпа. Третья и четвертая статьи содержат предписания относительно порядка назначения и смены чиновников местной администрации отдельных областей Тибета. В пятой статье подробно описан порядок назначения лам на высшие руководящие посты буддийской иерархии Тибета, а также меры, которые должны предпринять светские чиновники при обнаружении нарушения закона духовным лицом. Шестая статья предписывает сократить чиновничий аппарат, упразднив лишние должности и служебные посты, учрежденные при Полхане и Гьюрмэ Намгьяле. В седьмой статье поясняется необходимость дополнительно назначить еще одного тысяцкого (*дапона*) в области Уй, а также даются указания относительно

¹ Тиб. rdo ring paN+Di ta dngos grub rab brtan

² Полхане Миванг Сонам Тобгье (Pho lha nas Mi dbang bSod nams sTobs rgyas, 1689–1747 гг.) — выдающийся тибетский правитель. Благодаря умелой политике заслужил уважение и доверие императоров Юнчжэна и Цяньлуна. Фактически стал единоличным светским правителем Тибета.

порядка принятия важных решений в сфере обороны государственных границ. Восьмая статья посвящена рассмотрению процедуры утверждения в должности *калонов* и *дапонов*: при назначении на высшие государственные посты надлежало отправить доклад в Палату внешних сношений (Лифаньюань) для получения письменного подтверждения. В девятой статье содержатся предписания по упорядочиванию системы взимания налогов и наложения повинностей. Десятая статья содержит указания относительно процедуры выдачи проездных документов, которые позволяли пользоваться выючными животными, принадлежавшими простому населению, и трудом крестьян (*ула*). Одиннадцатая статья запрещает высокопоставленным чиновникам самовольно изымать средства из казначейства Далай-ламы и использовать их в личных целях. В двенадцатой статье подчеркивается исключительная стратегическая важность двух областей — Нагчу и Нгари, а также необходимость назначения способных и надежных чиновников на должности управляющих этих областей. Последняя статья содержит предписания по установлению нового порядка управления монголами Цайдама. В частности, была утверждена новая иерархия монгольских военачальников, которые были переподчинены непосредственно находившимся в Тибете *амбаням*.

Раздел *sanctio* содержит запрещение нарушения приведенных выше предписаний под угрозой наказания, раздел *corroboratio* — удостоверение о скреплении документа печатями чиновников, участвовавших в составлении документа и присутствовавших при его официальном провозглашении. Документ завершается датой подписания постановления (*datum*) — «в благой день третьего числа последнего весеннего месяца шестнадцатого года правления императора Цяньлуна» (Собрание исторических документов 1989, с. 112).

Подводя итоги, следует подчеркнуть, что это постановление явилось первым официальным документом законодательного характера, утвержденным при династии Цин, который непосредственно касался вопросов функционирования тибетской администрации. Оно затрагивало основные проблемы гражданского и военного управления, судопроизводства и налогообложения. В результате принятия данного постановления и проведения административной реформы, с одной стороны, была упразднена система единовластного светского правления в Тибете. Император Цяньлун в эдиктах и приказах, направленных императорским посланникам Цэрэну и Баньди, неоднократно подчеркивал необходимость назначить нескольких высокопоставленных чиновников на руководящие посты в Тибете, чтобы тем самым избежать ситуации концентрирования власти в одних руках (Цин шилу 1982, с. 1177). С другой стороны, в результате этой реформы Далай-лама VII

Келсан Гьяцо получил широкие властные полномочия. Согласно данному постановлению, Далай-лама приравнивался по статусу и положению к пребывающим в Лхасе *амбаням*, в его лице была объединена светская и духовная власть (тиб. *chos srid*, кит. 政教合一) (Гу Цзучэн 1999, с. 208–214). Ни одно важное решение не могло быть принято без его согласия: министры-*калоны* (члены Кашага), которые были переданы в непосредственное подчинение Далай-ламе, должны были докладывать ему обо всех важных вопросах гражданского и военного характера, испрашивать его указаний в случаях судебных разбирательств и назначений на важные государственные посты. Таким образом, цинским императором были впервые утверждены конкретные властные полномочия Далай-ламы.

Необходимо отметить, что данная реформа, несмотря на все нововведения, была представлена как возвращение к прежним благим традициям управления, существовавшим при Далай-ламе V¹ (Чанкья Ролпе Дордже 2010, с. 156). Это намерение подчеркивалось в каждой из приведенных выше тринадцати статей. Таким образом, благодаря поддержке и благосклонности императора Цяньлуна Далай-лама смог упрочить свои позиции не только как самый почитаемый буддийский иерарх Тибета, но и как духовный и светский правитель.

Принятие данного постановления также свидетельствовало об усилении контроля цинского правительства в сфере вопросов внутреннего управления в Тибете. Несмотря на недостаточную детализацию отдельных положений и отсутствие подробных рекомендаций относительно взаимодействия руководящих лиц в конкретной ситуации, это постановление (в качестве основного документа по административному устройству Тибета) действовало в течение сорока лет и явилось прототипом для последующих документов подобного рода.

Список источников и литературы

Bod kyi yig tshags dang gzhung yig phyogs bsdus dwangs shel me long (‘Собрание исторических архивных и ведомственных документов Тибета, называемое «Чистое кристальное зеркало»’) / Bkra shis Dbang ‘dus bsgrigs pa (сост. Таши Ванду). Pe cing: Mi rigs pe skrun khang (Пекин: Народное издательство), 1989. 323 p.

¹ Далай-лама V Нгагванг Лосан Гьяцо (тиб. *rgyal ba lnga pa ngag dbang blo bzang rgya mtsho*, 1617–1682) — пятый в числе перерождений Далай-лам. Благодаря своим познаниям в буддийском Учении, а также активному участию в управлении Тибетом, был удостоен почетного титула «Великий Пятый».

Bstan 'dzin dpal 'byor (Тендзин Пелджор). *Rdo ring paN+Di ta'i rnam thar* ('Биография Дорин Пандиты'). Kh rin tu: Si khron mi rigs pe skrun khang (Чэнду: Народное издательство провинции Сычуань), 2006. 619 p.

Lcang skya Rol pa'i rdo rje (Чанкья Ролпе Дордже). *Sku phreng bdun pa blo bzang bskal bzang rgya mtsho'i rnam thar dpag bsam rin po che'i snye ma* ('Биография седьмого Далай-ламы Келсан Гьяцо, называемая «Плоды драгоценного дерева, исполняющего желания»). smad cha (вторая часть). Pe cing: krung go'i bod rig pa dpe skrun khang (Пекин: Издательство «Китайская тибетология»), 2010. 510 p.

Mdo mkhar ba Tshe ring Dbang rgyal (Докарва Церин Вангьел). *Bka' blon rtogs brjod* ('Автобиография калона'). Khren tu: Si khron mi rigs dpe skrun khang (Чэнду: Народное издательство провинции Сычуань), 1981. 139 p.

Цин шилу цзанцзу шилiao 清实录藏族史料 [Материалы по истории тибетцев из 'Правдивых записей династии Цин']. Ди сань цзи 第三集 [том 3]. Ласа 拉萨: Сицзан жэньминь чубаньшэ 西藏人民出版社 [Лхаса: Тибетское народное издательство], 1982. P. 1095–1613.

Гу Цзучэн 顾祖成. Мин Цин чжи Цзан ши яо 明清治藏史要 [Краткая история управления Тибетом при династиях Мин и Цин]. Ласа 拉萨: Сицзан жэньминь чубаньшэ 西藏人民出版社 [Лхаса: Тибетское народное издательство], 1999. 331 p.

Капитанов С.М. Русская дипломатика: Учеб. пособие для вузов по спец. «История». М.: «Высшая школа», 1988. 231 с.

Мартынов А.С. Статус Тибета в XVII-XVIII вв. в традиционной китайской системе политических представлений. М.: Издательство «Наука», 1978. 280 с.

Petech L. China and Tibet in the Early XVIIIth Century: History of the Establishment of Chinese Protectorate in Tibet. Leiden: Brill, 1972. 309 p.

Schwieger P. The Dalai Lama and The Emperor of China: A Political History of the Tibetan Institution of Reincarnation. New York: Columbia University Press, 2015. 321 p.

Wang Xiangyun The Qing Court's Tibet Connection: Lcang skya Rol pa'i rdo rje and the Qianlong Emperor // Harvard Journal of Asiatic Studies. Vol 60. No. 1 (Jun., 2000). P. 125-163.

*Головко-Охременко Александра Андреевна,
аспирант 1 года обучения кафедры отечественной и всеобщей истории,
факультет востоковедения и истории ПИ ТОГУ¹*

Китайские эмигранты и американо-китайские отношения во второй половине XIX в.

В XVIII в. императоры Юнчжэн и Цяньлун продолжили политику самоизоляции Китая, которую до Канси проводили ранние цинские императоры. В 1727 г. был принят запрет на выезд китайских подданных с наказанием для вернувшихся из-за границы в виде смертной казни. Однако увеличивавшееся население империи уже с трудом удерживалось в прежних границах, отчасти поэтому запрет был смягчен к середине XVIII в. В работе «Факторный анализ исторического процесса» С.А. Нефедов сообщает, что за первую половину XVIII в. население Китая увеличилось со 100 до 180 млн, к 1800 г. до 300 млн (Нефедов 2008, с. 710). Возросла горизонтальная социальная мобильность китайцев: к середине XIX в. не менее миллиона человек покинули Южный Китай и попытались осесть в областях, неподконтрольных китайским властям, преимущественно в китайских поселениях вдоль торговых путей в Юго-Восточной Азии (Вестада 2014, с. 41).

Контроль китайского правительства за внешней миграцией осложнялся восстаниями и военными конфликтами. Сначала это были восстания членов сект «Белого лотоса» и «Общества Неба и Земли» и неханьских народов юго-западных и западных провинций, боровшихся с увеличением налогов и введением китайской системы управления. Начавшиеся Опиумные войны совместно с выступившими против официальных властей тайпинами привели не только к разрушению хозяйственной системы в ряде провинций Китая, но и к росту числа вынужденных беженцев. Ситуация усугублялась эпидемиями, сильным неурожаем и последовавшим за ним голодом в 1847–1850-х гг. Неудивительно, что к середине 1850-х гг. для жителей южных провинций Китая, особенно Гуандун и Фуцзянь, одним из путей бегства от нищеты и голода стал найм в качестве рабочих-кули к западным иностранцам. Большинство кули в дальнейшем рассчитывали вернуться в родную общину, но хотя запретительные законы носили условный характер, формально они были отменены лишь в конце XIX в. (Савельев 2001, с. 73)

¹ Научный руководитель — к. и. н. Марина Ибрагимовна Романова.

Политика Соединенных Штатов на Дальнем Востоке в описываемый период шла в русле общеевропейской империалистической политики, хотя и реализовывалась в существенно меньшем объеме по сравнению с Великобританией и Францией. Для получения доступа в китайские порты использовались как дипломатические, так и военные средства, однако применение последних было редкостью. На протяжении второй половины XIX в. США всячески стремились подчеркивать мирный характер своих намерений по отношению к Китаю. Всего за период с 1844 по 1894 гг. было подписано 4 двусторонних соглашения между Цинской империей и Соединенными Штатами, прямо или косвенно затрагивавших вопрос пребывания в США китайских подданных. Следует заметить, что ни один из них не оговаривал правила и условия выезда китайцев на зарубежные заработки, в отличие от Пекинского договора 1866 г., подписанного при участии представителей Китая, Великобритании и Франции, хотя в Бёрлингемском договоре 1868 г. китайцы были названы «самой желанной нацией» в США (Wikisource, art. VI). Отчасти это можно объяснить вывозом китайцев в США на британских кораблях и меньшей долей выезда китайских рабочих в США по сравнению с колониями Великобритании и Франции в Юго-Восточной Азии: в 1870 г. доля китайского населения в Сан-Франциско составляла 8% от общего количества горожан (The United States Census Bureau, tab.09), в то время как в Сингапуре уже в 1860 г. она была свыше 63% (Савельев 2001, с. 72).

Вынужденное признание военного и торгового превосходства западных стран у китайской верхушки вызвало одновременное существование в чиновничьей среде сторонников следования лозунгу «восточное учение — основное; западное учение — прикладное» в духе неоконфуцианского самоусиления и простого недоверия любому преклонению перед западной культурой. К последователям взглядов, характерных для политики самоусиления, относились деятели эпохи Тунчжи — принц Гун, Ли Хунчжан, Фэн Гуйфень (Вестад 2014, с. 118). Они мало обращали внимания на проблемы китайской эмиграции и отношения к вернувшимся эмигрантам, за исключением экономических благ, которые они могли с собой привезти и внедрить на благо империи, включая военно-промышленное производство. Яркие консерваторы, подобные императрице Цыси, предпочитали сократить до минимума иностранное влияние на китайских подданных (Вестад 2014, с. 74), что могло приводить к неприятию вернувшихся эмигрантов, перенявших западный образ жизни.

Доступ США в открытые для иностранцев китайские порты способствовал прибытию китайских рабочих мигрантов на североамериканский континент. Предприниматели ценили в них высокую

трудоспособность и выносливость при низких по американским меркам затратах на содержание и оплату труда. Первым штатом, принявшим кули, стала Калифорния, переживавшая на рубеже 1840–1850-х гг. «золотую лихорадку». В 1852 г. на территории США насчитывалось 20 026 китайцев, к 1870 — 67 000 (Takaki 1998, p. 161)¹, а к 1882 — около 300 000. 95% из них были мужчинами, ехавшими на заработки (Богина 1976, с. 217). До 1870 г. более 70% всех китайцев располагались в Калифорнии, составляя 9% от всего населения этого штата и 25% всей рабочей силы. Более мелкие группы проживали в юго-западных и южных штатах, а также в Новой Англии (Takaki 1998, pp. 160–161). Дешевый труд кули использовался поначалу преимущественно в горнодобывающей промышленности и строительстве железных дорог, однако они были заняты и в других сферах, включая мелкую торговлю, домашнее обслуживание и стирку белья. Также во время забастовок американские предприниматели часто использовали китайских штрейкбрехеров.

Достаточно быстро среди белого населения Калифорнии распространилось негативное отношение к китайцам, вытеснившее изначальный интерес к экзотическим иностранцам. Их обособленное проживание, следование, с точки зрения американцев, «язычеству», неприхотливость кули и развитая деловая хватка у разбогатевших китайцев, стремившихся поначалу скупать земельные участки, а также существование организованной преступной деятельности в тонгах вызывала неприязнь у многих белых работников и мелких предпринимателей. На уровне штата принимались законы о запрете на покупку земли китайцами, об ограничении ввоза китайских работников, введению налога на использование китайской рабочей силы и даже об обязательном сбривании волос у всех попадавших в тюрьмы (The New York Times, 16.07.1879), что осложняло возможную репатриацию таких людей в Цинском Китае. Китайские поселения периодически подвергались нападениям со стороны местных расистов.

Несмотря на неоднократное использование права вето президентами Хейсом и Артуром при рассмотрении законопроектов об ограничении въезда и пребывания в США китайских подданных, а также распространенное в восточных штатах отношение к китайцам как к недавно освобожденным из рабства неграм, калифорнийские лоббисты и поддерживавшие их члены рабочих движений способствовали принятию на федеральном уровне в 1876 г. акта о запрете на въезд монгольских и китайских женщин, а в 1882 г. акта,

² По данным Бюро по делам иммигрантов 63 042 легальных мигрантов, в связи с чем доля нелегальных мигрантов могла составлять 6% от общего числа китайских иммигрантов

запретившего рабочую эмиграцию из Китая на 10 лет и сделавшего невозможной получения американского гражданства китайцем через натурализацию или факт рождения в США. Последнему документу предшествовал Энджелльский договор 1880 г., обязавший китайские власти ограничить эмиграцию своих подданных, в частности выдавать въезжавшим в США китайцам свидетельства об их дипломатическом или деловом статусе, или высокой трудовой квалификации (Benson).

Созданная в ответ на запретительный акт Китайская объединенная добровольная ассоциация, оказывавшая посильную помощь китайским иммигрантам, долгое время функционировала за счет средств китайских землячеств, *конгси*. В ходе дальнейшего принятия актов, запрещающих возвращение китайцев, выехавших из США, и продлевавших запрет на въезд китайских рабочих, правительство Цинской империи до начала XX в. не предпринимало каких-либо ответных мер, за исключением протестов и награждения американских граждан, пытавшихся бороться с таким запретом по отношению к китайцам (Daily Alta California 1886, p. 1).

Явление китайской эмиграции, преимущественно трудовой, во многом стало возможным благодаря военному и экономическому столкновению Цинской империи и западных держав. Америка, принявшая участие в этом столкновении, решила использовать китайскую эмиграцию во внутриэкономических интересах, но, осознав опасность применения столь дешевой рабочей силы и не сумев принять носителей культуры, серьезно отличавшейся от западной, поспешила максимально оградиться от нее. Китайские чиновники одновременно сохраняли уверенность в сохранении власти над выехавшими подданными и стремились получить через некоторых из них технологические и финансовые преимущества Запада, но при этом боялись его культурного влияния и идеологического раскрепощения тех людей, которые могли бы вернуться. Таким образом, правовое положение китайских эмигрантов в США оставалось подвешенным и крайне неустойчивым как на их родине, так и в принявшей их стране. Вдобавок изменение восприятия в американо-китайских соглашениях китайских иммигрантов от «желанной нации» до имевших значительные ограничения на въезд де-факто свидетельствовало о подчиненном статусе Китая в глазах Соединенных Штатов.

Список источников и литературы

Богина Ш.А. Иммигрантское население США. 1865–1900. Л., 1976.

Нефедов С. А. Факторный анализ исторического процесса. История Востока. М., 2008.

Савельев И.Р. Преступая вековой запрет: эмиграция во внешней политике Китая и Японии во второй половине XIX в. // Известия Восточного института. СПб, 2001, № 6. С. 70–82.

Вестаф О.А. Беспокойная империя. Китай и мир с 1750 года. М., 2014.

Benson A.K. Angell treaty of 1880 // Электронный ресурс “Immigration to the United States”. URL: <http://immigrationtounitedstates.org/343-angell-treaty-of-1880.html>.

California Digital Newspaper Collection. “Consul Bee’s Medal” // Daily Alta California. San Francisco, 25.06.1886, №13451, p. 1.

Takaki R. Strangers from a different shore. Canada, 1998.

The United States Census Bureau, www.census.gov

The New York Times online archive, <http://query.nytimes.com/mem/archive-free/pdf?res=9504EED61E3FE63BBC4E52DFB1668382669FDE>

Wikisource, Burlingame-Seward treaty, en.wikisource.org/wiki/Burlingame_Treaty

*Дидбаридзе Юлия Амираниевна
студентка 4 курса кафедры международных отношений,
Гуманитарный институт СПбПУ¹*

Ми Ваньчжун и собирание причудливых камней в эпоху Мин

Коллекционирование причудливых камней (*цзинь* 奇石 или *шаньши* 賞石) — явление, распространенное в эпоху династий Тан и Сун, однако в эпоху Юань упоминаний о нем почти не встречается. О том, что мода на собирание камней в эпоху Мин (1368–1644 гг.) вновь возрождается, свидетельствует коллекция Ми Ваньчжуна 米萬鍾 (1570–1628) — государственного деятеля, а также художника и каллиграфа.

Большинство его работ (сочинений, картин, каллиграфических свитков) были утрачены, а сведения о его жизни и деятельности сохранились в разнообразных, но фрагментарных источниках (династийная история, местные хроники, посвящения друзей).

Тем не менее, даже узкий круг сохранившихся источников позволяет судить о том пристрастии, которое Ми Ваньчжун питал к странным камням. Об этом свидетельствует уже то, что друзья называли его *юши* 友石, то есть «друг камней» (Минши 1974, с. 7397).

Друг Ми Ваньчжуна, живописец и каллиграф Чэнь Цзижу 陳繼儒 (1558–1639) писал, что, когда Ми Ваньчжуну удалось раздобыть редкий камень, он весь день сидел и смотрел на него. Когда художник чувствовал усталость, то камень ободрял его, когда чувствовал уныние, камень вызывал улыбку на его лице (Little 1999, p. 24).

Упоминания странных камней встречаются в описаниях двух садов, принадлежащих Ми Ваньчжуну — Чжаныюань 湛園 и Шаоюань 勺園. Его друг, поэт Юань Чжундао 袁中道 (1570–1623) в стихотворении «Любуясь цветами сливы на ночной пирушке в [принадлежащем] Ми Чжунчжао саду Чжаныюань» («Ми Чжунчжао чжаныюань ецзи каньмэйхуа, фэньдэ цидин'юнь» 米仲詔湛園夜集看梅花), написанном под впечатлением от посещения одного из этих садов, упоминает, в том числе и причудливые камни, «поражающие своим волшебством» (Юань 1989, 347). А поэт Сюй Жухань 徐如翰 (2-я пол. XVI — нач. XVII вв.) в своем стихотворении называет камни

¹ Научный руководитель — к. и. н. Антон Эдуардович Терехов.

одним из «четырёх чудес семьи Ми» (*мицзя сыци* 米家四奇)¹ и пишет, что их «обсуждали и берегли как каллиграфии или картины» (Цит. по Ну 1999, р. 330). Заканчивается стихотворение словами: «Представьте, как владелец любит каждого из них по отдельности. Наклонив голову, впитывает их сущность, ищет правду в их жилах» (Цит. по Ну 1999, р. 330).

Еще один источник минского времени, позволяющий судить о любви Ми Ваньчжуну к странным камням — «Записки о камнях *линянь*» («Лин'янь шишо» 靈岩石說), в которых рассказывается, как тот, прибыв на новое место службы, стал скупать нравящиеся ему камни по высокой цене. Это привело к тому, что местные коллекционеры продавали ему предметы из своих коллекций, боясь упустить выгоду. Обычные же люди стали ходить в горы в поисках камней и несли найденное только Ми Ваньчжуну. Для того, чтобы подчеркнуть изящество собранных камней, Ми Ваньчжун размещал их в фарфоровых чашах, сортируя по размеру и по редкости. При этом он «никогда не опускался до тех вульгарных коллекционеров, что выставляют десять камней на одном блюде» (Little 1999, р.23).

В «Тяньфу гуанци» 天府廣記, составленном Сун Чэньцзе 孫承澤 (1592–1676) сборнике исторических и литературных анекдотов о Пекине, в разделе, посвященном Ми Ваньчжуну, говорится: «Ваньчжун из рода Ми, невозмутим и спокоен, его единственная страсть — причудливые камни. По делам службы разъезжая повсюду, единственное, что он собирает — это камни» (Сун 2001, с. 572).

Помимо упоминаний в письменных источниках, об интересе Ми к камням свидетельствуют его собственные живописные работы, изображающие странные камни, а также работы, выполненные по его заказу, самая известная из которых — «Десять сторон камня линби» (*шимянь линби ту* 十面靈璧圖) художника У Биня 吳彬 (1543–1627). Эта работа представляет собой свиток длиной более 9 метров, на котором изображены последовательно десять видов одного камня. После того как работа У Биня была закончена, Ми Ваньчжун каждую часть сопровождал поэтическим описанием особенностей камня, его выпуклостей и изгибов. Например: «Вершина, заостренная как кончик кисти, резко наклонившаяся, словно пьяна. Широкая верхняя часть — волны гуляют по ее поверхности, и узкая нижняя, будто обернувшаяся — выглядят совсем как красавица Сиши, выходящая из купальни, слишком изящная, чтобы нести груз одежды...» (Herzog 2002, р. 115).

¹ Ещё три чуда: сады, фонарики, дети Ми.

Кроме того, Ми Ваньчжун оформил предисловие для посвященного камням раздела «Шичжучжай шухуапу» 十竹齋書畫譜 — альбома живописи и каллиграфии, составленного в качестве пособия для художников.

Помимо живописных работ до нашего времени сохранилось несколько камней, которые, как считается, принадлежали Ми Ваньчжуну. Один из них находится сейчас в Летнем дворце в Пекине перед Залом Радости и Долголетия (Лэшоутан 樂壽堂). Этот камень связывается с историей, о которой рассказывается, например, в «Тяньфу гуанцзи». Однажды в горах Фаншань 房山 Ми Ваньчжун заметил поразивший его камень и захотел перевезти его в свой сад Шаюань. Но из-за размеров камня (4-5 *чи* в ширину и 3 *чжана* в длину, то есть 1,2–1,5 на 9, 9 м) на его транспортировку ушло много средств, и в итоге Ми Ваньчжун был вынужден бросить его на полпути. Из-за того, что эта попытка оказалась столь затратной, камень стали называть *байцзяши* 敗家石 – камень, разоривший семью. Позднее этот камень был замечен императором Цяньлуном 乾隆 и привезен в парк Цинъюань 清漪園. Император дал камню имя *цинчжисю* 青芝岫 (Вершина в виде древесного гриба).

Еще один камень, который связан с именем Ми Ваньчжуна — это «Союнь» 鎖雲 («Скованное облако»). Это небольшой (20.5×25×7.5 см) кабинетный камень *линби*, на котором, кроме названия, вырезана подпись: «Ми Чжунчжао приобрел камень на третий месяц весны в 34 год Ваньли», и печать «Юши» 友石 (см. Чжоу Ишань).

Таким образом, дошедшие до нас письменные и живописные источники позволяют сделать вывод, что Ми Ваньчжун был увлеченным собирателем причудливых камней. Коллекция Ми Ваньчжуна показывает, что в период Мин среди образованных людей вновь возрождается мода на собирание странных камней, которая была распространена в эпоху Сун, что, по всей вероятности, происходит в рамках общего процесса восстановления прежних культурно-художественных традиций, характерного для династии Мин (Кравцова, с.290). На примере этой коллекции можно наблюдать произошедшие изменения в восприятии причудливых камней. Важным качеством становится изящность камня в противовес ценящейся танскими коллекционерами простоте. Появляются новые виды камней, которые приходят на смену прежним: в описаниях коллекции Ми Ваньчжуна крайне редко встречаются упоминания камней *тайху*, популярных объектов коллекционирования в эпоху династий Тан и Сун. Любование сопровождается поэтическим и художественным осмыслением.

Список источников и литературы

Кравцова М. Е. История искусства Китая. СПб: Лань, ТРИАДА, 2004.

Herzog J., de Meuron P. Natural history. Zurich: Lars Muller Publishers, 2002.

Hu P. The Shao Garden of Mi Wanzhong (1570 - 1628): revisiting a late Ming landscape through visual and literary sources. *Studies in the History of Gardens & Designed Landscapes: An International Quarterly*, 1999, 19, 3/4, p.314-342.

Little S. *Spirit Stones of China: The Ian and Susan Wilson Collection of Chinese Stones, Paintings and Related Scholars' Objects*. Chicago: Art Institute of Chicago, 1999.

Минши 明史 [История династии Мин]. Пекин: Китайское книгоиздательство, 1974.

Сун Чэньцзе 孫承澤. Тяньфу гуанцзи 天府廣記 [Обширные записи благословенного края]. Пекин: Издательство древней литературы, 2001.

Чжоу Ишань 周易杉. Союнь хуэйгоцзи 鎖云回國記 [О возвращении [камня] Союнь на родину]. URL: <http://www.whzhqsg.com/salon/1619.html> (Дата обращения: 16.04.2017).

Юань Чжундао 袁中道. Кэсюэ чжайцзи 珂雪齋集 [Собрание записей из Кабинета белого снега]. Шанхай: Издательство древней литературы, 1989.

Древнекитайский медиум-у как шаман: к проблеме идентификации

В качестве классического примера шаманизма обыкновенно рассматриваются специфические верования народов Сибири, хотя его распространение не ограничивается этой территорией. Многие исследователи ставят древнекитайский медиумизм, или «уизм», как назвал его синолог Ян Якоб Мария де Гроот (Маслов 2003, с. 272), в один ряд с шаманизмом, поскольку два направления имеют схожие особенности. Данная статья посвящена оценке правомерности подобной идентификации.

Происхождение термина «шаман» весьма неоднозначно. Часто встречается упоминание пришедшего из языка эвенков слова «саман» — «возбужденный, исступленный человек», а шаманизм определяется как ранняя форма религии, основанная на «вере в необходимость особых посредников между человеческим коллективом и духами» (Басилов 1984, с. 8), шаманов, умеющих «общаться» с существами из иного мира во время камлания (обрядового действия). Основной их функцией обыкновенно значится лечение больных.

В различных древнекитайских источниках («Шовэнь Цзецзы» 說文解字, комментарии к «Чуньцю» 春秋, «Го юй» 國語) описания у 巫 схожи. Считается, что в глубокой древности этот термин употреблялся по отношению к «призывателям» женского пола (мужчин же до определенного времени звали *си* 覡), умеющих при помощи танца заставить духов «снизойти» в мир людей (Falkenhausen 1995, p. 288). Они «молились, чтобы вылечить болезни» (Ibid, p. 288), и знали, где сооружать жертвенники и как совершать жертвоприношения в зависимости от места божества в иерархии духов (Lin 2009, p. 397).

С первого взгляда, основываясь лишь на определениях, можно предположить, что представители обоих направлений, как минимум, играли похожую роль в обществе, поскольку и те, и другие способны были общаться со сверхъестественными сущностями, однако при более подробном рассмотрении можно найти и достаточно существенные расхождения. Конечно, речь идет не только о различиях в их обязанностях в обществе, есть

¹ Научный руководитель — к. и. н. Антон Эдуардович Терехов.

и другие немаловажные факторы, не позволяющие, по моему мнению, отождествлять классический шаманизм и древнекитайский медиумизм. В данной статье, однако, хотелось бы остановиться исключительно на некоторых сходствах и различиях функций у и шамана.

1. Лечение. Способность излечивать людей шаман получает, пройдя через шаманскую болезнь — своеобразную инициацию, сопровождающуюся галлюцинациями, обмороками и припадками. Главный принцип его врачевания — вера в связь болезни с деятельностью духов, и для излечения больного требуется узнать, какой дух виновен в его болезни. Узнав, шаман пытается умиловить духа, задобрить едой, кровью или запахами, просит не сердиться (Смоляк 1991, с. 42, 77). Если же душа больного была «украдена», шаман вместе с духами-помощниками совершает путешествие в другой мир, чтобы вернуть ее в тело (Басилов 1984, с. 19). Реальных причин болезни шаманы не знали и состояние организма больного не изучали, но вера шамана и самого человека в способность выздоровления нередко помогала последнему «встать на ноги» (Там же, с. 24).

В то время как шаман пытался умиловить наславшего болезнь духа, у его из тела больного изгоняли (Voileau 2002, p. 361), то есть, фактически проводили обряд экзорцизма. Неизвестно, находился ли проводивший обряд лечения у в трансе (в противовес шаману, который, несомненно, является «экстатической личностью»), и «путешествовал» ли он по другим мирам в поисках пропавшей души больного. Духов-помощников у него не было, и, кроме того, сами способности он получал совершенно иным способом, нежели шаман. В различных трудах упоминаются два способа становления у — человек получал эту «профессию» по наследству (Lin 2009, p. 433) или учился мастерству в Министерстве ритуалов (Falkenhausen 1995, p. 294), при этом неизвестно, каким образом он должен был доказать свою принадлежность к медиумам, и мог ли он при этом совершенно не иметь врожденных способностей. Возвращаясь к вопросу о лечении, следует отметить, что у, по мнению древних китайцев, владели рецептом напитка бессмертия и разбирались в лекарствах (Lin 2009, p. 405). На это также намекает тот факт, что ранний вариант иероглифа *и* 醫 (врач, лекарь) содержит элемент 巫.

2. Гадание. Шаманы часто гадали во время камлания, чтобы узнать, какой дух виновен в болезни, а ульчи и нанайцы, отыскав душу больного в другом мире, при помощи гадания определяли принадлежность данной души. М. Элиаде также связывает гадание с опасным ритуалом «оргиски» — нисхождением в Преисподнюю. Тунгусы и орочи, например, подбрасывали бубен, и в зависимости от стороны, на которую он падал на землю, это был

хороший (внутренней стороной вверх) или плохой знак (наоборот) — то есть, путешествие будет удачным или неудачным (Элиаде 2015, с. 208). Также М. Элиаде говорит о подбрасывании колотушки и гадании по лопатке животного.

Некоторые исследователи считают, что у также умел гадать по трещинам на черепашьем панцире или лопатке животного, а духи ему в этом помогали (Ching 1997, р. 6). Часто говорят и о гадании с использованием тысячелистника, изобретателем которого называют медиума эпохи Шан Сянь (У Сянь). К тому же, иногда иероглиф у 巫 использовался как эквивалент 巫筮 (гадать/гадание на стеблях тысячелистника). Вышеупомянутый У Сянь описывался и как знаток астрологии, умеющий «передавать волю неба» (Lin 2009, р. 407), что тоже можно отнести к предсказаниям. Эта способность у, по моему мнению, является одним из определяющих факторов не особенно позитивного отношения к у со стороны народа. Как пишет Жиль Буалё, «суть гадания не столько в предсказании будущего, сколько в попытке его изменить» (Voileau 2002, р. 369), и именно поэтому люди, встретив у, который мог предсказать их смерть, «в страхе бежали от него», потому что верили, что он может буквально навлечь на них беду, предсказав ее. Что интересно, гадания у не связывались с путешествием в другие миры, по крайней мере, фактов, доказывающих обратное, мне найти не удалось.

3. Вызов дождя. Шаманам приписывают умение влиять на погоду, хотя конкретные примеры встречаются нечасто. По мнению тюркоязычных народов, у шаманов есть камень, при помощи которого они умеют вызывать дождь, снег, град, а также могут предугадывать изменение погоды (Басилов 1984, с. 15). В некоторых трудах вообще не упоминается способность шамана влиять на природные явления или упоминается вскользь.

Религиовед Джулия Цинь считает, что вызов дождя в Древнем Китае — главная обязанность у как членов аграрного общества (Ching 1997, р. 18). У танцевали, чтобы развлечь или соблазнить божество дождя. Скорее всего, это были женщины, поскольку они ассоциировались с водой, в то время как мужчины — с засухой, хотя Гроот говорит также и о танцах, исполняемых юношами (Groot 1910, р. 1194). Если танцы и жертвоприношения не помогали, у могли принести в жертву (Voileau 2002, р. 364) — так на богов давили, надеясь, что Небо сжалится и пойдет дождь.

4. Участие в жертвоприношениях. Шаман требуется для общественных жертвоприношений, но участвует он в них только из-за умения хорошо ориентироваться в потустороннем мире (Элиаде 2015, с. 167). Ему нужно сопроводить душу жертвенного животного к божеству или духу, для которого

оно было принесено в жертву. К самому жертвоприношению, и, например, непосредственно убиению животного, он отношения не имеет.

В глубокой древности у знали «нормы и порядок ритуально-церемониальных и других обрядов, в том числе правила сооружения жертвенников и принесения жертв» (Васильев 2000, с. 435), и, поскольку положение их в те времена было высоким, люди и правители совершали жертвоприношения, основываясь на советах у. Возможно, у самих приносили в жертву в отдельных случаях, например, как было упомянуто ранее, для вызова дождя. Согласно «Чжоу ли», у, которые разбирались в «почетных титулах/званиях» духов и божеств, участвовали в жертвоприношениях божествам гор и рек в качестве посредника, того, кто обращается к духам, и через кого духи говорят с людьми (Falkenhausen 1995, р. 294).

5. Путешествия по иным мирам. Описания шаманских путешествий в другой мир бесчисленны (Элиаде 2015, с. 166). Посредством Оси Мира, связывающей небо и землю, они способны посещать небеса или подземное царство. В ином мире они ищут душу больного, сопровождают душу умершего человека или жертвенного животного. Им даже приписывается способность забирать из иного мира душу еще не родившегося человека или вернуть душу мертвого.

Безусловно, у тоже были связаны с миром духов, вопрос в том, умели ли они «путешествовать» по иным мирам подобно сибирским шаманам. М. Элиаде, например, считает, что именно описание в некоторых древнекитайских трактатах «магического полета» свидетельствует о том, что у путешествовали по иным мирам (Там же, с. 348). В сказках и стихах можно найти описания различных «восхождений», с первого взгляда похожих на шаманские «путешествия» (впрочем, никаких явных указаний на то, что действующее лицо — у, не найти). Мне также не удалось найти текстов, описывающих нисхождение у в Преисподнюю, поиски души больного или проводы души умершего человека. О путешествиях у по другим мирам рассказывает только М. Элиаде (Там же, с. 348), ссылаясь при этом на труд Я. Я. М. де Гроота. Гроот, конечно, писал о путешествии с целью нахождения пропавшей души, но в приводимых им примерах речь шла о *тунцизи* 童乩, даосских медиумах (Groot 1910, р. 1284, 1319), а не об у.

Подводя итоги, стоит сказать, что, несомненно, некоторые различия кажутся несущественными (например, различия в способах гадания или в методах лечения), и многие историки соглашались с Артуром Вейли, который писал, что «функции древнекитайского у и сибирского шамана были настолько схожи, что кажется удобным использовать слово “шаман” в

качестве эквивалента “у”» (Cit. ex: Ching 1997, p. 15–16). Дело, однако, не только в их функциях, а в том, *что* мы принимаем за основные особенности собственно шаманизма, позволяющие называть человека, общающегося с существами из потустороннего мира, шаманом, а не магом или медиумом. Помимо функций, имеет смысл также исследовать космологию обеих цивилизаций, узнать, из какого социального слоя происходили представители шаманизма и уизма, как к ним относились люди, затронуть то, как человек становится шаманом и как человек становится у, узнать, умел ли все-таки у входить в транс. Разумеется, часть несоответствий можно списать на то, что Древний Китай — отличная от Сибири цивилизация со своими культурными особенностями, а часть — на недостаток древнекитайских источников или неоднозначную их интерпретацию. Но это не отменяет различий и потому, пускай шаманизм и медиумизм действительно схожи по некоторым положениям, за неимением более веских доказательств их тождественности кажется более логичным не приравнивать два направления.

Список источников и литературы

- Басилов В.Н. Избранники духов. М.: Политиздат, 1984. 208 с.
- Васильев Л.С. Культы, религии, традиции в Китае. 2-е изд. М.: Восточная литература, 2001. 488 с.
- Маслов А.А. Китай: укрощение драконов. Духовные поиски и сакральный экстаз. М.: Алетейа, 2003. 480 с.
- Смоляк А.В. Шаман: личность, функции, мировоззрение (народы Нижнего Амура). М.: Наука, 1991. 280 с.
- Элиаде М. Шаманизм и архаические техники экстаза / Пер. с фр. А.А. Васильевой, Н.Л. Сухачева. М.: Ладомир, 2015. 552 с.
- Boileau G. Wu and shaman // Bulletin of the School of Oriental and African Studies. Vol. 65, No. 2 (2002). P. 350-378.
- Ching J. Mysticism and kingship in China: the heart of Chinese wisdom, Cambridge: Cambridge University press, 1997. 324 p.
- Groot J.J.M. de. The religious system of China. Volume VI. Book II. – Leyden: E. J. Brill. – 1910. P. 1187-1341.
- Falkenhausen, L. von. Reflections on the political role of spirit mediums in Early China: the Wu officials in the Zhou Li, Early China. Vol. 20 (1995), P. 279-300. [Electronic source]. URL: <https://www.jstor.org/stable/23351770> (11.04.2017).
- Lin, Fu-shih. The image and status of shamans in ancient China / Early Chinese Religion. Part One: Shang through Han (1250 BC – 220 AD) / Ed. J. Lagerwey, M. Kalinowski. Vol. 1. Leiden, Boston: Brill, 2009. P. 397-459.

Буддийские изображения из коллекции академика В.М. Алексеева в собрании Государственного музея истории религии

Народная картина¹ — особый жанр в китайском живописном искусстве, исторически связанный с празднованием традиционного китайского Нового года. Отсюда закрепившееся в позднее время название народной картины — *няньхуа* (年画, *пиньинь*: niánhuà), что буквально значит «новогодняя картина»².

Благодаря своей дешевизне и простоте исполнения картины *няньхуа* пользовались в Китае особым спросом. Большинство китайских семей покупали такие картины, чтобы повесить их в своих домах, подарить друзьям как благопожелание или сжечь в качестве жертвоприношения во время празднеств (Алексеев 1966, с. 18).

Няньхуа выполнялись в технике ксилографии — оттиска с деревянных досок и, как указывает Б.Л. Рифтин, по уровню художественного мастерства безусловно не соответствовали великолепию живописных работ китайских художников и каллиграфов (Рифтин 1991, с. 21). Мастерские использовали различные приемы изготовления картин-*няньхуа*: чаще всего с досок печатался лишь контур, а раскраска производилось мастером собственноручно, но некоторые мастерские выпускали также картины в технике цветной печати. В этом случае изображение печаталось путем поочередного накладывания деревянных клише с разными красками на тонкую бумагу (Алексеев 1996, с. 19).

Возникновение термина «*няньхуа*» относят к концу XIX в., до этого же времени народная картина имела множество других названий, например, *чжихуа* (纸画, *пиньинь*: zhǐhuà) — «бумажные картинки», *хуапань* (画片, *пиньинь*: huàpiàn) — «разрисованные карточки» и др. (Виноградова 2012, с. 82). Точное время возникновения этого жанра не известно, однако, исследователи полагают, что прообразы *няньхуа* появились еще при династии Хань (III в. до н.э. — III в. н.э.). Именно к этому периоду, в частности, относятся изображения, напоминающие парные дверные картины с духами-хранителями — один из

¹ В фундаментальном исследовании В.М. Алексеева (Алексеев 1966) употребляются термины “лубок”, “лубочная картина”, однако, Т.И. Виноградова (Виноградова 2012, с. 82) и М.Е. Кравцова (Кравцова 2004, с. 656), приводят убедительные доводы в пользу того, что данный термин нельзя считать удачным.

² Стоит, однако, отметить, что изображения-*няньхуа* использовались и в случае других праздников (Алексеев 1966, с. 26).

наиболее распространённых сюжетов народных картин нового времени (Виноградова 2012, с. 79).

В эпоху династии Тан (VII–X вв.) впервые появляются ксилографические изображения буддийских божеств. Сложность культурно-исторических процессов взаимодействия буддийского учения и иных религиозных форм древнего Китая находит свое отражение в жанре *няньхуа*, на которых иногда можно увидеть находящиеся вместе персонажей буддийского, даосского, конфуцианского пантеонов. На наш взгляд, именно синтез развитой иконографии буддийского религиозного искусства и сюжеты китайских народных картин во многом определил то многообразие образов, представленных в картинах-*няньхуа*.

Упоминания о народных картинах-*няньхуа*, продававшихся на уличных лотках, встречаются в трактате «Цзянь у лин цзюши» китайского писателя Чжоу Ми, жившего во времена следующей династии Сун (X–XIII вв.). (Муриан 1960, с. 10). Окончательно же жанр китайской народной картины сформировался во времена правления династии Мин (XIV–XVII вв.) (Виноградова 2012, с. 79).

История изучения китайской народной лубочной картины в России начинается с 30-х годов XIX в., когда В.П. Васильев и О.М. Ковалевский привезли из Китая этнографическую коллекцию, среди экспонатов которой находились и графические народные картины с изображением театральных сцен (Алексеев 1996, с. 5). Также, в 1874 г. Д.А. Ровинским, известным исследователем-коллекционером, была предпринята поездка по странам Дальнего Востока, в ходе которой им была собрана небольшая коллекция китайской народной картины — около 60 листов *няньхуа* (Виноградова 2012, с. 27). Во многом благодаря альбомам Д.А. Ровинского исследователи того времени обратили внимание на печатную народную графику и ее значение для изучения культуры Китая. Т.И. Виноградова указывает именно этот момент как начало глубинного изучения китайской народной гравюры (Виноградова, 2012, с. 28). Системным исследованием жанров китайской народной картины *няньхуа* в начале XX в. занялся выдающийся российский синолог В.М. Алексеев. Основную часть своей коллекции Алексеев собирал, путешествуя по Китаю в 1906–1909 гг. со своим профессором Э. Шаванном (коллекция пополнилась также после поездок в Китай в 1912 и 1926 гг.). Коллекция Алексеева собиралась в разных местах Китая, *няньхуа* покупались им в храмах и на лотках. Результатом его работы явилась объемная коллекция народных картин, эстампажей и бытовой эпиграфики.

В изображениях *няньхуа* представлены разные сюжеты — от религиозных (с изображениями божеств даосского, конфуцианского, буддийского пантеона, а также изображений синкретического учения *сань цзяо*) до сюжетов бытовых. Существует функциональная классификация *няньхуа*, предложенная Д. Джонсоном: изображения иконические и подражательные. К первым он относил те, которые были связаны с отправлением религиозных культов (большая часть их была предназначена для ритуального сжигания), другие же — «подражательные», копировали реальность картины (Виноградова 2012, с. 87).

В.М. Алексеев приводит двадцать восемь сюжетных разновидностей *няньхуа* (Виноградова 2012, с. 86). Другие исследователи предлагают упрощенную классификацию по восьми сюжетам: религиозные изображения, картины-благопожелания, картины историко-литературного содержания, театральные картины, картины познавательно-назидательного характера, бытовые картины, видовые картины и картины на политические темы. (Кравцова 2004, с. 662; Виноградова 2012, с. 87). Буддийские изображения из коллекции Алексеева в Государственном музее истории религии с очевидностью можно отнести к первым двум разновидностям.

В настоящий момент три тысячи изображений коллекции В.М. Алексеева распределены по фондам нескольких музеев: Государственного Эрмитажа, ГМИР и МАЭ РАН. Буддийские иконы составляют меньшую часть собрания В.М. Алексеева в фонде ГМИР. О том, что перед нами буддийские народные иконы, говорят не только сами изображения, но и текстовые пояснения к ним, выполненные на китайском языке, а также (в некоторых случаях) на священном для буддизма махаяны языке санскрит (письменностью ранджана/ланцза). Также встречаются экземпляры с надписями на тибетском языке. Приводятся изречения из сутр, священные формулы — мантры и «семенные слоги» буддийских божеств созерцания. Значительный интерес представляют часто встречающиеся изображения Будды Амитабхи и бодхисаттвы Гуанинь (Авалокитешвары). Ряд изображений, как на то указывают тексты мантр и пояснения к ним, однозначно можно атрибутировать как принадлежащие китайской буддийской школе Чистой Земли (Цзинту). Особо хочется выделить пять наиболее репрезентативных буддийских изображений-*няньхуа* из части коллекции В.М. Алексеева, хранящейся в ГМИР.

На первой бумажной иконе¹ изображена «Троица Западного Рая» (об этом свидетельствует надпись в верхнем правом углу (西方三圣像, *пиньинь*:

¹ Изображение см.: Шифр ГМИР: Б-3252-VII. Бумага, краска. 78x51 см.

xīfāngsānshèngxiàng): в центре изображен будда Амиабха (阿弥陀佛, *пиньинь*: ēmítuófó), слева от него — бодхисаттва Гуанинь (音菩薩, *пиньинь*: yīnpúsà) (китайская форма Авалокитешвары), справа — бодхисаттва Махастхамапрапта (大勢至菩薩, *пиньинь*: dàshìzhīpúsà). Будда Амиабха — владыка западной чистой земли Сукхавати изображен в красных монашеских одеждах. В руках у него лотос, олицетворяющий чистоту. Бодхисаттва Гуанинь изображена в белых одеждах, в руках у нее ветвь ивы — ее атрибут. Часто она также изображается с кувшином, веревкой (символом спасения от бед), книгой «Праджняпарамиты», чётками. В короне у нее восседает Будда Амиабха. Махастхамапрапта — бодхисаттва, являющий собой силу мудрости, изображен в розовом одеянии и зеленой накидке. В руке бодхисаттва держит красную ваджру, символизирующую изначальную совершенную природу пробужденного ума. В короне у бодхисаттвы — сосуд долголетия с напитком бессмертия (амритой).

По бокам бумажной иконы — текст, в котором повествуется о Западном рае, о находящейся там Чистой Земле (淨土, *пиньинь*: jìngtǔ) и об «Амиабха-сутре» (она же «Малая Сукхавати-вьюха сутра»). На изображении отсутствуют цитаты из самой сутры, но содержится призыв стремиться к перерождению в Чистой Земле будды Амиабхи. В центре верхней части лубка приводится текст мантры трех тел (кай) будды — Ом А Хум (письменностью ранджана) и ее звуковое воспроизведение на китайском — 唵 啞 吽 (*пиньинь*: ǎnyǎhōng). Четыре иероглифа, по два слева и справа от центральной надписи, 三字总持 (*пиньинь*: sānzìzǒngchí) — это название-описание мантры Ом А Хум на китайском: буквально, «абсолютный контроль над страстями в трех иероглифах». В верхнем (над кругом) правом столбце (посередине) располагается семенной слог «Бхрум» (письменность ранджана), выше — мантра (一字轮王, *пиньинь*: yīzìlúnwáng), она же (一字佛頂輪王, *пиньинь*: yīzìfúdinglúnwáng). Под семенным слогом «Бхрум» находятся иероглифы 部林 (*пиньинь*: bùlín), что представляет собой китайское звукоподражание санскритскому звучанию слога. В верхнем (над кругом) левом столбце посередине находится семенной слог «Хрим» (письменность ранджана), выше мантра Маньджушри — 文殊护身咒 (*пиньинь*: wénshūhùshēnzhòu), она же (文殊一字咒, *пиньинь*: wénshūyīzìzhòu). Под семенным слогом «Хрим» находятся иероглифы 齒臨 (*пиньинь*: chǐlín) — китайское звукоподражание санскриту. За пределами круга (справа и слева)

написано: 拔一切業障根本得生淨土陀羅尼 (*пиньинь*: báuyīqièyèzhànggēnběn deshēngjìngtǔólúóní) (название — «мантра-дхарани для рождения в Чистой Земле Будды Амиабхи»), она же 往生咒 (*пиньинь*: wǎngshēngzhòu). Мантра китайской школы Цзинту (буддийской школы «Чистой Земли», известной также в религиоведении как Амидаизм). В центре круга написано имя будды Амиабхи — 阿彌陀佛 (*пиньинь*: āmítuófó), посередине — семенной слог «Хри/Хрих» (ранджана). По кругу на китайском и санскрите приводится развернутый текст мантры-дхарани, предназначенный для обретения рождения в Чистой Земле будды Амиабхи. Безусловно, это изображение можно атрибутировать школе Цзинту.

Второе изображение,¹ выполнено на желтой бумаге и представляет значительный интерес, поскольку изображение сопровождается надписями сразу на трех языках: китайском, санскрите и тибетском.² На картине присутствуют китайские благопожелательные символы: 寿 (*пиньинь*: shòu) — долголетие и 福 (*пиньинь*: fú) — счастье. В центре переплетением слогов письменности ранджана выполнена надпись «Лакшми» (в индо-тибетской традиции – богиня изобилия, процветания, богатства, удачи и счастья), здесь исполняющая функцию благопожелательного символа. В тибетском тексте, начинающимся с сакрального благословения (пожелания удачи) «свасти», говорится о трех благоприятных письменных знаках из Индии и Китая, о восьми благоприятных символах и веществах, имеющих благословение Учителя. Три знака, изображенных на картине, способны приносить победу над неприятелем и давать счастье, стоит лишь взглянуть на них. В центре, изображены две золотые рыбы, которые являются благим символом избавления от страданий и достижения духовного освобождения. Рыбы поддерживают колесо Дхармы — колесо Чакравартина, олицетворяющее собой средство продвижения к пробуждению. Восемь спиц колеса символизируют «благородный восьмеричный путь» Будды Шакьямуни. Сами рыбы и колесо располагаются на лотосе — символе чистоты изначальной буддовой природы, поскольку, находясь из грязи сансарического существования, она остается им незапятнанной. Также на изображении присутствуют раковины — благие символы пробуждения и распространения учения Будды.

¹ Изображение см.: Шифр ГМИР: Л-2866-VII. Бумага, краска. 68х37 см.

² Автор благодарит с.н.с, к.ф.н. ИВР РАН А.В. Зорина за помощь с переводом тибетского текста.

Интересным образцом иконографии бодхисаттвы Манджушри является следующее изображение¹, которое выполнено на желтоватой бумаге, вероятно, изготовленной из бамбука (Виноградова 2012, с. 64). На нём бодхисаттва изображен со своим традиционным атрибутом — мечом мудрости в правой руке. В левой руке он держит стебель розового лотоса, сверху на цветке покоится текст Праджняпарамиты — сутры «Высшей мудрости». Бодхисаттва сидит верхом на льве, а рядом стоит спутник Манджушри — царь Удайна. Возможно, на картине изображен традиционный сюжет под названием «Манджушри переправляется через море».

На следующем *няньхуа*² изображена бодхисаттва Гуанинь. В левой руке она держит лотос — символ чистоты, в правой — кувшин. В короне у нее будда Амиабха. Это может говорить в пользу того, что это изображение также связано с пантеоном буддийской школы Чистой Земли (Цзинту). Внизу находится фигура почитающего Гуанинь человека. Гуанинь льет на него воду, что символизирует ее милостивую сущность.

На картине в центре композиции представлено изображение³ будды Амиабхи в красных одеждах, с цветком лотоса, делающим варада-мудру. По бокам от него показаны бодхисаттвы, предположительно Гуанинь и Махастхамапрапта. Наверху имеются надписи: мантра Ом А Хум (письменность ранджана), под ней — семенной слог «Хри»/ «Хрих» (письменность ранджана).

Изучение буддийских изображений из коллекции Алексеева, хранящихся в ГМИР, безусловно, представляет значительный искусствоведческий интерес — оно способствует раскрытию новых художественных черт *няньхуа* как самобытной формы народного изобразительного искусства. При этом оно также чрезвычайно значимо и для понимания процессов рецепции буддийских доктрин широкими слоями населения Китая в древности и новое время. Эта рецепция осуществлялась посредством наглядных, доступных картин, содержащие как визуальный графический материал, так и краткие текстуальные наставления в буддийской Дхарме. Эти изображения свидетельствуют о популярности в Китае доктрин Амидаизма с его сотериологией обретения «рая» — Чистой Земли будды Амиабхи как метода, ведущего к пробуждению — высшей цели буддизма. Также эти изображения многообразно раскрывают специфичный именно для дальневосточного буддизма женский образ бодхисаттвы Гуанинь.

¹ Изображение см.: Шифр ГМИР: Б-3257-VII. Бумага, краска. 74x54 см.

² Изображение см.: Шифр ГМИР: Б-3253-VII. Бумага, краска. 62x51 см.

³ Изображение см.: Шифр ГМИР: Б-3256-VII. Бумага, краска. 80x55 см.

(трансформированный образ бодхисаттвы Авалокитешвары), который, совмещая в себе традиционные китайские ценности домашнего очага, изобилия, деторождения и религиозный идеал устремленности к пробуждению, оказался близок духу народного буддизма. Безусловно интересными и требующими дальнейшего детального изучения представляются изображения, в которых совмещены религиозная атрибутика китайской махаяны и элементы ваджраянских доктрин Тибета.

Список источников и литературы

Алексеев В.М. Китайская народная. Духовная жизнь старого Китая в народных изображениях. М.: «Наука», ГРВЛ, 1966. 258 с.: ил.

Виноградова Т.И. Мир как «представление»: Китайская литературная иллюстрация. СПб.: БАН; Альфарет, 2012. 332 с.: ил.

Виноградова Т.И. Китайский народный театр на китайской народной картине: Театральные няньхуа как источник изучения традиционной культуры Китая: дис. ... канд. ист. наук наук: 07.00.09. СПб., 2000. 213 с.

Кравцова М.Е. Китайская простонародная картина-няньхуа // Мировая художественная культура. История искусства Китая: Учебное пособие. СПб.: Издательства «Лань», «ТРИАДА», 2004. 960 с.

Муриан И.Ф. Китайский народный лубок. М.: Искусство, 1960. 122 с.

Рифтин Б.Л., Ван Шуцунь, Лю Юйшань. Редкие китайские народные картины из советских собраний. Пекин: Народное искусство, 1990. 670 с.

Иллюстрационное приложение

Рис. 1. Шифр ГМИР: Б-3252-VII. Бумага, краска. 78х51 см.

Рис. 3. Шифр ГМИР: Б-3257-VII.
Бумага, краска. 74x54 см.

Рис. 2. Шифр ГМИР: Л-2866-VII.
Бумага, краска. 68x37 см.

Рис. 4. Шифр ГМИР: Б-3253-VII.
Бумага, краска. 62х51 см.

Рис. 5. Шифр ГМИР: Б-3256-VII.
Бумага, краска. 80х55 см.

Касимова Виктория Ринатовна
магистрант кафедры теории и методики преподавания языков и культур
Азии и Африки Восточного факультета СПбГУ¹

Переводческая деятельность Вакамацу Сидзуко

Вакамацу Сидзуко 若松賤子 (1864–1896) — японская писательница, поэтесса, эссеистка и переводчица эпохи Мэйдзи (1868–1912). Несмотря на то, что ее творческое наследие весьма обширно и включает в себя множество эссе по вопросам женского образования и положения женщины в обществе; значительное число статей о японской литературе и культуре; ряд оригинальных прозаических и поэтических произведений, все же она вошла в историю японской литературы прежде всего как выдающаяся переводчица англоязычной литературы своей эпохи.

Вакамацу Сидзуко родилась в семье самурая низкого ранга в княжестве Айдзу. В 1868 г., во время гражданской войны Босин отец будущей писательницы оказался захвачен в плен, а мать умерла, и в 1870 г. ее удочерила семья торговца из Йокогамы. В то время Йокогама была самым «западным» из всех городов Японии, и там одна за другой стали открываться христианские школы. В одну из них — только что открывшуюся Женскую школу Феррис — в 1875 г. и поступила Вакамацу. Здесь она получила традиционное протестантское образование (в 13 лет она приняла крещение), что оказало значительное влияние на ее последующую творческую деятельность (Сугино 2004, с. 10). Прилежная ученица, она в совершенстве изучила английский язык и после окончания курса обучения в 1882 г. осталась в школе в качестве преподавателя. В 1889 г. Вакамацу вышла замуж за Ивамото Ёсихару, видного общественного деятеля, основателя и главного редактора влиятельного журнала «Дзёгаку дзасси» («Женское образование») — именно в нем была опубликована большая часть ее работ (Campbell 1993, с. 1681).

В 1886 г. на страницах этого журнала появился один из первых ее переводов — поэма Г.У. Лонгфелло «Псалом жизни» (яп. *Ёватари-но ута*). К тому времени уже были опубликованы два перевода этого произведения на японский язык, но перевод Вакамацу стал совсем иным как по форме, так и по содержанию. Так, она использовала традиционный японский стихотворный метр 5-7-5, притом по возможности старалась избегать китайских иероглифов,

¹ Научный руководитель — к. ф. н. Сергей Сергеевич Донченко.

так что текст записан преимущественно знаками японской азбуки *хирагана*. В своем переводе она стремилась ухватить глубинную суть того, что хотел выразить автор, и если ее предшественники видели суть поэмы лишь в призыве к тому, чтобы «возвыситься в мире», то Вакамацу стремилась сделать акцент на духовности и христианской морали.

После Лонгфелло она обратилась к британской поэтессе А. Э. Проктер. Творчество Проктер затрагивало такие насущные темы, как помощь бедным, проблемы бездомных, права женщин, а потому по духу своему было очень близко Вакамацу. В 1887 г. она перевела два ее стихотворения — «Робкое сердце» и «Молодая мать». Оба перевода были выполнены на устаревшем литературном стиле *габунтай* и были почти полностью записаны на хирагана. После этого к творчеству Проктер Вакамацу возвращается в 1890 г., на этот раз избрав для работы объемную поэму «Морячок». Однако в данном случае речь идет скорее не о переводе, а об адаптации: стихотворный оригинал на японский был передан в форме прозы, чем-то напоминающей традиционные *моногатари*. Что касается сюжета, то в целом Вакамацу излагает ту же историю, что и Проктер, но место действия из английской провинции переносится в княжество Айдзу первых годов после реставрации Мэйдзи. Известный американский японовед Дональд Кин отмечал, что в ту эпоху для переводчиков западной литературы в целом приверженность оригиналу была не столь важна, как донесение до читателя некоего «урока», заложенного в произведении (Copeland 2000, с. 128). Последнее можно отнести и к Вакамацу, и поэтому то, что при выборе названия она решила отойти от оригинала — её перевод был озаглавлен как «Подарок на память» (яп. *Васурэгатами*), — представляется вполне логичным: так она попыталась немного сместить фокус с мальчика, главного героя поэмы, на его мать. По сюжету, ради положения и богатства она решила отказаться от своего ребенка, того подарка на память, который оставил ей муж, и теперь она обречена из года в год испытывать муки совести, и именно это чувство горького раскаяния и хотела подчеркнуть переводчица (Мацуи 2008, с. 103). Этот перевод также примечателен тем, что познакомил японского читателя с манерой изложения от первого лица, когда поэт напрямую обращается к читателю, и это подвигло литературные круги Японии к таким же экспериментам в области повествовательной техники. Также здесь Вакамацу впервые решает прибегнуть к разговорному стилю.

С января по март 1890 г. Вакамацу частями издает перевод поэмы А. Теннисона «Энох Арденн» (яп. *Инакку А:дэн моногатари*) — историю о моряке, попавшем в кораблекрушение и лишь через десять лет после этого сумевшем вернуться к себе на родину. Однако вернувшись, он обнаруживает, что его жена, считавшая его давно погибшим, снова вышла замуж и теперь

счастливого живёт с другим. Сраженный горем, он так никогда и не раскроет тайну своего возвращения, ведь его любовь слишком сильна, чтобы разрушить новое счастье своей горячо любимой супруги. Перевод этой поэмы является собой один из ранних примеров художественного изображения романтической любви; эта новая для Японии концепция оказала значительное влияние на то, под каким углом писатели эпохи Мэйдзи стали рассматривать отношения между полами.

В августе 1890 г. Вакамацу приступила к переводу романа Ф. Бёрнетт «Маленький лорд Фаунтлерой» (яп. *Сё:ко:си*) — работе, которая принесла ей наибольшую славу как один из первых примеров современной реалистической детско-юношеской литературы. Несмотря на то, что это произведение было нацелено на детскую и подростковую аудиторию, в Японии им зачитывались и взрослые: через этот перевод они имели возможность познакомиться с американской моралью и образом мыслей. Эту историю часто рассматривают как одну из ряда «историй успеха» (англ. “success story”), на которые девятнадцатый век был так плодотворен. Сюжет этого романа и в самом деле чем-то напоминает «историю Золушки»: семилетний мальчик Седрик Эррол, родившийся и выросший в бедном квартале Нью-Йорка, внезапно становится наследником огромного состояния своего английского деда, и теперь ему предстоит пересечь океан, чтобы стать лордом Фаунтлероем. Однако вовсе не сюжет побудил Вакамацу взяться за перевод романа — что привлекло ее и поразило, так это сам Седрик, его характер и натура, а через него — образ ребенка в целом, каким он предстает в западной литературе. По мере того, как разворачивается повествование, Седрик все больше и больше смягчает зачерствевшее сердце своего деда, и в своем переводе Вакамацу стремилась отразить чистую и невинную душу ребенка, ведь, по ее мнению, только ребенок, создание, ближе всего находящееся к Богу, может сотворить такое чудо. И более того, она полагала, что ребенок может оказать влияние на моральное преобразование всего общества в целом (Takita 1985, с. 5).

Если обратиться непосредственно к технике ее перевода, то она остается верной оригинальному тексту, и критики единогласно хвалили ее за глубокое понимание сути произведения и тщательный подбор японских эквивалентов. Однако нельзя не отметить, что, по возможности, Вакамацу старалась сделать его менее сентиментальным, и при переводе был опущен целый ряд эмоциональных восклицаний и обращений. Также во многих диалогах она прибегла к диалекту своего родного княжества Айдзу. Примечательно и то, что, хотя ей пришлось иметь дело с целым рядом предметов и явлений, в Японии не существовавших (кареты, дворецкие, лакеи в ливреях), она

успешно смогла избежать чрезмерного употребления английских заимствований и почти для каждого подобного слова смогла придумать адекватный японский эквивалент.

Эта работа примечательна еще и тем, насколько умело и естественно Вакамацу Сидзуко смогла привнести в свой перевод элементы разговорного языка. В то время в японских литературных кругах остро стоял вопрос о том, какого стиля следует придерживаться, не только при переводе, но и при создании оригинальных произведений. По мнению Вакамацу, традиционный японский, на котором писали многие из ее современниц, был слишком архаичен, а разговорный стиль, в каком виде его использовали писатели-мужчины, — чересчур прозаичен и невыразителен, а в некоторых случаях и вульгарен (Copeland 2000, с. 5). Это и привело её к выработке собственного стиля японского языка, и многие критики сошлись на том, что ее «новый язык» являл собой один из лучших примеров синтеза разговорного и письменного стилей.

Сложно переоценить то влияние, которое оказал перевод этого романа на современную ей японскую литературу. В частности, литературные круги начали осознавать насущную необходимость создания детской и подростковой литературы, как отдельного явления в то время не существовавшей. К тому же, новой была идея романтизации образа ребенка, идея рассмотреть его как полноценного индивида и сконцентрироваться на его внутреннем мире и переживаниях, посмотреть на окружающий мир его глазами. Также многие критики полагают, что знакомство с этим переводом побудило другую писательницу того периода, Хигути Итиё, написать самую известную свою повесть «Сверстники» (яп. *Такэкурабэ*), в которой в качестве главных героев выступает группа детей из токийского квартала Асакуса (Copeland 2000, с. 150).

В данной статье была затронута лишь переводческая деятельность Вакамацу Сидзуко, однако уже одного этого достаточно, чтобы понять, насколько значительно ее наследие и какое влияние оно оказало на японский литературный процесс и настроения в обществе. Хотя в настоящее время упоминания о ней можно встретить разве что на страницах узкоспециализированных литературных изданий, учитывая все ее заслуги, она, несомненно, заслуживает того, чтобы ее помнили.

Список литературы

Campbell A., Noble D.S., ed. Japan: An Illustrated Encyclopedia. Tokyo: Kodansha, 1993.

Copeland R.L. Lost leaves. Women writers of Meiji Japan. Honolulu: University of Hawai'i Press, 2000.

Мацуи Юко. Ицуцу-но сэй-о икита дзёсэй: Вакамацу Сидзуко // Кё:то ко:ка дзёси дайгаку танки дайгакубу кэнкю: киё:, № 46. Женский университет Кё:то ко:ка, 2008. С 75–125.

Сугино Тору. Ками-но сэндзё: Вакамацу Сидзуко-но кото // Со:го: бунка кэнкю:дзё киё:, № 21. Женский университет До:сися, 2004. С. 9–26.

Takita Yoshiko. Wakamatsu Shizuko and "Little Lord Fauntleroy" // Comparative Literature Studies, v.22. Penn State University Press, 1985. P. 1–8.

Принцип формирования доминанты в синонимическом ряду современного китайского языка

В связи с бурным развитием обучения китайскому языку, значимость исследования смежных лексических единиц значительно выросла. Синонимы украшают нашу речь, поэтому мы считаем, что подробное изучение данного пласта китайского лексики является важным направлением при обучении китайскому языку. В статье рассматриваются факторы, влияющие на процесс выделения доминанты в синонимическом ряду современного китайского языка. Подтверждения в нашей работе были подкреплены материалами отечественных и китайских лингвистов, а также практически доказаны в результате анкетирования. Мы изучили монографии русских и китайских лингвистов, проанализировали результаты тестирования граждан КНР.

Несмотря на большие успехи в изучении синонимических рядов и выявлении в них доминанты в отечественной филологии, в китайской филологии этому вопросу были посвящены всего лишь монографии Люй Шусяня (Люй Шусян 1956, с. 271) и Чжу Дэси выпущенные в середине XX в. Из отечественных лингвистов исследованиями в данной области занимались такие ученые, как В.И. Горелов, А.Л. Семенас. Однако проблема выведения формулы формирования доминанты в синонимическом ряду не была подробно освещена. По этой причине существует необходимость описать определенные закономерности в данном процессе.

Прежде чем начать разговор о доминанте, следует определиться с понятием синонимического ряда. Синонимический ряд часто отображает различные семантические оттенки одного и того же понятия. Одновременно с этим он демонстрирует принадлежность слов к определенному функциональному стилю. В. И. Горелов говорит, что: «Стилевая прикрепленность иногда осложняется добавочными эмоционально-оценочными оттенками. Экспрессивно-стилистические и функционально-стилевые коннотации тесно соприкасаются и переплетаются» (Горелов 1984, с. 130).

Большинство источников, давая определение доминанты, использует выражение «стилистически-нейтральное слово», однако вслед за отечественными филологами мы считаем, что **доминанта** — исходное слово,

¹ Научный руководитель — к. ф. н. Янина Александровна Журавлева.

по отношению к которому другие слова синонимического ряда обнаруживают большую идеографическую сложность, которая выражается в большем количестве идеографических компонентов в лексическом значении слова. Доминанта является своеобразным конкретным экземпляром лексического примитива, т.е. знание его можно считать обязательным для носителей данного языка (Денисов 2013, с.173).

А.А. Гируцкий говорит: «В каждом синонимическом ряду выделяется одно слово, семантически наиболее простое, содержащее общую для всех членов ряда сему, стилистически нейтральное, а также наиболее свободное для сочетания с другими слова. Такое слово синонимического ряда называют доминантой. По степени смысловой близости к доминанте все слова ряда могут быть расположены в определенной последовательности, например: мысль — идея — понятие — мнение, обыкновенный — обычный — будничный — рядовой — заурядный — ординарный, смотреть — глядеть — глазеть — взирать и т.д.» (Гируцкий, 2003, с. 137–138). Системообразующее качество в составе лексико-семантической парадигмы представляет именно доминанта. Лексическое значение доминанты частично или полностью совпадает с общим значением синонимического ряда.

Для того, чтобы выявить закономерность в выделении доминанты в ряду синонимов, студентам из КНР был предложен тест, основное задание которого заключалось в выборе доминанты из предложенных синонимических рядов, которые, в свою очередь были взяты из словарей синонимов китайского языка. Также информанты объяснили, почему в качестве доминанты ими было выбрана та или иная лексическая единица.

Результаты опроса послужили ответом на вопрос о том, какие факторы влияют на выбор доминанты в синонимическом ряду: первым фактором по важности является возможность слова заменить любую другую единицу синонимического ряда; на втором месте расположился фактор, говорящий о том, что данное слово является семантической основой всего синонимического ряда; высокая частота использования и предельная ясность — эти факторы поделили между собой третье место; четвертая позиция — стилистически нейтральная характеристика.

По итогам тестирования нами были замечены случаи, когда при выделении доминанты, информанты испытывали затруднения. Поэтому мы выдвинули предположение, что из-за особенности китайского языка, проявляющейся в большом объеме семантической нагрузки одной лексической единицы, уверенное выделение доминанты возможно не везде.

Дело в том, что китайские иероглифы очень сильно зависят от контекста, в зависимости от ситуации значение слова может, как сужаться, так и расширяться. Достаточно изменить одно из окружающих лексических условий, как значение меняет свой смысл. Значения китайских слов имеют определенную абстракцию, нечеткость и лишь при условии, что слова окажутся в конкретной языковой ситуации, их семантическое обилие проявится в полной мере. Поэтому однозначный выбор слова, выполняющего функцию доминанты порой невозможен.

Так, например, в силу того факта, что ранее тестируемый сталкивался с данным словом в условиях одной речевой ситуации, остальные возможные значения остаются для него неизвестными. Во время проведения тестирования информанты не раз сталкивались с проблемой выделения доминанты в определенных синонимических рядах, так как были не способны проследить между их представителями семантической связи.

Высокая степень точности выделения доминанты была отмечена в синонимических рядах, где одним из членов является односложное слово. В качестве основы ряда синонимов чаще всего выступает именно оно.

Данное явление было нами изучено более подробно. Методом сплошной выборки из словаря синонимов китайского языка «汉语近义词词典» мы отобрали ряды синонимов, в которых, помимо двухсложных слов, присутствует и односложное слово. Было выбрано 48 синонимических рядов.

Данный вид синонимических рядов представляли:

- а) 脸 liǎn — лицо; 面孔 miànkǒng — лицо; физиономия, 嘴脸 zuǐliǎn — (груб. лицо) рожа;
- б) 丢 diū — терять; 丢失 diūshī — утратить; 失去 shīqù — потерять, утратить;
- в) 热爱 rè'ài — горячо любить; 爱 ài — любить, быть привязанным; 喜欢 xǐhuan — нравиться;
- г) 虚假 xūjiǎ — ложный, фальшивый; 虚伪 xūwěi — пустой, фальшивый, лицемерный; 假 jiǎ — ложный, поддельный, подложный.

Полученный результат мы считаем логичным, потому как семемы слов, состоящих из одной морфемы, являются базовыми для всех остальных представителей синонимического ряда.

Также в пользу данного факта нам говорят и результаты тестирования, ведь мотивацией выбора доминант в данных рядах синонимов в более половины случаев послужил критерий, указывающий на то, что в синонимическом ряду слово является семантической основой.

В 38 случаях из 48 односложный член синонимического ряда является доминантой, заключая в себе основное значение.

Результатом исследования служит тот факт, что выявление доминанты – это явление, суть которого не изучена в полной мере. Однако в нашей работе мы прояснили некоторые моменты данного процесса. Таким образом, мы можем сделать вывод, что формирование доминанты в синонимических рядах китайского языка - процесс закономерный. В пользу данной гипотезы говорит тот факт, что несмотря на то, что китайский язык – язык специфичный, в котором оттенок значения слова может меняться в зависимости от контекста, существует система различных факторов, указывающая на доминанту синонимического ряда.

Список источников и литературы

Гируцкий А.А. Введение в языкознание / А.А. Гируцкий. 2-е изд., стер. Минск: ТетраСистемс, 2003. 284 с.

Горелов В.И. Лексикология китайского языка: Учеб. пособие для студентов пед. ин-тов по спец. № 2103 «Иностр. яз.». М.: Просвещение, 1984. 216 с.

Денисов Ю.Н. О некоторых подходах к проблеме выделения доминанты синонимического ряда. Вестник ТГУ. 2013. Тамбов; Вып. 2 (118). С. 169–174.

Палевская М.Ф. Проблема синонимического ряда, его границ и возможности выделения доминанты // Лексическая синонимия. М.: Наука, 1967. С. 94–104.

Семенас А.Л. Лексика китайского языка. 2-е изд., стер. М.: Восток-Запад, 2005. 310, [2] с.

Семенас А.Л. Лексикология современного китайского языка. М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1992. 279 с.

Ханьюй цзиньцзи цыдянь 汉语近义词词典 (Словарь синонимов китайского языка)/ Сост. Ма Яньхуа 马燕华 编著. Пекин: Бэйцзин дасюэ чубфньшэ 北京大学出版社, 2002. 402сс.

Люй Шусян 吕叔湘. *Чжунго вэньфа юялюэ* 中国文法要略 (Основы китайской грамматики). Пекин: Шанью иньшугуань 商务印书馆, 1956. 438сс.

Ковалёва Ксения Александровна
студентка 3 года обучения кафедры теории и истории культуры,
Факультета мировой культуры СПбГИК¹

Развитие инициативы России и Китая: «Один пояс — один путь»

В 2013 году председатель КНР Си Цзиньпин во время своего визита, в рамках программы посещения государств Центральной Азии, впервые предложил концепцию «Один пояс — один путь», ставшей впоследствии межгосударственным масштабным проектом «Шёлковый путь XXI века». На примере Великого Шёлкового пути, история утверждает одну истину: чем короче путь, тем он эффективней. Рефлексия исторического опыта (Великий Шёлковый путь, действовавший со II в. до н. э. по XV в. н. э.) способствовала созданию нового единого экономического пространства, в котором на сегодняшний день заинтересовано большинство стран.

Проектом предусматривается строительство современной транснациональной магистрали, которая соединит Запад и Восток тремя ветвями: южной (11 500 км, Китай — Юго-Восточная Азия — Южная Азия — Индийский океан), центральной (11 000 км, Китай — Центральная и Западная Азия — Персидский залив и Средиземное море) и северной (11 000 км, Китай — Центральная Азия — Россия — Европа) (Михеев 2016, с. 9). Предполагается, что страны-участницы построят высокоскоростные транспортные системы со скоростями 250 км/ч, что повысит оборачиваемость капитала почти в 7 раз, при этом сроки поставок товаров станут гарантированными, а система пограничной проверки документов упростится (Параг Кханна, 2012).

В центре нашего внимания — северная ветвь, проходящая через территорию России. Сегодня отношения России и Китая вышли на совершенно новый, беспрецедентный уровень. Такой уровень взаимодействия, несомненно, носит характер диалога. Совпадение интересов двух стран по многим аспектам лежат в основе доверительных отношений, а координация отношений на уровне Совета Безопасности ООН способствует более справедливой и демократической работе. Являясь также партнёрами по таким международным организациям, как ШОС и БРИКС, Россия и Китай готовы сплотить свои силы для решения экономических трудностей, которые имеются у обеих стран, и расширить двустороннее сотрудничество. Россия претендует стать полноправным участником китайской инициативы «Один

¹ Научный руководитель — доц., канд. культурологии Ольга Викторовна Прокуденкова.

пояс — один путь». Но для начала стоит определить, какие интересы преследует Россия, участвуя в Новом Шёлковом пути.

8 мая 2015 года Россия и Китай подписали «Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики о сотрудничестве по сопряжению строительства Евразийского экономического союза и Экономического пояса Шелкового пути». Заявление гласит, что Россия «поддерживает строительство Экономического пояса Шелкового пути и готова к тесному взаимодействию с Китайской Стороной в продвижении этой инициативы» (Совместное заявление РФ и КНР, 2015). Для России участие в инициативе «один пояс — один путь» — это, прежде всего, возможность оптимального использования китайских предложений в своих интересах. Например, создание проектов соразвития с Китаем позволят России и её партнёрам по Евразийскому союзу обустроить гигантские просторы континента Евразии. Китай предоставляет такие условия, при которых Россия может создать и развить на территории континента транспортные логистические маршруты. В свою очередь, страны Евразийского союза, развивая собственную интеграцию, смогут сделать свою экономику конкурентоспособной (Уянаев 2015, с. 253).

Российский интерес заключается в том, чтобы стать частью китайской инициативы. Предлагая свои транспортные возможности, особенно железнодорожные пути сообщения БАМ и Транссиб, Россия может наладить равноправные двусторонние перевозки, таким образом, это позволит северному экономическому маршруту стать самым окупаемым. Но в этом случае Байкало-Амурская и Транссибирская магистрали, в силу своей низкой скорости перевозок, требуют серьёзной реконструкции. В настоящее время наблюдается некоторый прогресс в развитии проекта высокоскоростной магистрали «Москва–Казань», которая в будущем станет частью северного экономического маршрута Шёлкового пути. Отмечается, что «подобный опыт осуществляется в России впервые, что не может не вызывать определённых трудностей у российской стороны: создание путей, контактной сети, стрелочных переводов для высокоскоростных поездов и т. п.» (Фролова 2016, с. 57). Китай, занимающий сегодня первое место в мире по количеству высокоскоростных дорог, сможет в рамках проектов сопряжения передать свой опыт российскому партнёру. К тому же, развитие транспортной сети азиатской части России должно благоприятно отразиться на всей инфраструктуре региона: произойдёт рост торговли, создадутся предприятия в сфере высоких технологий, организуются компании по экспорту, рабочие места, комфортабельные условия проживания и т.д.

Очень важно, чтобы Россия нашла себе место в инициативе «Один пояс — один путь». Это позволит ей не только стать связующим звеном, соединив собой Запад и Восток, но и закрепить своё положение как крупной транзитной страны. Такое положение и совместные с Китаем проекты смогут способствовать экономическому развитию, что важно на фоне сложных отношений с Западом в настоящее время. По мнению старшего сотрудника Института мировой экономики и политики Китайской академии общественных наук Сюэ Ли, «в комплексе дипломатии соседства, Россия как единственный системный стратегический партнер станет самым важным партнером. Россия и Китай получают выгоду не только от стратегического сотрудничества в международной политике, оборонной промышленности, энергетике, но также и в сельском хозяйстве, легкой промышленности, обрабатывающей промышленности, коммуникационной индустрии, инфраструктурном строительстве и т. д.» (Яшлавский 2016).

Очевидно, что Россия, участвуя в данной инициативе, сможет осуществить перспективные проекты, носящие позитивный характер с точки зрения её интересов. Следует отметить, что Китай, предлагая условия со своей стороны, должен придерживаться таких принципов, которые позволят устранить настороженные настроения не только России, но и остальных стран-участниц по отношению к строительству Нового Шёлкового пути. Опасения основаны на том, что Китай предполагает в первую очередь реализацию своих интересов. Поэтому принципами регулирования должны выступать: активный политический диалог; укрепление экономического сотрудничества; расширение гуманитарных связей и т. п. (Ван Шучунь 2014, с. 66–68).

Не стоит забывать: участие и предложения России положительно отразятся на взаимоотношениях с Китаем. Россия и Китай уже сейчас являются важными стратегическими партнёрами (видеть это мы можем на примере сотрудничества двух стран в рамках ШОС и БРИКС), но работа над проектом Нового Шёлкового пути даст новый импульс в российско-китайском стратегическом взаимодействии. Россия действительно может стать ключевой страной в деле развития китайской инициативы, при условии, что сама приложит немало усилий к успешному сотрудничеству и даже займёт одну из доминирующих позиций. Подключив к этому процессу Евразийский экономический союз, Россия и Китай смогут не только реализовать общие интересы, но и ещё больше обогатить друг друга.

В целом, каждая страна, участвующая в инициативе «один пояс — один путь» идёт по пути строительства нового мира, сотрудничества, основанного на взаимном уважении и доверии, что, несомненно, ведёт к мирному существованию человечества.

Список источников и литературы

Ван Шучунь, Вань Цинсун. Проекты «Экономический пояс Шёлкового пути» и ЕАЭС: конкуренты или партнеры? // Обозреватель. 2014. № 10. С. 56–68.

Евразия // География мира: [сайт]. URL: <http://world-geo.narod.ru/html/eurasia.html> (дата обращения: 02.02.2017).

Китай и Восточная Европа: звенья нового Шелкового пути / Отв. ред.: В. Михеев, В. Швыдко. М.: ИМЭМО РАН, 2016. 70 с.

Параг Кханна. Новый Шелковый путь сделан из железа и простирается от Шотландии до Сингапура // ИНОСМИ.РУ. 08.10.2012: [сайт]. URL: <http://inosmi.ru/world/20121008/200550912.html> (дата обращения: 15.01.2017).

Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики о сотрудничестве по сопряжению строительства Евразийского экономического союза и Экономического пояса Шелкового пути // Официальные сетевые ресурсы Президента России: [сайт]. URL: <http://kremlin.ru/supplement/4971> (дата обращения: 25.11.2016).

Уянаев С. В. Новые «Шёлковые пути» Китая: принципы и параметры официальной «дорожной карты» // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. 2015. №. 20. Т. 20. С. 242–259.

Фролова И. Ю. Китайский проект «Экономический пояс Шёлкового пути»: развитие, проблемы, перспективы // Проблемы национальной стратегии. 2016. № 5 (38). С. 47–67.

Яшлавский А. Шелковый путь 2.0: Китай предлагает миру амбициозную стратегию // МК.RU. 18.08.2016: [сайт]. URL: <http://www.mk.ru/politics/2016/08/18/shelkovyy-put-20-kitay-predlagaet-miru-ambicioznuyu-strategiyu.html> (дата обращения: 01.11.2016).

Колнин Илья Сергеевич
студент 2 курса факультета мировой экономики и мировой политики
Школы Востоковедения НИУ ВШЭ¹

**«Дао и чжи люэ» 島夷誌略 («Краткое описание островных чужеземцев»)
 (1349/1350 г.): краткое описание, история написания, проблемы
 датировки и некоторые важнейшие особенности источника**

«Дао и чжи люэ» — памятник времён конца империи Юань (1271–1368), написанный китайским мореплавателем и торговцем Ван Даюанем 汪大淵. Этот источник является уникальным описанием земель Южной, Юго-Восточной Азии и Африки времён эпохи Юань. В западной историографии изучением памятника занимались П. Пеллио (Пелльо) (1878–1945), У.В. Рокхилл (1854–1914) (выполнил перевод 68 главок памятника), П. Уитли (1921–1999) и другие², при этом исследований самого памятника почти нет, чаще всего пользуются отрывочной информацией об отдельных странах и народах из него. В отечественной историографии работы, посвященные источнику, отсутствуют.

Точной информации о Ван Даюане и о самом «Дао и чжи люэ» очень мало. О нём, равно как и об авторе, нет никаких упоминаний ни в основных нормативных историях «Юань ши» 元史 («История империи Юань») и «Мин ши» 明史 («История империи Мин»), ни в крупнейшем собрании книг минской эпохи «Юнлэ дадянь» 永樂大典 («Энциклопедия [времён правления] Юнлэ») (1408 г.). Вплоть до начала эпохи Цин произведение фигурирует только в некоторых минских каталогах: в «Вэньюаньгэ шуму» 文淵閣書目 («Каталог Вэньюаньгэ»), «Баовэньтан шуму» 寶文堂書目 («Каталог Баовэньтан»), «Цзяньюньлоу шуму» 絳雲樓書目 («Каталог Цзяньюньлоу») и в «Шугутан шуму» 述古堂書目 («Каталог Шугутан») фигурирует под названием «Дао и чжи» 島夷志 («Описание островных чужеземцев»), причём первый из них — каталог императорского дворца. Под этим же названием источник упоминается в более поздних минских и цинских сочинениях географического содержания, например, в Хуаньюй тунчжи» 寰宇通志

¹ Научный руководитель — к. и. н. Марк Юрьевич Ульянов.

² См.: Rockhill W.W. Notes on the Relations and Trade of China with Eastern Archipelago and the Coast of the Indian Ocean during the Fourteenth Century // T'oung Pao. 1913-1915. Pelliot P. Mémoires sur les coutumes du Cambodge de Tchou Ta-Kouan. Paris, 1951. Wheatley P. The Golden Khersonese: Studies in the Historical Geography of the Malay Peninsula before A.D. 1500. Kuala Lumpur, 1961.

(«Географическое описание всей страны»), «Мин итун чжи» 明一統志 («Все описания [империи] Мин»), «Дун си ян као» 東西洋考 («Исследование Западного и Восточного океанов») и в «Гуцзин тушу цзичэн» 古今圖書集成 («Собрание старой и современной литературы») (Су Цзицин 2000, с. 12).

Памятник снабжён тремя предисловиями и послесловием автора: «Предисловие У» 吳序, «Предисловие Чжана» 張序 и «Предисловие из “Цинъюань сюй чжи”» 清源續志序, а также послесловия автора: «Послесловие Дао и чжи» 島夷誌後序. У Цзянь 吳鑒 (XIV в.) был главным составителем «Цинъюань сюй чжи» 清源續志 («Продолжение описания [области] Цинъюань»), Чжан Чжу 張翥 (XIV в.) — известный литератор.

«Цинъюань сюй чжи» представлял собой отредактированный и дополненный более ранний сборник «Цинъюань хоу чжи» 清源後志 («Последующее описание [области] Цинъюань»), датируемый 1250 г., который, в свою очередь, был продолжением сборника «Цинъюань цян чжи» 清源前志 («Раннее описание [области] Цинъюань») (приблизительно 1199 г.). Необходимо было создать новый сборник, именно поэтому Се Юйли был послан в Цюаньчжоу, где и был впоследствии издан «Цинъюань сюй ши», а к нему в качестве дополнения приложен «Дао и чжи люэ». Все эти сборники ныне утеряны, «Цинъюань сюй чжи», похоже, был утерян в конце империи Мин. Таким образом, до нас дошёл вариант «Дао и чжи люэ», напечатанный в Наньчане, а не извлечённый из «Цинъюань сюй чжи». Предисловия, судя по всему, первоначально составлялись для версии, вошедшей в собрание «Цинъюань сюй чжи», а затем были самостоятельно добавлены Ван Даюанем в отдельно напечатанный вариант, дошедший до нас.

Судя по информации из предисловий, Ван Даюань составлял свои записи во время посещения описываемых мест, таким образом, потом ему оставалось лишь подкорректировать их.

В предисловии У Цзяня упоминается, что в 1349 г. Ван Даюань встретился в Цюаньчжоу с *даругачи* (уполномоченный монгольских властей) Се Юйли 偓玉立. Се обязал его описать увиденное в путешествиях и добавил эти записи под названием «Дао и чжи» 島夷志 в «Цинъюань сюй чжи». Затем памятник уже под названием «Дао и чжи люэ» 島夷誌略 был отдельно напечатан Ван Даюанем в Наньчане.

Первое книжное собрание, в котором появляется «Дао и чжи люэ» — «Сы ку цюань шу» 四庫全書 («Полное собрание книг по четырём разделам») эпохи Цин. Там же приводится дополнительная аннотация к «Дао и чжи люэ».

При этом в собрании «Сы ку цюань шу» книга названа 島夷誌略, в то время как в «Сы ку цюань шу цзун му (ти яо)» 四庫全書總目(提要) («[Выдержки] из каталога полного собрания книг по четырём разделам») и «Сы ку цюань шу цзянь мин му лу» 四庫全書簡明目錄 («Краткое содержание полного собрания книг по четырём разделам») — 島夷志略 (Су Цзицин 2000, с. 12).

Как видно из приведённых данных, неопределённость возникает уже на уровне названия источника. Разночтение иероглифа «чжи» скорее всего — просто разнопись. При этом, если проследить упоминание источника в каталогах, то вплоть до конца империи Мин можно встретить версии названия как «Дао и чжи», так и «Дао и чжи люэ». Похоже, «Дао и чжи» — название из собрания «Цинъюань сюй чжи», в то время как «Дао и чжи люэ» — самостоятельно изданный вариант.

Всего источник разделён на 100 главок, 99 из которых представляют собой описание отдельно взятых стран, бухт или других мест, где, по утверждению Ван Даюаня, он бывал. Последняя главка — пересказ автором услышанного им от других купцов и торговцев о тех местах, которые он сам не посетил.

Автор следует определённой логике в написании главок, на основе чего мы попытались выделить структурные группы текста. Сначала даётся географическое описание (структурная группа 1; СГ1), затем описывается местное общество, его обычаи, внешний вид, занятия и т. д. (СГ2). А завершает каждую главку перечень местной продукции и товаров при обмене (СГ3). Данный метод анализа памятников схожего содержания был предложен М.Ю. Ульяновым в ходе изучения «Чжу фань чжи» 諸蕃志 («Описание всего иноземного», 1225 г.) (Ульянов 1996, с. 2). Далее мы выделили в каждой из групп подгруппы. Исследованию подгрупп в скором времени будет посвящена отдельная статья.

Таким образом, книга Ван Даюаня, в отличие от сунского «Чжу фань чжи» Чжао Жугуа 趙汝适, представляет собой первый подробный источник о южных заморских землях, написанный на основе личных наблюдений. При этом, как отмечает немецкий учёный Родерик Птак, «Дао и чжи люэ» среди других юаньских источников даёт наиболее реалистичные и не мистифицированные описания (Ptak 1995, pp. 66-70).

Вся информация, известная об авторе, взята из предисловий и послесловия автора. В предисловии Чжана сказано, что по достижении совершеннолетия Ван Даюань дважды отправлялся в плавания по Восточному океану и Западному океану. Понятие «совершеннолетие» в тексте обозначено иероглифами «гуань нянь» 冠年, что означает наступление 20-летия.

Учитывая, что раньше в Китае от рождения уже отсчитывался 1 год, на момент своего первого плавания Ван Даюаню должно было быть 19 лет. В послесловии автор просто пишет, что в юном возрасте (少年) отправился в плавание. Помимо этого, в послесловии даётся точная дата возвращения Ван Даюаня в Цюаньчжоу 泉州 (город, из которого автор совершал плавания) — зима 1349 г. («зима 26-ого года 60-летнего цикла времён правления под девизом Чжичжэн» 至正己丑冬). В предисловии У сказано, что Ван Даюань провёл в плаваниях несколько лет (數年) и затем вернулся, не говорится о количестве плаваний.

Также из предисловий Чжана и У читатель узнаёт второе имя автора — Хуань Чжан 煥章, и что он — уроженец уезда Юйчжан 豫章 (современный округ Наньчан 南昌). В предисловиях помимо этого указаны годы их написания: предисловие Чжана — 1350 г. («десятый год правления под девизом Чжичжэн» 至正十年), предисловие У — зима 1349 г., аналогично с возвращением Ван Даюаня в Цюаньчжоу.

В самом тексте автор упоминает две даты: в главке «Дафошань» 大佛山 (в районе современной Шри-Ланки) — зима 1330 г. («зима 7-ого года 60-летнего цикла времён правления под девизом Чжишунь» 至順庚午冬), и в главке «Сиань» 暹 (средневековое государство Сиам) — лето 1349 г. («лето 26-ого года 60-летнего цикла времён правления под девизом Чжичжэн» 至正己丑夏).

В главке Дафошань автор пишет, что зимой 1330 г. судно, на котором он плыл, пристало у подножья горы (至順庚午冬十月十有二日, 因卸帆於山下……). Фразу можно трактовать и переводить по-разному, поэтому нет единого мнения, к чему она относится.

Су Цзицин 蘇繼楨, автор комментариев к «Дао и чжи люэ», считает, что в 1330 г. Ван Даюань отправился в своё первое плавание, таким образом, он родился в 1311 г. (Су Цзицин 2000, с. 10–11).

Китайский историк Сюй Юнчжан 许永璋 не согласен с Су Цзицином и утверждает, что эта дата относится ко времени пребывания Ван Даюаня в Дафошань на обратном пути в Китай после своего первого плавания. По этой версии получается, что автор отправился в плавание раньше 1330 г. Сюй Юнчжан предполагает, что автор «Дао и чжи люэ» пережил в Шри-Ланке сезон муссонов и на следующий год вернулся в Китай (Сюй Юнчжан 1997, с. 98–99).

В главке «Сиань» сообщается, что в 1349 г. Сиам подчинил себе Лоху 羅斛 (средневековое государство Лаво на территории современного Таиланда). Со второй датой из главок всё тоже неочевидно, так как из послесловия Ван Даюаня следует, что в это же время он занимался написанием своей книги, соответственно, не мог находиться там в то время. Су Цзицин пишет, что, возможно, автор имел в виду «16-й год 60-летнего цикла времён правления под девизом Чжиюань» 至元己卯 — 1339 г. (Су Цзицин 2000, с. 158–159).

Другой китайский историк Лю Иншэн 刘迎胜 считает, что эту информацию Ван Даюань узнал в ходе написания книги от других торговцев и купцов (Лю Иншэн 1998, с. 2). Мы придерживаемся мнения Лю Иншэна.

Таким образом, в ходе анализа информации из самого источника, а также изучения историографии по вопросу, мы пришли к следующим выводам по поводу дат из жизни Ван Даюаня:

1) Вероятнее всего, Ван Даюань родился ранее 1311 г., судя по информации из главки Дафوشань. Мы согласны с мнением Сюй Юнчжана в том, что 1330 г. не может быть временем отправления Ван Даюаня в его первое плавание, это должно было произойти ранее, таким образом, и родился он до 1311 г.

2) Свои два плавания Ван Данюань совершил в промежутке между второй половиной 1320-х гг. и первой половиной 1340-х гг.

3) Судя по датам написания предисловий к «Дао и чжи люэ» и дате написания самого памятника, указанной в послесловии Ван Даюаня, версия «Дао и чжи люэ» из собрания «Цинъюань сюй чжи» и отдельно напечатанная версия были изданы в промежутке между 1349 и 1350 гг. Скорее всего, сам «Дао и чжи люэ» из собрания был закончен в 1349 г., а напечатан в 1350 г. В том же 1350 г. Ван Даюань отредактировал и отдельно издал «Дао и чжи люэ».

4) В ходе перевода источника и анализа структуры текста нами было выдвинуто предложение, что Ван Даюань был торговцем. В своих описаниях он уделяет очень много внимания торговым отношениям между странами, которые описываются в СГ2 в уникальных подгруппах. Также в ходе анализа 27 переведённых нами главок было выявлено, что подгруппы из СГ3 встречаются повсеместно, за исключением всего одного случая.

Список источников и литературы

Ульянов М.Ю. Китайские источники по истории Нусантары в средние века. Опыт системного исследования труда Чжао Жугуа Чжу Фань Чжи (описание всего иноземного). Автореферат дисс. канд. ист. наук: 07.00.03. М., 1996.

Roderich Ptak. Images of Maritime Asia in Two Yuan Texts: Daoyi Zhilue and Yiyu Zhi // Journal of Song-Yuan Studies. 1995. №25. pp. 47-75.

Су Цзицин. Дао и чжи люэ сяоши (Замечания и пояснения к “Краткому описанию островных чужеземцев”). П., 2000.

Сюй Юнчжан. Ван Даюань шэнпин каобянь сань ти (Исследования по трём вопросам по датам жизни и деятельности Ван Даюаня) // Хай цзяоши яньцзю. 1997. С. 98-102.

Лю Иншэн. Ван Даюань лянцы чуян чукао (Первое исследование [по вопросу] двух отправок в плавание Ван Даюаня) // «Чжэн Хэ юй хайян» сюэшу яньтаохуэй. 1998. С. 301-312.

Круглов Владислав Владиславович
студент 3 курса факультета Международных отношений
МГИМО МИД России¹

Морской Шелковый путь XXI в.

Инициатива «Один пояс — один путь» была впервые озвучена 16 сентября 2013 г. в Казахстане Председателем КНР Си Цзиньпином во время выступления в Назарбаев Университете в речи «Развитие дружбы народов ради прекрасного будущего». Председатель КНР впервые предложил стратегическую инициативу формирования «Экономического пояса Шёлкового пути» совместно со странами Центральной Азии.

Уже 3 октября 2013 г. в ходе визита в Индонезию Председатель КНР выдвинул аналогичный план для расширения сотрудничества Китая со странами Западной, Южной и Юго-Восточной Азии, а также Восточной Африки и Европы, получившим название «Морской Шёлковый путь XXI века».

А 28 марта 2015 г. по поручению Государственного совета КНР был опубликован документ «Концепция и план действий по содействию совместному строительству “Экономического пояса Шёлкового пути” и “Морского Шёлкового пути XXI в.”», подготовленный Государственным комитетом по делам развития и реформ, Министерством иностранных дел и Министерством коммерции КНР.

Обратимся к истории этой концепции КНР. Один из первых великих императоров династии Мин (1368–1644), Чжу Ди, взял под покровительство отличившегося в боях мусульманина-евнуха по фамилии Ма, довольно типичной и по сей день для китайских мусульман. Евнуху было даровано новое имя Чжэн Хэ и поручено вместе с мощной эскадрой отправиться в Страны южных морей и обратить их в данников Поднебесной. В те времена даже нормальная торговля официально считалась принесением дани «варварами» и получением в ответ даров — так называемая вассально-данническая система. Расширение числа «данников», то есть торговых партнеров, было весьма актуально, так как на Великом шелковом пути возникли существенные проблемы: восстания в разных царствах и непобедимые армии Тамерлана фактически перерезали в нескольких местах торговую магистраль, нарушили кругооборот товаров.

¹ Научный руководитель — д. э. н., профессор Вячеслав Всеволодович Карлусов.

Китайцы еще во времена династии Хань научились использовать сезонные ветры для путешествий в Восточную и Юго-Восточную Азию. Впоследствии они освоили навигацию по звездам, научились составлять морские карты, делать замеры глубины и скорости течений. Во времена Южной Сун был изобретен морской компас. Не имевший опыта мореходства адмирал Чжэн Хэ собрал около 250 судов разных размеров и назначения. На них размещалось 21 тыс. моряков, солдат, торговцев и дипломатов. Между 1405 и 1433 гг. состоялось семь плаваний эскадры, а также несколько путешествий отдельных флотилий.

С каждым новым путешествием Чжэн Хэ добирался все дальше и дальше: Малакка, Цейлон, Индия, Аравия, Восточная Африка... Неизвестно, как бы развивалась всемирная история, если бы китайские эскадры добрались до Европы и Америки, каких пределов достиг бы сам Китай. Стоит вспомнить, что Христофор Колумб открыл Америку только в 1492 г. Но император неожиданно умер, а при дворе молодого наследника возобладали изоляционистские идеи. Сам Чжэн Хэ и его мореходы были списаны на берег, чертежи кораблей уничтожены. Был установлен курс на изоляцию Китая, запрещена официальная торговля со всеми иностранными партнерами, кроме небольшого королевства Люцю (Рюкю) на островах Окинава.

Напоминаниями о великих временах Морского шелкового пути в последние годы стали находки затонувших кораблей. В 1973 г. вблизи г. Цюаньчжоу был обнаружен остов корабля длиной 24, шириной 9 метров с водонепроницаемыми переборками и 13 трюмами. Находки были датированы Сунской эпохой (1127–1279). В 1987 г. около о. Хайлин к юго-западу от Гуанчжоу был найден, а 20 лет спустя поднят на поверхность старинный корабль «Наньхай Но 1», потерпевший крушение в эпоху Южная Сун, а в трюмах этого корабля был найден груз изящных фарфоровых изделий, украшений из яшмы, монет, шелков.

В настоящее время в связи с глобальной геополитической и геоэкономической трансформацией и смещением мирового полюса экономического развития в Азиатско-Тихоокеанский регион возрождается Великий морской путь из АТР через Индийский океан, по которому ежегодно транспортируется товаров примерно на триллион американских долларов.

Современный логистический проект «Морской шелковый путь XXI в.» соединяет Китай с другими странами ЮВА, Ближним Востоком, Восточной Африкой и некоторыми странами ЕС посредством морских торговых путей, таких, например, как Маллакский пролив.

«Народы Азии стремятся построить доверительные взаимоотношения и получить взаимную выгоду в деле торговли и коммерческого мореплавания», — прокомментировал ситуацию Ван И, добавив, что КНР будет сотрудничать со всеми странами, компаниями и организациями на равных условиях. Министр иностранных дел призвал партнеров по Ассоциации Юго-Восточных азиатских наций усилить сотрудничество в сфере океанических грузоперевозок, разведке и добыче полезных ископаемых, научных исследованиях, защите окружающей среды, ликвидации последствий стихийных бедствий и развитии туризма.

Строительство новых и улучшение качества существующих инфраструктурных объектов способно в средне- и долгосрочной перспективе значительно увеличить объемы грузоперевозок между азиатскими и европейским государствами. Морской шелковый путь может стать и основной торговой артерией внутри азиатского региона, способствуя расширению общерегиональных интеграционных процессов.

Новый проект обеспечит жизнеспособность Азиатского банка инфраструктурных инвестиций, из средств которого планируется финансировать проект. Реализация столь масштабного и стратегически важного инвестиционного проекта привлечет в банк значительные объемы финансовых средств, особенно если реализовываться он будет на условиях государственно-частного партнерства с привлечением инвестиций крупных компаний, в том числе морских перевозчиков.

Снижение расходов на грузоперевозки морским транспортом, которое должно стать долгосрочным следствием реализации проекта, будет способствовать расширению торговых отношений как внутри региона, удовлетворяя растущий спрос азиатских рынков и способствуя ускорению интеграционных процессов, так и развитию торговой оси Азия-Европа, накоплению экспортных доходов и укреплению экономик азиатских государств.

Индийский океан становится важнейшим геостратегическим регионом для таких стран, как США, Китай и Индия. В настоящее время в Индийском океане лидируют военно-морские силы США (авианосные ударные группировки) и ВМС Индии. Военно-морское присутствие США представлено передовыми пунктами базирования Диего-Гарсия (Великобритания), Манама (Бахрейн), ВМФ США используют порты Джебель Али и Фуджейра в ОАЭ. Нарастает мощь ВМС Индии и присутствие в регионе ВМС Китая.

Усиление экономической мощи современного Китая и зависимость от импорта энергетических ресурсов поставили перед Пекином стратегическую

задачу превращения прибрежного флота в океанский. Главной задачей ВМФ Китая является обеспечение безопасности торгового флота на стратегических морских коммуникациях.

В ближайшем будущем Китай намерен создать в Мировом океане «опорные пункты» для кораблей военно-морского флота на принципах «взаимной выгоды и дружеских отношений». Эти базы будут использоваться для захода, пополнения запасов и судоремонта боевых кораблей, отдыха моряков, размещения разведывательной авиации и судоремонта боевых кораблей. Особое внимание уделяется созданию «опорных пунктов» в азиатских и африканских портах Индийского океана, получивших название «Нить жемчуга».

Чтобы обезопасить импорт нефти со Среднего Востока в Китай, Пекин вынужден одновременно создавать два международных транспортных коридора. Так как основным поставщиком нефти в Китай является Иран, морские коммуникации доставки нефти приобрели стратегическое значение. Здесь самым уязвимым местом является относительно узкий (до 2-3 км) Малаккский пролив. Поэтому Соединенные Штаты предают исключительное значение контролю этой коммуникации и возможного блокирования Малаккского пролива. Китай рассматривает возможность строительства судоходного канала через перешеек Кра в Таиланде в обход Малаккского пролива¹.

Планы строительства канала существуют с XVII в. Китай в целях повышения энергетической безопасности заявил о возможном участие в строительстве канала ещё в 2005 г. Реализация проекта стоимостью в 25 млрд. долларов США займет 10 лет и потребует привлечения 30 тыс. рабочих.

Американский ВМФ во много раз превосходит морские силы Китая. Двухсторонние военные союзы с Японией, Южной Кореей, Австралией, Филиппинами и Таиландом позволяют осуществлять эффективный контроль над морскими путями в Китай. Пекин в свою очередь размещает военные базы и средства электронной разведки в Мьянме и в Камбодже.

Другой транспортный коридор создается из китайской провинции Синьцзян к Индийскому океану. В 2005 г. Китай заключил с Пакистаном двухсторонний Договор о дружбе, добрососедстве, взаимной помощи и военном сотрудничестве. Пекин выступает гарантом безопасности Пакистана.

¹ Канал через перешеек Кра (Тайский канал) в Таиланде должен сократить морской путь из Китая в Индийский океан и Южную Азию в обход Малаккского пролива, где суда подвергаются нападкам пиратов. Минимальная ширина перешейка Кра составляет 44 км (для сравнения — длина Панамского канала 77 км, а Суэцкого канала – 192 км)

С финансовой помощью Пекина на Макранском побережье Белуджистана сооружен современный глубоководный порт Гвадар. Этот амбициозный проект нацелен на создание нового экономического центра Среднего Востока по аналогии с арабским Дубаем. Размещение китайской военно-морской базы и станция электронной разведки в Гвадаре позволит обеспечить безопасность импорта нефти из Ирана — главного зарубежного поставщика энергетического сырья в Поднебесную и контролировать транспортировку нефти из зоны Персидского залива в Индию. Учитывая уязвимость морских коммуникаций со Среднего Востока в Китай, Пекин планирует строительство нефте- и газопроводов от побережья Аравийского моря до китайского Синьцзяна, чтобы обеспечить импорт в обход Малаккского пролива, а также продлить высокороторное Каракорумское шоссе до порта Гвадар.

Итак, концепция «Морского Шелкового пути XXI в.» возникла из исторической памяти народа. Плавания Чжэн Хэ при Минской династии стали рецидивами «всплесков архаичности», которые не исчезли в «исторической памяти» народа, а лишь многослойно отложились в глубинах сознания и подсознания, как коллективного, так и индивидуального, ожидая возможности проявления при новом повороте политического калейдоскопа, чем и стала концепция «Один пояс — один путь».

Список литературы

Верлин Е.В. Проблемы формирования и эволюция «Большого Китая» (Роль и место Китая в интеграционных процессах региона ЮВА). Диссертация. М., 2001.

Гребенщиков Э.А. Всекитайское сообщество. Реальность или фантазия? // Китай и мир (тезисы докладов). М., 1992.

Хуан Чжилян. США 203 года. Сянган, 1980.

Harding H. The Concept of Greater China: themes, variations and reservations // The China Quarterly. 1993. №3.

Круглова Екатерина Дмитриевна
студентка 2 курса кафедры китайской филологии
Восточный факультет СПбГУ¹

История лингвокультурного взаимодействия Китая и Японии

В течение своей многотысячелетней истории Китай взаимодействовал с различными странами, в результате чего в китайскую культуру проникали иноземные реалии, вместе с которыми китайский язык заимствовал целый ряд обозначавших новые явления и предметы иностранных слов, подвергнув их адаптации. Не последнюю роль в этом сыграл один из ближайших соседей страны — Япония, а также японский язык и культура. Исследователи отмечают несколько волн японского влияния на Китай, в результате которых китайская лексика расширялась за счет «японизмов», обозначавших отсутствовавшие в Китае того времени реалии. Можно выделить следующие этапы взаимодействия китайской и японской культур, и, соответственно, периоды проникновения японской лексики в китайский язык:

1. Период перехода в древнекитайский язык японских фонетических заимствований при династиях Хань и Вэй (I–III века н.э.). Китай стал первой страной в мире, где появились описания японцев и их языка. Самыми важными источниками по древней истории Японии и японскому языку являются следующие древнекитайские труды: «Предание о людях *ва*² из истории государства Вэй» («Вэй чжи во жэнь чжуань» 魏志倭人传) в «Записках о трёх царствах» («Сань го чжи» 三国志), «История государства Ва» («Во го чжуань» 倭国传) в «Истории Сун» («Сун шу» 宋书). В них уже встречались некоторые японские географические названия, имена собственные, например, (1) 斯马国 — государство Сима, (2) 伊邪国 — государство Исэ, (3) 伊都国 — государство Идзу, (4) 卑弥呼 — Химико³ (Бехтерева, 2016, с. 26). Все вышеперечисленные типы лексики представляют собой фонетическую транслитерацию японских слов, китайские иероглифы использовались как фонетический знак и своего смыслового значения не несли, и, несмотря на свою простоту, были трудны для понимания китайцев.

¹ Научный руководитель — к.ф.н. Колпачкова Елена Николаевна.

² Ва (яп. 倭人 *вадзин*), во (кит. 倭人, пиньинь: *wō rén*, палл.: *вожэнь*, буквально: «карлик») — название, применявшееся в древнем Китае к японцам.

³ Химико (до 173? — около 248?) — правительница одного из первых японских раннегосударственных образований — страны Яматай периода Яёй.

2. **Период появления графических, семантических и вторичных заимствований в эпохи Тан и Сун (618 г. – XIII век).** В VII в. приход к власти династии Тан ознаменовал культурный расцвет Китая. На возвышение соседа не могла не отреагировать Япония, отправившая с 630 по 895 гг. в Китай по меньшей мере двадцать посольств¹ для усвоения танской культуры и дальнейшего насаждения её в Японии. Как следствие активизировалось взаимодействие между двумя странами в сфере экономики, политики, религии и культуры. К этому времени японская письменная система уже заимствовала китайские иероглифы, они уже не использовались в качестве фонетических знаков, а японские слова поглощались китайским книжным языком, превращаясь в графические заимствования. Японские послы вывозили не только продукты и предметы быта, но и произведения культуры и литературы. Именно в Танскую эпоху произошло создание японской письменности на основе китайской.

3. **Первая крупная волна проникновения японизмов в китайский язык (1840-е — 1920-е гг.).** Следует отметить следующие факторы, обусловившие распространение японизмов на данном этапе:

- В традиционной китайской историографии новая история Китая начинается с **англо-китайской (опиумной) войны** 1838–1842 гг. Это была борьба Китая и Великобритании на почве дипломатических и торговых разногласий. По итогам Нанкинского договора, успех в войне позволил Великобритании продолжить торговлю опиумом, а начавшаяся еще при династии Мин (1368–1644) миссионерская деятельность приобрела особый размах. Это послужило импульсом для начала взаимодействия китайского языка с европейскими языками и, вместе с тем, для проникновения в него новых иностранных слов из Европы.

- В это же время в Японии после свержения сёгунов² начинается эпоха Мэйдзи³. Цель «реставрации Мэйдзи» состояла в комбинации нового западного с традиционным восточным и просвещение населения с помощью западных идей и этики. На японский язык переводилось большое количество западной военной и научной литературы, в результате чего было заимствовано множество европейских терминов из области военного искусства и науки. Для их записи в японском языке переводчики использовали китайские иероглифы. Возникла база для появления в китайском языке так называемых «вторичных

¹ Речь о так называемых послах в Китай, *цян тан ши* 遣唐使.

² Сёгун (яп. 將軍 *сё:гун*) — название глав военных правительств Японии, осуществлявших фактическое управление страной большую часть времени с 1192 по 1867 гг.

³ Эпоха Мэйдзи (яп. 明治時代 *мэйдзи дзидай*) — период в истории Японии с 23 октября 1868 года по 30 июля 1912 года, когда императором был Муцухито.

заимствований»: (7) *дасюн синцзо* 大熊星座 «Большая Медведица»; (8) *маньтань* 漫談 «беседы»; (9) *паньдуань* 判断 «суждения» (Горелов, 1984, с. 156).

• **После первой китайско-японской войны 1894–1895 гг.** часть Китая попала в колониальную зависимость, а народ страдал от кризиса павшей династии. Успешное заимствование Японией элементов западного общества и культуры стало примером для Китая, и цинское правительство активизировало дипломатическую политику в отношении неё: начиная с середины XIX века из Китая в Японию стали отправляться посольства с целью обмена достижениями, в результате чего в китайский язык пришли новые заимствования:

(10) *сяньфа* 宪法 «конституция» (от яп. *кэмпо*: 憲法);

(11) *майцзю* 麦酒 «зерновое вино» (от яп. *би:ру* 麦酒 заимств. из нем. Bier), уст. «Пиво»;

(12) *хуачжунпинь* 化妆品 «косметика» (от яп. *кэсё:хин* 化粧品, англ. cosmetics).

• **В конце XIX – начале XX вв. в Китае приобрело размах либеральное реформаторское движение:** начиная с 1896 г. при содействии реформистской группировки цинского правительства на учебу в Японию стали отправлять китайских студентов. Среди студентов были те, кто позже стали ведущими деятелями китайской литературы Нового времени: Лян Цичао, Лу Синь, Го Можо. В их трудах также встречаются различные заимствования из японского:

(13) *синьвэнь* 新闻 «новость» (от яп. *симбун* 新聞);

(14) *чжихоу* 直后 «сразу после» (от яп. *тёкуго* 直後);

(15) *бяньдан* 便当 «еда в коробочке» (от яп. *бэнто*: 弁当, ланч-бокс).

• Важно отметить **большую роль китайской интеллигенции**, нацелившейся на перевод японских книг и изучение японского языка для усваивания новых идей, в результате чего лексический состав китайского языка также пополнялся японскими заимствованиями. С 1896 по 1911 гг. с японского на китайский было переведено 958 работ, в которых встречаются следующие примеры: (16) *фукэсюэ* 妇科学 «гинекология»; (17) *шэнчань* 生产 «рождение»; (18) *бижэнь* 避孕 «контрацепция».

4. **70-е годы XX века — проведение политики реформ и открытости и вторая крупная волна заимствований.** В 1978 г. в КНР был взят курс на проведение политики реформ и открытости, которые ознаменовали новый виток в экономическом и технологическом прогрессе в стране. Начался новый этап тесного экономико-культурного взаимодействия между Китаем и Японией, и с начала 1990-х гг. в китайский язык заимствуется множество японских терминов и слов из мира моды и красоты. Они

составляют отдельный пласт лексики современного китайского языка и могут быть классифицированы следующим образом:

• **Неадаптированные — заимствования** из японского языка, **записанные катаканой**¹. В японском языке катакана используется для написания слов иностранного происхождения, поэтому в данном случае можно говорить о вторичных заимствованиях. Например:

(19) *сифашуй* 洗发水 (от яп. シャンプー) «шампунь»;

(20) *чуньцай* 唇彩 (от яп. リップグロス) «блеск для губ»;

(21) *чжицзяю* 指甲油 (от яп. マニキュア) «маникюр».

• **Частично адаптированные — заимствования**, в исходном варианте включающие в своем составе хирагану². В японском языке хирагана использовалась для замещения в слове незнакомых носителю китайских иероглифов. Так как подобные японизмы частично состоят из китайских иероглифов, то в процессе заимствования кандзи³ остались неизменными, а хирагана заменилась китайскими иероглифами:

(22) *фанишай жуе* 防晒乳液 «солнцезащитный крем» (от яп. 日焼け止め «защищать от солнца»; 乳液 «крем»);

(23) *сайхун* 腮红 «румяна» (от яп. 頬紅);

(24) *симяньжу* 洗面乳 «очищающий лосьон» (от яп. 洗顔料).

• **Полностью адаптированные заимствования**. Это слова, которые записываются в японском и китайском одними и теми же иероглифами, но после реформы письма в 1950-е годы в КНР китайское написание упростилось:

(25) *коухун* 口红 «губная помада» (от яп. 口紅);

(26) *жуе* 乳液 «эмульсия, флюид» (от яп. 乳液);

(27) *хуачжуаншуй* 化妆水 «тоник» (от яп. 化粧水) (Chen, 2014, p. 37).

Также значительную часть японских заимствований составляют **слова из средств массовой информации**. Через них в Китай проникли продукты

¹ Ката́кана (яп. 片仮名, яп. カタカナ) — одна из двух графических форм японской слоговой азбуки — каны. Для катаканы характерны короткие прямые линии и острые углы.

² Хира́гана (яп. 平仮名) — японская слоговая азбука, одна из составляющих японской письменности, употребляется в японских словах, содержащих китайские иероглифы кандзи, для записи изменяемых частей слов, а также в случаях, когда предполагается, что читатель не знает каких-то иероглифов.

³ Кандзи (яп.: 漢字); дзи — буквы, Кан — Хань; букв. «ханьские буквы») — китайские иероглифы, используемые в современной японской письменности.

японской развлекательной индустрии: манга¹, аниме², японские сериалы повлияли не только на культуру современной китайской молодежи, но и на пополнение китайской лексики новыми словами:

(28) *ганьюню* 干物女 «женщина-вобла» (домоседка без личной жизни). Это слово пришло в китайский язык и стало модным благодаря популярному японскому сериалу «Мерцание светлячков» (яп. *хотару но хикари* 蛍の光);

(29) *байцюань* 败犬 «неудачник». Используется для описания женщины тридцати лет, которая без замужества превращается в подобие побитой собаки. Появилось в китайском языке благодаря японскому заимствованию из тайваньского сериала «Моя королева» (кит. «Байцюань нюван» 败犬女王), после чего стало популярным выражением для нового социального феномена.

В целом следует отметить, что на протяжении всей истории взаимодействия двух стран на заимствования из японского языка в китайский влияли лингвистический и социокультурный факторы, чем объясняется массивность пласта японизмов в китайском языке. Лингвистический фактор заключается в совпадении знаков иероглифической письменности в обоих языках. Социокультурный же фактор говорит о потребности общества меняться и развиваться в ногу со временем, что наделяет соответствующие единицы функцией «каналов», через которые проникают заимствования. Более того, заимствования являются отражением социума и культуры той или иной эпохи, свидетельствуя о степени открытости и социальной активности страны в определенный период развития. Следовательно, в более ранние времена, заимствования из японского языка были способом распространения прогрессивной мысли, на более поздних этапах — свидетельством современности, признаком моды и обновления.

Список литературы

Бехтерева О.А. Японские заимствования в китайском языке: периодизация и адаптация. Иркутск: ФГБОУ ВПО «ИГЛУ», 2016. 97 с.

Горелов В.И. Лексикология китайского языка. М.: Просвещение, 1984.

Chen H. A Study of Japanese Loanwords in Chinese. Department of Culture Studies and Oriental Languages (IKOS), University of Oslo, 2014.

¹ Мánга (яп. 漫画, マンガ) — японские комиксы, иногда называемые комикку (コミック)

² Аниме (яп. アニメ, от англ. animation — анимация) — японская анимация. В отличие от мультфильмов других стран, предназначенных в основном для просмотра детьми, большая часть выпускаемого аниме рассчитана на подростковую и взрослую аудитории.

*Куликова Анастасия Андреевна
бакалавр 4 года обучения кафедры искусствоведения,
Факультет искусств СПбГУП¹*

Экспортная портретная живопись из Кантона (Гуанчжоу) в эпоху Цин. Стилистические и иконографические особенности

В последнее время в отечественном и западном искусствознании стали актуальными два явления, занимающие особое место в истории китайского искусства эпохи Цин (1636–1912): цинская придворная живопись и китайское экспортное искусство. И в том и в другом случае отчетливо проявляется влияние принципов западноевропейского изобразительного и декоративно-прикладного искусства как результат нового этапа торговых и художественных контактов Китая с западными странами.

Кроме Пекина одним из основных центров экспорта китайских художественных изделий был портовый город Кантон (современный Гуанчжоу), который с 1757 г. стал единственным китайским портом, открытым для торговли с Западом. Сам термин «китайское экспортное искусство» объединивший группу памятников, достаточно условен, поскольку в него подчас включаются и те предметы, в которых отразились вкусы заказчиков, и другие, вывозившиеся из Китая, но не отличавшиеся от тех, что имели хождение на внутреннем рынке (Арапова 2016, с.48). Китайские художественные произведения, отправлявшиеся на экспорт можно разделить на два крупных направления: декоративно-прикладное искусство и живопись.

Китайская экспортная живопись (China trade painting) эпохи Цин по тематике разделяется на несколько групп: топографические изображения портов, улиц, фабрик Кантона, Макао, Шанхая; декоративные натюрморты, пейзажи; жанровые сценки производства чая, фарфора; портреты западных и китайских купцов, аристократов, офицеров, игравших важную роль в развитии торговых отношении Китая, Англии и Америки. Основная часть данных произведений находится в коллекции музеев Пибоди в Эссексе (США) (The Peabody Essex Museum), Виктории и Альберта в Лондоне (The Victoria and Albert Museum), и частной лондонской галереи Мартина Грегори (The Martyn Gregory Gallery), специализирующейся на китайской экспортной живописи.

Если традиционное китайское изобразительное искусство критиковалось европейцами за отсутствие правильной перспективы, светотеневой моделировки лица и нарушение объемов, то кантонские мастера в своих

¹ Научный руководитель — к. и. н. Сергей Анатольевич Сухоруков.

работах больше придерживались стандартов западноевропейского искусства, чем художники, работавшие при дворе императора в Пекине, так как непосредственно ориентировались на вкусы заказчика. Таким образом они заслуживали лестные отзывы со стороны западных покупателей: «Некоторые картины, приобретенные в Кантоне способны опровергнуть сложившееся представление о китайских художниках как заурядных» (Ying-ling Huang 2014, p. 32).

Особый интерес представляет экспортная портретная живопись, на стилистику и иконографию которой повлияли произведения английских художников XVIII–XIX вв., многие из которых сами были в Китае. В их числе был и знаменитый Джордж Чиннери (George Chinnery; 1774–1852), чье искусство передачи внешнего сходства на портрете всегда восхищало заказчиков. Практически все английские художники, на которых ориентировались китайские мастера учились в Королевской Академии художеств, поэтому технически их работы совершенны, однако сложно причислить кого-либо из них к великим мастерам, так как они были прямыми продолжателями традиций Джошуа Рейнольдса, Томаса Гейнсборо, Джорджа Ромни и Томаса Лоуренса, не сумев внести что-то новое в портретный или пейзажный жанр.

В первую очередь, художники из Кантона стали работать в технике масляной живописи на холсте, практически не обращаясь к традиционной технике и материалам. Именно в Кантоне создавались официальные портреты, полностью соответствующие стандартам западноевропейского портрета. Даже парадные портреты императора Цяньлуна (1711–1799), написанные итальянским художником-иезуитом Джузеппе Кастильоне (1688–1766), не обладали такой степенью репрезентативности, так как продолжали создаваться в соответствии с традиционной концепцией китайского портрета.

Кантонская портретная живопись прошла два этапа развития. Первый этап приходится на вторую половину XVIII в. К этому времени относится творчество портретиста Гуань Цзолина (Guan Zuolin; время творческой деятельности 1785–1810) больше известного как Спойлум (Spoilum). Его портреты китайских купцов и европейских офицеров в стилистическом отношении не отличаются большим разнообразием. Поясной формат портрета, плоскостность изображения, нейтральный фон, застывшая поза, анатомические неточности и декоративная яркость колорита наводит некоторых исследователей на поиск связей с английскими портретами эпохи Тюдоров и американским примитивным портретом XVIII–XIX вв. Вполне возможно, что Гуань Цзолин видел копии английских портретов XVI–XVII вв.,

на которые ориентировались и американские портретисты, однако все выше указанные черты были неотъемлемой частью традиционного китайского официального портрета, создававшегося в технике «гун-би» («тщательная кисть»). Портретное творчество Гуань Цзолина характеризует наличие устойчивой композиционной иконографии и отсутствие психологической характеристики образа, хотя он первый обратился к масляной живописи.

Самым успешным и профессиональным художником из Кантона, создававшим живописные произведения на экспорт, был возможный ученик Джорджа Чиннери — Гуань Цяочан (Guan Qiaochang; 1801–1860). Он стал первым китайским художником, чьи работы выставлялись в Королевской Академии в Лондоне в 1835 и 1845 гг., и на нескольких художественных выставках в Америке в 1841 и 1860 гг. (Dobkin 2013, p. 208). Его многочисленные мужские, женские и групповые парадные и полупарадные портреты в техническом аспекте ничуть не уступали европейским академическим портретам. Композиция портретов перестала быть фронтальной, исчез жесткий линейный рисунок, характер мазка приобрел динамичность, активно применялась светотень, прекрасно передавалась фактура тканей, не менее важным был тот факт, что внутреннее содержание образов стало более глубоким. Хотя композиционное построение портретов Гуань Цяочана стало более разнообразным по сравнению с предыдущим периодом, их основой в большинстве случаев были работы Джорджа Чиннери.

Так, на сегодняшний день в собрании американских и европейских музеев насчитывается более десятка вариантов парадного портрета кантонского купца У Бинцзяня (Wu Bingjian; 1769–1843) известного под псевдонимом Хоуцюа (Howqua) кисти Чиннери (1828). Композиция портретов в большинстве случаев отличается только набором предметов на первом плане, хотя заметно, что кантонские художники в некоторых случаях больше склоняются к фронтальному ракурсу и предпочитают избегать передачи сложной фактуры, например, стекла.

Есть несколько портретов У Бинцзяня, написанных акварелью. В данных работах более четкое просматривается соединение китайской и европейской традиции. В стилистическом аспекте преобладает графическое начало, но использование светотеневой моделировки лица преодолевает традиционную условность изображения.

Судя по всему, вышеуказанные парадные портреты выполняли ту же функцию, что и парадный портрет императора: демонстрация власти и статуса, однако стилистическое и композиционное решение портрета соответствовало традициям западного искусства. Так, У Бинцзян с целью укрепления отношений с партнерами за рубежом дарил им свои портреты, которые

служили напоминанием о связи с китайским купцом из далекого Кантона (Wong 2016, p. 107).

Не совсем правильно будет сравнивать экспортное портретное искусство кантонских мастеров и придворную портретную живопись художников, работавших в Пекине как более «высокое» или «низкое» искусство, так, как и в том и другом случае было заимствование западной техники живописи и наличие иконографических «штампов». Если сравнивать с традиционным китайским изобразительным искусством, то портретную живопись Кантона нельзя причислить к «настоящему искусству», так как она не обладает той «музыкальностью», которую давала игра «кисти и туши»: «Те, кто обучаются живописи могут заимствовать у европейцев несколько приемов, чтобы сделать свои работы более привлекательными для глаз. Однако западные художники совсем не владеют техникой кисти и туши; да, они обладают мастерством, но они просто ремесленники, и потому не могут считаться настоящими художниками» (Sullivan 1997, p. 80).

Необходимо учитывать тот факт, что кантонские портретисты, стремившиеся, прежде всего, к передаче внешнего сходства, а не «духа», не были вынуждены считаться с традиционными вкусами императора и эстетикой конфуцианства. Это и помогло им выйти на новый уровень в овладении техникой масляной живописи и создания портретов, практически не уступая европейским художникам, получившим академическое образование.

Список источников и литературы

Арапова Т.Б. Китайские экспортные изделия для Европы в первой половине XVIII века//Воображаемый Восток: Китай по-русски. XVIII — начало XX века / сост. О.А. Соснина. М.: Кучково поле, 2016. С. 48–66.

Dobkin, Josephine C. Chinnery and Houqua: Questions of attribution// Metropolitan Museum Journal, Vol.48, № 1 (January 2013). P.205–216.

Sullivan M., The meeting of Eastern and Western art. - Berkeley etc.: Univ. of California press, 1997. 306 p.

Ding N. Qing Encounters: Artistic Exchanges between China and the West. Los Angeles, California:Getty Research Institute, 2015. 297 p.

Wong J.D. Global Trade in the Nineteenth Century. Cambridge University Press, 2016. 256 p.

Ying-ling Huang M. The Reception of Chinese Art Across Cultures. Cambridge Scholars Publishing, 2014. 355 p.

Левченко Игорь Иванович
магистрант кафедры теории и методики преподавания языков и культур
Азии и Африки, Восточный факультет СПбГУ¹

Наставления для монахов школы Тэндай: Сайтё (767–822) и Рёгэн (912–985)

В научной литературе о Японии существует значительный диссонанс в восприятии образа буддийского монаха на рубеже эпох Хэйан (794–1185) и Камакура (1185–1333). Одни работы, сконцентрированные на философских и религиозных достижениях последователей пути Будды, зачастую рисуют образ созерцательных и глубоких монахов. Их сочинения могут быть проникнуты тревогой об эпохе конца Закона и другими утончёнными переживаниями. С другой стороны, когда речь заходит о социальном портрете буддийских монахов, возникает кардинально другая риторика: противоборство школ, стяжательство духовенства, накопление монастырями и школами богатств и престижа. Данный доклад в попытке изучить обе стороны этого сложного явления рассматривает одно из явлений, связывающих воедино ежедневную жизнь буддийского общинника, — уложения и наставления в школе Тэндай от её основания Сайтё (767–822) в Японии до знаменитого патриарха Рёгэн (912–985).

Во времена Сайтё школа Тэндай только начинала приобретать черты самостоятельности и сильно зависела от Управления по делам монахов и монахинь (яп. *Со:нирё:*). Делами управления ведали монахи школы Хоссо, что до некоторой степени стесняло свободу Сайтё. Так, ежегодная квота на принятие послушников составляла долгое время лишь 2 человека, так как принятие монашеского чина («принятие общих заповедей») можно было осуществить на единственном тогда в стране «помосте (для принятия) заповедей», *кайдан*. *Кайдан* также находился в ведении монахов Хоссо. Вопрос количества послушников, принимаемых в школу, отражает одну сторону раннего развития Тэндай и обретения школой самостоятельности.

С другой стороны, Сайтё вёл интенсивную полемику как непосредственно о вопросах веры (известный спор о природе Будды в переписке с Токуицу, бурная переписка с Кукай), так и о социальной роли монашества. Он настаивал, что стремление школ Санрон, Рицу, Хоссо и других «школ Южной столицы» строго следовать «Четырёхчастному уставу» (яп. *сибун рицу*, *рицу* здесь соответствует санскр. *виная*) отдаляет монахов этих

¹ Научный руководитель — к. и. н. Василий Владимирович Щепкин.

школ от махаянского идеала бодхисаттвы и принуждает их идти лишь путём индивидуального спасения, что делает их последователями учения Малой колесницы.

Наконец, для закрепления своего видения жизни монашеской общины Сайтё записал несколько наставлений: «Наставления в шести статьях», «Наставления в восьми статьях», а также «Трактат, разъясняющий заповеди», на страницах которого полемизировал о необходимости подвижничества и помощи в спасении окружающим. В данном случае, Сайтё обращается к традиции заповедей бодхисаттв (яп. *босацу кай*), изложенных в «Сутре о сетях Брахмы» (санскр. *Брахмаджала сутра*, яп. *Боммо:кё:*). Взгляды Сайтё опирались на опыт китайских и индийских общин, где существовало разделение на хинаянские, махаянские и смешанные храмы (Трубникова 2007, с. 74).

Наставления состояли из нравственных предписаний, которые должны были помочь создать из школы Тэндай «общину бодхисаттв». Другая — «практическая» — часть наставлений касалась предписаний о медитации и телесной практике, особое правило гласило, что послушник после принятия чина не должен покидать пределов горы Хиэй первые двенадцать лет.

После смерти Сайтё ситуация быстро начала выходить из-под контроля. Большая часть послушников, принятых в школу при жизни Сайтё, покинула гору Хиэй (Трубникова 2007, с. 72).

Со временем школа развивалась, монахи стали приобретать богатых покровителей из числа аристократов. К X в. в руках школы сконцентрировались капитал и земли. В середине X в. обогащение школы и укрепление её престижа ускорилося при Рёгэн, восемнадцатом патриархе школы. Патронаж аристократов над буддийским духовенством не был чем-то новым; проникновение буддизма в Японию с самого начала сопровождалось его регулированием со стороны двора. Пол Гронер подробно рассматривает отношения Рёгэн с Фудзивара Моросукэ. Моросукэ намеревался утвердить свою самостоятельную политическую позицию и для «духовной» защиты его интересов ему нужен был собственный храмовый комплекс. Главная ветвь Фудзивара считала своим родовым храмом Кофукудзи. Соответственно, чтобы утвердить свою самостоятельность, Моросукэ, готовившийся породниться с императором, решил стать покровителем школы на горе Хиэй (Гронер 2002, с. 71–93).

Это знакомство стало крайне важным для развития школы. Рёгэн получил значительные средства для расширения престижа школы и активно начал их использовать. В своей деятельности Рёгэн наметил несколько направлений:

хозяйственное (строительство комплекса в Ёкава, обновление и расширение существующих храмовых строений и пагод), развитие культуры споров между школами, укрепление дисциплины среди монахов.

Во втором и третьем из обозначенных направлений можно заметить сильную ориентированность на создание «престижного имиджа» школы Тэндай. Свои предписания на этот счёт Рёгэн записал в своём завещании, а также в «Требованиях Рёгэн, патриарха Тэндай, в 26 пунктах».

Среди имеющихся в последнем документе пунктов несколько посвящены воспитанию скромности, пресечению излишества и растрат (особенно на собраниях общины, на собраниях по случаю календарных праздников, многие из которых посещали придворные и другие миряне). Отдельный пункт касался долгов: монахи, не исполнявшие долговых обязательств, изгонялись из общины. Порицается азарт монахов, которые торгуются из-за ритуальной утвари и забывают о том, что предмет (хотя он и может быть изготовлен искусно) должен цениться потому, что полезен. Однако забывая об этом, монахи торгуются из глупого азарта или желания обладать вещью. Рёгэн упоминает Сайтё и его заветы несколько раз. Он призывает вернуться к их соблюдению. В отношении дисциплины он идёт дальше и вводит также правило о том, что монахи, пропускающие общинные собрания, проводимые каждые две недели, изгоняются из общины.

В целом усилия Рёгэн направлены на поддержание начинаний Сайтё, что предполагает проведение монахами Тэндай в том числе церемоний, связанных с эзотерическим буддизмом. Спрос на такие церемонии был велик среди аристократии и придворных. Ритуалы по защите страны, не рассматриваемые в этой статье, также связаны с традицией Сайтё.

Одним из сравнительно новых видов деятельности монахов, которому Рёгэн уделял особое внимание, была подготовка участников прений по доктринальным вопросам между школами. Рёгэн постарался сделать её более гибкой и способной признавать монахов за их заслуги и знания, а не за их недостаток. Подготовка искусных спорщиков была чрезвычайно важна для Рёгэн, поскольку прения между школами становились заметным событием и предоставляли шанс школе Тэндай продемонстрировать свои твёрдые позиции.

Эти меры, а также жёсткие правила по отношению к должникам были призваны сформировать монаха общины Тэндай так, чтобы он осознавал свою причастность к школе и вёл себя соответствующее. Однако разносторонние усилия Рёгэн по воплощению своего видения устройства школы Тэндай встретили немало противников, в первую очередь, внутри школы. Такими

противниками были ученики из линии патриарха Энтин и их сторонники. Они стали известны как храмовая ветвь (яп. *дзимон*) школы Тэндай.

Резюмируя, стоит отметить, что необходимость тщательно следить за монашеской дисциплиной, а также пространные и весьма конкретные замечания о пороках в текстах предписаний свидетельствуют не только о «разнузданном» поведении монахов, но и о внимании руководства школы к поведению монахов. Далеко не все возможные аспекты жизни монахов и монахинь уместились в массивных сводах *винаи*, а, следовательно, новые поколения монахов, стоявших во главе школы, находили свои способы задать модель поведения, подобающего монаху.

Список источников и литературы

Накорчевский А. А. Японский буддизм: история людей и идей СПб.: 2004 С. 239–369

Сайтё: Правила в четырех статьях (Сидзё:-сики). Перевод со старояпонского Н.Н. Трубниковой // Вопросы философии, 2006, № 8. С.148-154

Сайтё: Правила в шести и восьми статьях // Религиоведение. Научно-теоретический журнал. М.-Благовещенск, 2007, № 2. С. 184-195

Трубникова Н. Н. Сайтё: о задачах буддийской общины и о «заповедях бодхисаттвы» // Сайт Надежды Николаевны Трубниковой (URL: <http://trubnikovann.narod.ru/Heian07.htm>, последнее обращение 05.04.2017) 2008.

最澄 / 日本思想体系 4 = Сайтё / Нихон сисо тайкэй 4 (Сайтё / Памятники японской мысли. Т. 4). Токио: Иванами сётэн 岩波書店, 1974.

Полежаева Надежда Михайловна
студент 3 курса кафедры культурологии и философии
стран Востока, Институт философии СПбГУ¹

«Детский стиль» в китайском искусстве VII–XIII вв.

В предлагаемой публикации рассматриваются морфологические истоки и типологические особенности одного из тематических направлений (жанров) китайской живописи, известного в научной литературе как «детский стиль».

«Детский стиль» является порождением (о чем подробнее сказано ниже) художественного творчества эпохи Сун (宋, 960–1279 гг.), которое ознаменовалось невиданным прежде расцветом национальной живописи. Первоочередными процессами внутри сунского живописного творчества считают, во-первых, принципиальные изменения, по сравнению с предшествующими эпохами, в жанровой иерархии. Во-вторых, дальнейшую жанрово-тематическую дифференциацию, что привело к окончательному формированию и утверждению базовой для традиционного китайского изобразительного искусства системы живописных жанров (История Китая 2016, с. 660.). В живописи *жэньхуа* (人物畫, «живопись/изображения людей и предметов»)² выделились несколько жанрово-тематических направлений, среди которых важное место как раз и занял «детский стиль», окончательно выделившийся при Южной Сун (Нань Сун 南宋, 1127–1279 гг.)³.

Следует также иметь в виду, что первоначально «детский стиль» не был опознан в качестве самостоятельного живописного явления в собственно китайских трактатах по искусству, чем во многом объясняется и невнимание к нему в отечественном искусствоведении. Однако выделение «детского стиля» в живописи эпохи Сун и большое количество живописных произведений с изображением детей указывают на особое отношение в культуре к образу ребенка.

¹Научный руководитель — профессор, д. филол. н. Марина Евгеньевна Кравцова.

²Распространена точка зрения, что именно *жэньхуа* (фигуративная живопись) занимала ведущее место в китайской живописи, начиная, по меньшей мере, с III в. н. э. и до эпохи Сун (История Китая, 2014, с. 769–775).

³Южная Сун образует как бы вторую половину эпохи Сун. Такое ее подразделение было вызвано катастрофическими для Китая историко-политическими событиями: китайская империя подверглась агрессии со стороны соседней народности чжурчжэни. Они завоевали весь Северный Китай (регионы бассейна р. Хуанхэ), захватили столицу Сун и пленили императора. Оставшиеся в живых члены августейшей фамилии (рода Чжао 趙) бежали на Юг (районы р. Янцзы), где восстановили свою династию. Южная Сун пала под ударами монголов, впервые завоевавших весь Китай.

Морфологическим истоком «детского стиля» послужили произведения жанра *жэньхуа*, создаваемые в IV–VI вв. и в эпоху Тан (618–907 гг.). Одним из первых произведений, воспроизводящих образы детей, является «Нюй ши чжэнь ту» (女史箴圖 «Картины к [трактату] “Наставления женщинам [основанные на прецедентах] истории”», «Наставления придворным дамам») художника Гу Кай-чжи (顧愷之, 344–406 гг.). Сама картина представляет собой узкий горизонтальный свиток, распадающийся на композиционные сегменты¹. Каждый являет собой самостоятельную жанровую композицию, написанную на тему либо конкретных эпизодов из жизни известных красавиц прошлого, либо сентенций и рекомендаций, обращенных к женщинам. Здесь особенный интерес представляет шестой сегмент, изображающий августейшую чету с детьми и слугами. Супруги чинно сидят на коленях; наложница причесывает ребенка, в то время как он отчаянно плачет и старается вырваться из её рук. Стоит отметить, что «портрет» ребенка выполнен с исключительной живостью, а плаксивая гримаса передана с долей добродушного юмора.

На дальнейший рост интереса китайских художников к образу ребенка возможно повлияло изобразительное искусство Средней Азии и Запада. В эпоху Тан в Китай массово доставлялись произведения искусства и ремесленная продукция, которую охотно копировали местные китайские живописцы и мастера. В VIII в. образы детей, скопированные с римских изделий, часто присутствовали на разнообразных изделиях, они же стали основой развития нового жанра изображения детей и матерей в придворном живописном творчестве².

По мнению современных исследователей, в рамках придворного *жэньхуа* выделилась новая тематическая разновидность, которую можно определить как «жанр детей и матерей» (Wicks 2002, p. 31). Особое внимание обращают на работы двух ведущих мастеров живописи *жэньхуа* того времени: Чжан Сюаня (張萱, работал в 714–742 гг.) и Чжоу Фана (周昉, работал в 780–810 гг.). В традиционной истории национальной живописи с их творчеством связывают возникновение жанровой разновидности *шинюй* (仕女, исходное значение — «знатные дамы, фрейлины»), сосредоточенной в сценах жизни двора и знати, в первую очередь, обитательниц гарема

¹ Первоначально сегментов картины было девять, один впоследствии утрачен (подробно об этом произведении: Духовная культура Китая 2010, с. 262–263).

² Речь идет о художниках, работавших при дворе и по заказу властей, которые с 738 г. обычно числились в штате государственного учреждения Департамента живописи (Тухуаюань 圖畫院) (Духовная культура Китая 2010, с. 755).

(Духовная культура Китая 2010, с. 814, 828–830; История Китая 2014, с. 772–774). В свои композиции они часто вводили и изображения детей. Наиболее известен «портрет играющей девочки» из картины Чжан Сюаня «Дао лян ту» (搗練圖, «Приготовление шелка»)¹.

На протяжении всей истории развития разбираемой жанровой разновидности, дети показывались совместно со своими матерями, в чем усматривают влияние буддизма: образы обитательниц гарема имплицитно сопоставлялись с образом матери Будды (Wicks 2002, p.35). Следует иметь в виду, что эпизоды рождения и детства Будды служили популярными сюжетами светской живописи эпохи Сун. В результате напрашивается предположение, что, показывая императорских жен и наложниц как матерей, дающих жизнь и воспитывающих новое поколение членов императорского семейства, художники намекали, что они способствуют продолжению рода Сына Неба и утверждению правления его династии в мире людей. Поэтому появление в искусстве Сун произведений, посвященных отдельно женщинам и детям, правомерно считать знаком глубинных изменений, происходивших в недрах китайского общества.

Одновременно сохранялись обычаи, связанные с деторождением, в которых угадываются магико-религиозные истоки. К их числу относится практика изготовления керамических изголовий (употреблялись в Китае вместо подушек) с пластическими и живописными изображениями мальчиков, а также орнаментированными композициями, в которые вводились образы, символизирующие обильное мужское потомство². С религиозной точки зрения, такие изголовья могли не только способствовать зачатию, но и наделяться функцией магического контроля плода во время беременности: чтобы направлять сны беременных женщин на положительное влияние для развития плода.

Помимо изголовий, изображения детей (мальчиков), чаще всего «играющих», вводились в декор и многих других изделий, в том числе керамической посуды. Таковы, например, сосуды с изображениями младенцев, лотосов и дынных лоз³.

Теперь обратимся к самому «детскому стилю». Одним из его основоположников считают Су Хань-чэня (蘇漢臣, 1101–1161 гг.), в

¹Размеры: 37 x 147 см.; шелк, краски. Музей изящных искусств, г. Бостон, копия XI–XII вв.

² Наиболее известно изголовье (высота 18,3 см, длина 30 см.) в виде фигуры спящего ребенка (История Китая 2016, с. 745).

³В исходно китайской образной системе (в отличие от буддийской символики этого цветка) лотос наделяется эротической символикой и тоже связан с идеей многочисленного потомства (семена лотоса) (Кравцова 2004, с. 379–380). Дыни символизируют плодородие.

творчестве которого усматривают принципиально новые трактовки «образа ребенка» (Пострелова 1976, с. 139–144). Остановимся на его картине «Игры в осеннем дворе» («Цю тин ин си ту» 秋庭嬰戲圖)¹. Это — настенный свиток, образованный двумя соединёнными по центру шелковыми полотнищами². На нем нарисована пара играющих детей в углу дворцового сада. Изображены также цветущий гибискус, хризантема и жужуб³, что позволяет определить время года (осень); и предметы, служащие игрушками: две тарелки, упавшие на землю, круглый пестрый лоток, пара миниатюрных лучников на лошадях, установленные на столе для игры, небольшая красная лаковая пагода с крошечной фигуркой Будды внутри. Тонко выписаны все детали облика персонажей (изысканные костюмы, украшения для волос), которые совместно с другими живописными элементами (в том числе лаковые столики с перламутровой инкрустацией) подсказывают, что перед нами — дети, живущие в богатстве и роскоши. Но главное заключается в другом: художник подчеркивает, что дети занимают свое собственное жизненное место, а не являются эпизодом мира взрослых. Его герои полностью заняты собственными делами; мать, няня или какие-либо из других персонажей, призванных опекать детей, отсутствуют. Тогда как у Чжоу Фана девочка явно занимает дополнительное положение по отношению к женщинам, занимающимся изготовлением основы для шелкового тканья. То есть, в «детском стиле» ребенок не просто занял центральное место в живописной композиции, но и превратился в главный субъект живописного повествования⁴.

Итак, есть все основания утверждать, что «детский стиль» является одним из сложнейших феноменов художественного творчества Китая, который возник под влиянием различных идейно-культурных факторов. А его возникновение отражает магистральные процессы, происходившие в китайском обществе эпохи Сун и приведшие к значительному росту, по сравнению с предшествующими историческими эпохами, росту популярности собственно образа «ребенка».

¹Еще одна картина, приписываемая этому мастеру - «Играющие дети» (152x80 см., шелк, тушь, краски), хранится в коллекции Государственного музея искусств народов Востока (Москва). (Виноградова, 1988, илл. 104).

² Размеры: 197x108 см.; шелк, тушь, краски, Национальный Дворцовый музей, г. Тайбэй.

³ Примечание. Жужуб (зизифус, китайский финик) — плодоносящее растение, распространенное в Китае; плодами являются небольшие ягоды, после высыхания становящиеся красными.

⁴Уместно заметить, что в Европе подобное обращение внимания на жизнь женщин и детей не проявлялось в искусстве до XVII и XVIII вв. (Wicks 2002, p. 39)

Список источников и литературы:

Виноградова Н. А. Искусство Китая, Альбом. М.: «Изобразительное искусство», 1988. 250 с.

Духовная культура Китая. Энциклопедия в пяти томах / Гл. ред. М. Л. Титаренко. [Т. 6. Доп.]. М.: «Восточная литература», 2010. 1081 с.

История Китая с древнейших времен до начала XXI в. В десяти томах / Гл. ред. академик РАН С. Л. Тихвинский. Том III. Троецарствие, Цзинь, Южные и Северные династии, Суй, Тан (220-907)/ Отв. ред. И. Ф. Попова, М. Е. Кравцова. М.: «Наука», 2014. 991 с.

История Китая с древнейших времен до начала XXI века. В десяти томах / Гл. ред. академик РАН С. Л. Тихвинский Том IV. Период Пяти династий, империя Сун, государства Ляо, Цзинь, Си Ся: 907-1279 / Под ред. И. Ф. Поповой. М.: Восточная литература, 2016. 942 с.

Кравцова М. Е. История искусства Китая. Учебное пособие / серия «Мировая художественная культура». СПб-М. – Краснодар: «Лань», 2004. 960 с.

Купер Р., Купер. Д. Шедевры искусства Китая. Минск: «Белфаст», 1997. 128 с.

Пострелова Т.А. Академия живописи в Китае в X-XIII вв. М: «Наука», 1976. 240 с.

Wicks, Ann Elizabeth Barrott “Children in Chinese art”. University of Hawai‘i Press, 2002. 216 p.

Сащенко Мария Васильевна
студент 2 курса кафедры философии и культурологии Востока
Институт философии СПбГУ¹

Восприятие в Китае образа России в 2000–2014 гг.

В современной науке активно развивается имагология (от лат. *imago* — образ) или имэджинология (от англ., фр. *image* — образ) — междисциплинарное научное направление, сложившееся на стыке литературоведения, социальной, исторической психологии, истории, культурологии, этнологии. Историческая имагология занимается изучением проблем возникновения и существования национальных образов в сознании социальных и этнических общностей других народов, отдельных индивидов и групп. Имагология сформировалась в 1950-е гг. во Франции и Германии, а начиная с 1960-х гг. стала развиваться в рамках целого ряда социальных и гуманитарных дисциплин и в России. Необходимость исследования образа России в культурах иностранных государств крайне велика, ведь формирование положительного образа государства способствует продвижению его экономических и политических интересов.

Согласно результатам опросов, представленных в сети интернет на zhidao.baidu.com, не все опрошенные граждане КНР владеют поверхностной информацией о России. На юге Китая некоторые люди затруднялись с вопросами о столице России и официальном языке. В северных провинциях ситуация значительно лучше. В основном опрошенные отзываются о России как о стране, в которой много красивых женщин и городов. В СМИ, ресурсах сети Интернет, исследовательских работах китайских ученых президент России представлен как сильный руководитель, заботящийся о своем народе, развивающий в обществе чувство патриотизма, способный вывести страну на достойный уровень. Благодаря особым лидерским качествам имя Путина респонденты ставят в одном ряду с Лениным и Сталиным. Опрошенные выделяют «патриотизм и бескомпромиссный характер» Путина, что позволяет отличить его от рядовых политиков. С именем В.В. Путина связывается и новый обновленный образ России — России Путина.

За последние десятилетия в Китае побывало значительное количество творческих коллективов из Российской Федерации. Партнеры реализовали крупномасштабные национальные проекты. В 2006 г. прошел год Российской

¹ Научный руководитель — ассистент Полина Геннадьевна Крупнина.

Федерации в КНР, а в 2007 г. состоялся год КНР в России. Национальные годы не имели аналогов по масштабу и насыщенности мероприятий. Они способствовали укреплению политического взаимодоверия между странами и расширению информированности населения о культурах своих стран. В 2009 г. прошел Год китайского языка в России, а 2010 г. стал Годом русского языка в Китае. В связи с этим ряд вузов как в Китае, так и в России активизировал мероприятия, приуроченные к этому событию.

Так как на формирование образа страны оказывают значительное влияние СМИ, то заслуживает пристального внимания анализ различных публикаций, касающихся России. Так, например, в 2011 г. в газете «Жэньминь жибао» от 13 июня была опубликована статья, посвященная отношению российской общественности к визиту председателя КНР Ху Цзиньтао в Россию. «По случаю официального визита Ху Цзиньтао на 15-й Петербургский международный экономический форум представители российской общественности оставили восторженные отзывы. Во время эксклюзивного интервью они с нетерпением ожидали визита Ху Цзиньтао», — сообщает газета (Жэньминь жибао 2011). Изучение электронных СМИ КНР, таких как «Жэньминь жибао онлайн», агентства Синьхуа, CCTV показало, что основные поставщики информации в основном освещают проведение крупных торгово-экономических мероприятий в регионе, экологических событий, перспектив российско-китайских региональных отношений. Особое внимание в 2014 г. уделялось освещению хода реализации инициированного провинцией Хэйлунцзян Плана строительства экономического пояса Шелкового пути на суше и море в провинции Хэйлунцзян. Отмечался рост экономических контактов, создание «китайско-российского финансового союза».

Однако все же, несмотря на в целом позитивный, либо безоценочный характер в освещении информации о России китайскими СМИ в 2000–2014 гг., отношения все еще можно охарактеризовать как «наверху горячо, а внизу холодно» (Тихвинский 2008, с. 214). На высоком уровне между руководителями обеих стран отношения прекрасные, в то время как граждане КНР имеют стереотипное представление о России и обладают поверхностной информацией. Как и все представители западной цивилизации, русские в представлении среднестатистических жителей провинций Китая, уступают им по уровню интеллекта. Подтверждением этого является распространенная формулировка 四肢发达, 头脑简单 (руки-ноги здоровые, а голова туповата) (Ульяненко 2012, с. 29). Также немалое количество китайцев по отношению к иностранцам использует пренебрежительное выражение 大鼻子 (большеносые) (Ульяненко 2012, с. 15). Поскольку подавляющее большинство китайцев имеют носы с очень низкой переносицей, то такой нетипичный для китайца

нос является отличительным признаком иностранца. Конкретно по отношению к русским в Китае до сих используется выражение 老毛子 (волосатые), которое восходит к описанию бородатых сибирских первопроходцев XVII в. Оно часто употребляется в Северо-Восточном Китае.

В образе россиян у китайцев присутствуют многие отрицательные составляющие. Нередко в социологических опросах, касающихся представления китайцев о России, можно часто встретить упоминания о пристрастии россиян к алкоголю. Также те жители Китая, кому удалось побывать в России, высказывают явное предпочтение к времяпрепровождению в европейских странах. Среди причин явного недовольства являются суровые климатические условия, однообразный рацион питания, высокомерное отношение россиян к представителям Поднебесной, неподобающее отношение правоохранительных органов, а также неразвитая инфраструктура. Что касается питания россиян, то, согласно социологическим опросам, большинство респондентов не имеет представления о русской кухне. Чаще упоминается хлеб и картошка с жареным мясом, что еще в советское время было представлено Н.С. Хрущевым как символ благосостояния советского народа.

В целом, критическое отношение образа России составляет незначительную часть информационного содержания и не может значительно повлиять на формирование негативного образа России у граждан КНР. Вместе с этим необходимо начать процесс преодоления стереотипов, устанавливая контакты на разных уровнях гражданского общества. Перед нашим государством встает задача поиска тех общественных сил, на базе которых возможно установление неправительственных, двусторонних отношений России и Китая. С российской стороны такими организациями могут стать Молодежная общественная палата, Общество российско-китайской дружбы, а с китайской стороны — Всекитайская федерация молодежи, Китайское народное общество дружбы с зарубежными странами, Общество китайско-российской дружбы.

Список литературы

- Тен Н. В. Образ России на страницах газеты «Жэньминь жибао» в 1991–2012 гг. М.: Вестник Российского университета дружбы народов, 2014.
- Ульяненко В. В. Шокирующий Китай. Все, что вы не хотели о нем знать. Руководство к пониманию. СПб., 2012.
- Тихвинский С. Л. Восприятие в Китае образа России. М.: Наука, 2008.

Лукин А. В. Медведь наблюдает за драконом. Образ Китая в России в XVII—XXI веках. М.: Восток-Запад : АСТ, 2007.

*Статюха Виктория Вячеславовна
магистрант 2 года обучения кафедры востоковедения
Исторический факультет НИ ТГУ¹*

План комплексной реформы государственных медицинских учреждений в КНР: цели и задачи

В первой декаде 2016 г. муниципалитетом Пекина был издан «План комплексной реформы государственных медицинских учреждений Пекина». В тестовом режиме в одном из медицинских учреждений Пекина были проведены пробные исследования. Основываясь на ранних результатах исследования, было составлено общее представление о стадиях реформирования муниципальных больниц: выявлены основные принципы и цели реформы, ключевые задачи и базовые мероприятия. Стремление достигнуть значительного прорыва в данной области привело к необходимости проведения ряда вспомогательных реформ.

В целях реализации указа государственного совета «Руководство по проведению всеобъемлющей реформы городских муниципальных больниц» (приказ Госсовета № 38 от 2015 г.) необходимо было разработать подробный и развернутый план реформ. Его основными задачами стали: полная реализация государственных обязательств в сфере здравоохранения, сохранение ключевой роли и специфики общественных городских больниц, реформы в сфере оплаты труда медработников, упорядочение структуры медицинского обслуживания. Прежде всего, необходимо создать базу данных для системы здравоохранения, которая охватит в равной степени сельское и городское население, что впоследствии поможет сформировать современную медицинскую информационную систему и подтолкнуть к активному реформированию общегородскую медико-санитарную систему.

Большое значение придается осуществлению всеобщей реформы «2323», а именно формированию эффективной системы управления системой здравоохранения. Важно сократить отставание механизмов регулирования системы медицинского страхования, механизма ценообразования, механизма инвестиционной поддержки медицинских учреждений, а также продолжать реформы системы оплаты труда медицинских работников, создавать ступенчатую систему диагностики и лечения.

¹ Научный руководитель — к. и. н. Лариса Александровна Андропова.

Согласно плану реформ, было установлено пять главных задач. Первым этапом является создание рационального и продуманного механизма формирования заработной платы медицинского персонала. Необходимо всецело искоренить систему, в которой доктор может злоупотреблять своим положением ради повышения своего собственного дохода, что позволит в дальнейшем постепенно урегулировать цены на медицинское обслуживание. В рамках реформы медицинского страхования необходимо постепенное дифференцированное вложение государственных инвестиций в эту сферу. Должен осуществляться эффективный контроль за ростом расходов на медицинские услуги. Общий рост расходов на здравоохранение в регионе не должен превышать темпы роста ВВП региона.

Исследования показали, что многоступенчатая система диагностики и лечения имеет большой успех. Закрепление собственных уникальных функций за разными государственными медицинскими учреждениями позволит сделать систему более прозрачной, и порядок медицинского обслуживания достигнет положительной динамики. В формировании ступенчатой системы диагностики и лечения основное место уделяется осмотру больного, а затем его двустороннего направления к узким специалистам и своевременному и действенному лечению.

План реформ предлагает разбить основные цели на двадцать подзадач, выполнение которых будет более реальным и прозрачным. Важную роль занимают задачи в системе управления: необходимо создать новую многоступенчатую систему управления в медицинской сфере. Создание такой современной системы даст возможность расширить полномочия нижестоящих медицинских учреждений в таких аспектах, как взаимодействие внутри коллектива, распределение обязанностей и ресурсов, режим работы учреждения. Необходимо оказать содействие в создании новой системы управления государственных больниц. Стоит обратить внимание на то, что государство изменит свои полномочия в данной сфере, т.е. согласно данному пункту государство возьмет на себя полномочия руководства, защиты, управления и контроля в муниципальных больницах в целях содействия централизованному управлению. Для грамотной оценки эффективности работы отрасли, необходимо установить жесткие стандарты, установить критерии оценки эффективности в отрасли, чтобы повысить общественное благосостояние. Улучшение системы аттестации государственных медицинских учреждений, а также объединение системы материального стимулирования и системы аттестации должно привести к тому, чтобы поощрение получали именно те специалисты, чья работа соответствует стандартам и качественно повышает уровень медицинского обслуживания.

Нужно сделать акцент на защите всестороннего контролирующего механизма медицинского обслуживания от коррупции и взяточничества. Важно обеспечить открытый доступ к информации той или иной больницы для того, чтобы возросло доверие пациентов к докторам и медицине в целом.

Для совершенствования непосредственно механизма функционирования больниц требуется разрушить систему, в которой доктор может злоупотреблять своим положением ради повышения своего дохода, необходимо принять радикальные меры, чтобы способствовать созданию нового функционирующего механизма. Ключевая задача — это содействие структурной перестройке, а также выгодным изменениям механизма.

Планируется ликвидировать начисления за фармацевтические услуги и начать осуществлять прозрачные закупки, для того, чтобы разделить фармацевтические и терапевтические услуги, что в свою очередь позволит провести корректировку цен. Необходимо оказать содействие трем взаимосвязанным реформам: реформе разделения фармацевтики и оказания медицинских услуг, реформе цен на медицинское обслуживание и реформе прозрачных закупок медикаментов. Искоренение механизма, в котором медицинские препараты продает врач, будет способствовать реализации плана по отделению фармакологии от городских больниц. Необходимо повысить инвестиционную привлекательность системы, чтобы привлечь поток инвестиций, которые, в свою очередь, помогут реализовать взятую задачу по увеличению числа инфекционных и психиатрических медицинских учреждений.

В системе оплаты труда медицинского персонала планируется внедрение инновационной системы менеджмента, улучшение системы распределения заработной платы и действующего механизма поощрения сотрудников. Важно рассмотреть и утвердить план повышения оплаты труда исходя из производительности, чтобы пропорционально оценить степень участия и эффективность каждого медицинского работника.

Существует необходимость в оптимизации размещения и структурирования государственных медицинских учреждений. Ключевая задача заключается в упорядочении системы приема пациентов, в повышении эффективности использования ресурсов; также необходимо улучшить бытовые условия в пунктах приёма пациентов. Для осуществления этих задач требуется создать рациональную систему распределения медицинских ресурсов и обслуживания, разработать план по созданию региональной системы медицинских услуг, рассредоточить ресурсы по медицинским

округам согласно спросу, расширить возможности и потенциал медицинских учреждений административных суб-центров.

Надежной опорой для реформ и гарантией успешного реформирования должна стать подготовка качественных специалистов, развитие науки и информатизация. Необходимо использовать особенности региональных центров и их ресурсные преимущества в обучении кадров, развитии медицинской сферы и проведения информатизации системы. Есть необходимость в совершенствовании системы подготовки кадров, чтобы поддержать изменения, которые естественно затронут и модель подготовки молодых специалистов. Необходимо создать все условия для формирования сплоченного и профессионального штата медицинских работников, воспитать высококлассных сотрудников, в которых нуждаются реформы. Существует необходимость совершенствования научно-технической базы в медицинской сфере, чтобы укрепить академическую китайскую науку и ее влияние за рубежом и внутри КНР. Это поспособствует обмену научно-техническими достижениями и даст возможность внедрения нового медицинского оборудования. Создание единой информационной базы медицинских учреждения и электронного стандартизованного архива о состоянии здоровья пациентов, баз данных с историями болезней будет содействовать взаимному обмену медицинскими данными в масштабе страны.

После опубликования «Плана реформ» все министерства обязаны распределить между собой обязанности по выполнению данной реформы и детально распланировать задачи на год. Городское правительство будет работать над укреплением механизмов для стимулирования, мониторинга и анализа, аттестации, надзора и обеспечения того, чтобы реформа достигла желаемых результатов.

Список источников и литературы

2016 игай цзуйсинь сяоси: Бэйцзин чутай игай синь фанъань иу жэньюань бу нажу бянъчжи 2016 医改最新消息: 北京出台医改新方案 医务人员不纳入编制 [Новости о медицинской реформе 2016: новая программа медицинской реформы появляется в Пекине, медицинские работники не участвуют в разработке] // Kuaiji.com. 17.03.2016: [сайт]. URL: <http://www.kuaiji.com/news/3112218> (дата обращения: 10.10.2016).

2016 нянь синь игай фанъань гунбу (2016 бань) 2016 年新医改方案公布 (2016 版) [Обнародована программа медицинской реформы 2016 г. (редакция 2016)] // ishuo.cn. 19.03.2016: [сайт]. URL: <http://www.ishuo.cn/show/189203.html> (дата обращения: 10.10.2016).

2015 нянь иляо вэйшэн шиэ фачжань баогао 2015 年医疗卫生事业发展报告 [Доклад о развитии медицины и здравоохранения 2015 г.] // Чжунго ван中国网 . 29.12.2015: [сайт]. URL: http://www.china.com.cn/guoqing/2015-12/29/content_37414979.htm (дата обращения: 10.10.2016).

**Влияние системы *санкин ко:тай* на экономическое развитие Японии
эпохи Токугава (1603–1867)**

Система попеременной службы *санкин ко:тай*, введенная в XVII в. как часть политического инструментария для контроля удельных князей-*даймё*, оказала значительное влияние на экономическое развитие Японии эпохи Токугава как на локальном уровне, так и в масштабах всей страны.

В первую очередь система влияла на отдельные княжества, вынуждая князей тратить огромные суммы как на подготовку и осуществление переездов из столицы и обратно в княжества, так и на содержание столичных резиденций. Расходы на дорогу до Эдо и обратно в среднем занимали от 4 до 10% от общего годового дохода княжеств, однако, изрядная часть дохода уходила на содержание столичных резиденций и жалование состоящим на службе самураям. Кроме того, в обязанности *даймё* так же входило предоставлять средства и работников для нужд *бакуфу*, будь то ремонтные службы или охрана замка. Так, расходы в Эдо княжества Увада составили 10000 *рё* (84% годового дохода), из них 2160 — оплата жалования самураям, охрана замка Эдо — 1500 *рё*, поддержание дорог Эдо — 3000 *рё*, иные траты — 3000 *рё*. (Комада 1998, с. 222)

В среднем, все *даймё* тратили 60–80% годового дохода за пределами своего княжества. Таким образом, исполнение служебного долга *даймё* в рамках системы *санкин ко:тай* стоило князьям до трех четвертей их годового дохода. Подобные траты оставляли казну княжеств практически пустой, и в случае чрезвычайных ситуаций, таких как пожары в столичных резиденциях или замке, князь не сразу мог найти необходимые на восстановление средства, и в большинстве случаев, данная проблема решалась взятием кредита у купцов или *бакуфу*, что только усугубляло финансовое состояние княжеств. Несмотря на подобную ситуацию, многие князья с неохотой шли на сокращение расходов в этой сфере, так как процессии изначально носили демонстрационный характер, и сделать ее скромнее означало «потерять лицо». В целом, именно система *санкин ко:тай* является причиной неутешительного финансового состояния практически всех княжеств Японии к концу эпохи Токугава.

¹ Научный руководитель — к. и. н. Максим Васильевич Грачёв.

Огромное влияние со стороны системы *санкин ко:тай* испытала на себе дорожно-транспортная система Японии. Дороги сооружались силами князей и для князей, а также чиновников *бакуфу*. Увеличение количества путешественников после утверждение системы *санкин ко:тай* как обязательной побудило *бакуфу* в конце 1630-х — начале 1640-х гг. издать указы об увеличении рабочей силы, содержащейся на почтовых станциях. Однако, даже после издания подобных указов, почтовые станции не могли поддерживать требуемое количество работников и животных, так в 1724 г. только 9 из 57 станций Токайдо соответствовали всем требованиям (Varotis 1986, р. 382). Дабы улучшить положение почтовых станций и наладить дорожно-транспортную систему в целом в 1694 г. *бакуфу* официально установило систему «вспомогательных деревень» — *сукэго*, согласно которой для каждой почтовой станции на пяти трактах определялись деревни, которые должны были предоставлять для почтовых нужд работников и лошадей. В 1721 г. был издан приказ о том, что расположенные у трактов поселения должны поставлять лошадей и рабочую силу на постоянной основе. Такие деревни получили название *дзёсукэго* (Николаева 1966, с. 145–146).

Решение правительства Токугава ввести подобную систему напрямую связано с действием системы *санкин ко:тай*. Для нужд государственных посланников и иных высших чиновников *бакуфу* вполне хватало того объема услуг, которые могли оказать почтовые станции до официального введения системы «вспомогательных деревень». Забота о нуждах простых путешественников и вовсе не входила в круг вопросов *бакуфу*, для правительства скорее было выгодно сокращение числа свободно передвигающихся по стране простолюдинов. А вот после утверждения системы *санкин ко:тай* как обязательной действительное положение дел на почтовых станциях начало стремительно ухудшаться. Даже несмотря на то, что *бакуфу* издавало официальные указы с рекомендациями сокращать численность процессий и даже вносило подобные правки в текст кодекса «Букэ сёхатто», *даймё* не спешили проявлять скромность в данном вопросе, так как размер и пышность процессии были для них вопросом статуса и престижа.

Одновременно со стимулированием развития дорожно-транспортной системы, многочисленные роскошные процессии являлись скорее обременительными для постоянных дворов и придорожных заведений. Почтовые станции и перевозчики должны были в первую очередь обслуживать *даймё*, причем, делать это по фиксированной ставке, в то время как более выгодные предложения от торговцев и иных путников отходили на

второй план. Подобная ситуация тормозила развитие дорог как системы сообщения для среднего и низшего классов населения. Впрочем, это никогда и не входило в задачи правительства Токугава.

Заметное влияние система *санкин ко:тай* оказала также на процессы урбанизации в Японии эпохи Токугава. Несомненно, наибольшему воздействию подвергся город Эдо, однако и другие крупные города Японии также испытывали определенное влияние системы.

Каждый *даймё* был обязан содержать в столице жену и наследника, для этих целей необходимо было выстроить личную усадьбу, а то и несколько. Каждому из князей правительство отводило участки земли на территории города, размер владений для каждого княжества регулировался исходя из его богатства и статуса. Крупнейшие княжествам (100–150 тыс. *коку*) разрешалось иметь резиденции площадью 7000 *цубо* (23141 м²). На деле эти ограничения зачастую игнорировались, существовали и такие поместья, площадь которых превосходила норму в 10 раз (Tsukahira 1966, p. 91).

В общей же сложности *даймё* владели более чем 600 усадьбами на территории столицы. Таким образом, масштабные усадьбы *даймё* составляли большую часть Эдо. Согласно исследованиям, проведенным в 1869 г., 68,6% построек в Эдо составляли дома военного сословия, храмовые земли занимали 15,6%, постройки горожан — 15,8% (Комада 1998, с. 214).

Население Эдо к середине XVIII в. составляло около 1 100 000 человек. По примерным оценкам доля населения, так или иначе связанного с *даймё*, составляла около 300 000 человек (Комада 1998, с. 214). Данная цифра является примерной, так как численность населения Эдо изменялась на протяжении каждого года. Таким образом, вассалы и служилые люди различных рангов составляли 23–30% населения столицы.

Повлияла система *санкин ко:тай* и на развитие Осака. Большинство князей перед прибытием в столицу, как правило, делали остановку в Осака для того, чтобы продать собранный в виде риса натуральный налог со своих уделов, так как для жизни в Эдо требовались немалые денежные средства. Для продажи также предназначались товары местного производства, которые доставлялись исключительно с целью продажи, дабы выручить необходимые для проживания в столице средства. Это дало мощный стимул для развития Осака как крупного торгового центра и ключевого узла дальнейшего распространения товаров в другие крупные города и дальние населенные пункты, так как участники процессов и старшие вассалы князей не упускали возможности приобрести разнообразные диковинные предметы и вычурные вещицы из далеких от родного дома мест в качестве сувениров для своих домочадцев или же личного пользования.

Когда в Японии торговля с иностранными странами была максимально затруднена, система *санкин ко:тай* была практически единственным катализатором внутренней торговли, создавая стимул для циркуляции объектов материальной культуры с периферийных территорий в столичный регион и обратно, хотя и в гораздо меньшем объеме. Однако в то же время организация системы явилась причиной, по которой подавляющее количество товаров из разных уголков страны концентрировались и циркулировали по преимуществу в крупнейших торговых городах — Эдо и Осака. Все это порождало экономический дисбаланс. Система *санкин ко:тай* стимулировала развитие коммерческой экономики и дорожно-транспортной системы на территории Японии. Благодаря постоянным поездкам *даймё* в столицу и необходимости содержать на территории столичного града величественные резиденции активно развивались города Эдо и Осака.

Тем не менее, помимо положительных, отчетливо присутствуют и отрицательные стороны *санкин ко:тай*. Именно система *санкин ко:тай* способствовала ухудшению финансового состояния княжеств к концу эпохи Токугава. Принудительное регулирование финансовых потоков, когда сверху насаждалась практика обязательного обеспечения поездок в столицу (до 70–80% ежегодного дохода княжества) формировало неблагоприятные условия для развития всех административных структур княжества. Поскольку большая часть товаров со всей страны концентрировались в Эдо и Осака, все это создавало неустойчивое положение в экономике связанное с дисбалансом хозяйственных отношений. Нельзя также упускать из вида и того факта, что организация дорожно-транспортной системы и почтовых станций, активно задействовавшая наиболее трудоспособное население деревень, расположенных вблизи дорог, отрицательно сказывалась на объемах урожая и благосостоянии отдельных деревень.

Список литературы

Vaporis, C. N. Post Station and Assisting Villages. *Corvée Labor and Peasant Contention*// *Monumenta Nipponica*, Vol. 41, No. 4, 1986. Pp. 377–414.

Николаева О. С. Документы по истории японской деревни. Часть 1. Конец XVII – первая половина XVIII в. М., Наука, ГРБЛ, 1966.

Tsukahira Toshio G. Feudal control in Tokugawa Japan: The sankin kōtai system. East Asian Research Center Harvard University, 1966. (Harvard East Asian Monographs, No. 20)

Комада Ко:та 児玉幸多. Санкин ко:тай сэйдо-но иги 参勤交代制度の意義
(Значение системы санкин ко:тай) // Нихон гакусиин киё: Ученые записки
Японской Академии наук 日本學士院紀要, №52(3), 1998. С. 211–226.

Утина Вероника Вячеславовна
студент 4 курса кафедры востоковедения и алтаистики, Институт
международных отношений, истории и востоковедения КФУ¹

Эпоха постмодерна в Китае: псевдоморфоз западной ментальности.

Известно, что XIX и XX вв. для всего мира и в частности для Запада являлись едва ли не самыми сокрушительными. Революции, гражданские войны, Первая Мировая Война, Великая Депрессия (мировой экономический кризис), Вторая Мировая Война. Всё это привело к тому, что человек того времени утрачивает веру в осмысленность происходящего, любая система и иерархия становится для него голой волей к власти и манипуляцией (Корнев 2017). Вместе с тем в результате научно-технического прогресса, в конце XX в. Западный мир становится постиндустриальным, что провоцирует резкий подъем экономики и рождает «общество потребления». Всё это соответствует самосознанию человека эпохи постмодерна, которая начиналась на Западе в середине XX в.

На сегодняшний день мировой порядок и вектор развития устанавливает именно западная цивилизация — это установка на реализацию капитализма и либерализма. Они в первую очередь служат самой западной цивилизации как доминирующей мировой империи, следовательно, становятся «империалистическим».

В империалистическом мире странам, чтобы оставаться видным игроком на политической арене просто необходимо подчиняться правилам игры и выбирать соответствующие пути развития. Так поступил и Китай. Он провозгласил социализм с китайской спецификой и избрал «путь обгоняющего товара». Он стал сверхдержавой по промышленному производству и главным экспортёром изделий из текстиля и электроники. Безусловно, такие западные феномены как капитализм и либерализм имеют свои преимущества, когда дело касается научно-технического прогресса, роста экономики и благосостояния нации в условиях мировой конкуренции.

Однако империализм в свою очередь, как феномен постиндустрии, нуждается в постидеологии, точнее в идеологии постмодерна, которой обладает современный человек. Это идеология «потребления», социальной отчужденности и массовости, возникшая на закате западной цивилизации. Соответственно, человек постмодерна также находится в состоянии упадка

¹ Научный руководитель — ассистент Раиса Владимировна Замилова.

духа, поэтому он максимально аполитичен, рефлексивен, инертен и управляем. Настоящие бунты и революции — удел живого общества, живой культуры, когда людям есть за что сражаться и что терять. Тогда как сознание постмодерна — это феномен состарившейся цивилизации, которая не способна к самостоятельному обновлению и трансформации.

Идея заката западной цивилизации была глубоко проанализирована Освальдом Шпенглером в его работе «Закат Европы». «Всякая культура переживает возрасты отдельного человека. У каждой имеется свое детство, юность, возмужалость и старость. Юная, робеющая, чреватая предчувствиями душа [культуры] проявляется на рассвете...» (Шпенглер 1998, с. 106). Эта душа реализует себя в народах, языках, искусстве, религии, науке. «Чем более приближается культура к полудню своего существования, тем более мужественным, резким, властным, насыщенным становится ее окончательно утвердившийся язык форм, тем увереннее становится она в ощущении своей силы, тем яснее становятся ее черты» (Там же, с. 107). Затем наступает момент, когда культура полностью исчерпывает себя, использует все свои возможности, пережив научно-культурный расцвет. «Наконец, усталая, вялая и остывшая, она теряет радость бытия и стремится... из тысячелетнего света обратно в потемки перводушевной мистики, назад в материнское лоно, в могилу» (Там же, с. 107). На этом этапе культура превращается в цивилизацию и переживает свою сметь, либо поглощается другой культурой. Таков взгляд немецкого философа Освальда Шпенглера на становление и крушение культур.

Он также замечает, что европейская культура с её универсальным рационализмом, стремлением к бесконечному потоку прибыли, волей к экономической и политической власти давно перешла на стадию цивилизации и соответственно переживает свой «закат». «Цивилизованный» человек стал безразличен к поиску смысла и духовности. Он либо проклинает систему, либо стремится извлечь из неё выгоду. «Цивилизованные» города процветают, но власть принадлежит деньгам, а культура зависит от массы и её праздных поисков удовольствий.

Соответственно этап заката западной цивилизации в полной мере соответствует этапу постмодерна в западной культуре. Оба явления могут пониматься как выражение общественного самосознания, впервые возникшего на Западе на благодатной почве войн, массовых смертей и полной внутренней опустошенности человека. Оба этапа носят подлинно деструктивный характер для самого западного общества, его системы ценностей и культуры.

Ценность исследований О. Шпенглера также состоит в том, что он приходит к идее псевдоморфоза, т. е. заимствования культурами достижений уже сложившихся цивилизаций. В данном случае это имеет прямое отношение к активно развивавшейся в течение последних тысячелетий коммуникации Китая с западным миром, а также заимствование научно-технического и политического путей развития, и вместе с этим перенятие западной ментальности — ментальности постмодерна. Шпенглер называет это историческим псевдоморфозом.

Китайская культура на протяжении XIX, XX, и XXI вв. активно заимствует формы социальной, политической, экономической и культурной жизни. Ярким зачинателем этой многовековой традиции реализации западного опыта на родине стала политика «самоусиления», «благосостояния и мощи». Следом шли всем известные «Сто дней реформ» Кан Ювэя, политика «Большого скачка» и «Культурная революция» Мао Цзэдуна, «Политика реформ и открытости» и «Стратегия трёх шагов» Дэн Сяопина, «Выход за рубеж» Цзян Цзэмина. В настоящее время Китай придерживается «Социализма с китайской спецификой», который основывается на социализме Карла Маркса с учетом особенностей китайской экономики. Также реализуется принцип проведения постепенной демократизации политической системы, что подразумевает либерализацию власти с сохранением роли КПК.

Словом, западный путь развития нащупан Китаем уже давно, а невероятный экономический рост убеждает нас в том, что Китай продвигается по этому пути достаточно стремительными шагами. Однако помимо политических и экономических заимствований, неизбежны заимствования культурные. На Западе, как мы уже знаем, вместе с либерализацией и постиндустриализацией, пришла «эпоха постмодерна», вместе со свободой личности — пришла её деконструкция и «смерть».

Именно этим и опасна ситуация псевдоморфоза, когда ментальность какой-либо цивилизации, находящейся на стадии старения культуры, встраивается в ментальность другой цивилизации. Однако Китай всё ещё может противопоставить достояние собственной культуры идеологии запада. Необходимым условием является лишь осознание самой проблемы псевдоморфоза западной ментальности — заимствование китайской культурой деконструктивного сознания постмодерна западного мира.

Это можно глубоко изучить на примере творчества современных молодых писателей, а также выявить на основе молниеносно укоренившейся в сознании молодого поколения китайцев идеологии потребления. Сознание постмодерна также проявляется в их аполитичности, отчужденности и

интроспективности, т. е. внутренней замкнутости и сосредоточенности на собственной личности, что в целом никогда не было свойственно китайскому народу. А что было свойственно, то может быть найдено в «душе» китайской культуры, которая, по мнению О. Шпенглера, воплотила себя в концепции «Дао». Её реализация на уровне идеологии поможет противостоять восприятию деструктивной идеологии постмодерна и предотвратить «закат» собственной культуры.

Соответственно, проблема усвоения чужеродной ментальности как никогда актуальна для Китая. Изучить её — значит иметь возможность прогнозировать дальнейшее развитие китайской культуры. Несмотря на небывалое экономическое процветание нации, увеличение её влияния на мировой политической арене, приобретение статуса лидирующей мировой державы за короткие сроки, мы упускаем из виду её внутренние культурные противоречия, появление деконструктивных признаков сознания постмодерна¹.

Список источников и литературы:

Шпенглер О. Закат Европы. Образ и действительность / О. Шпенглер; М., 1998. 378 с.

Корнев С. Н. Трансгрессивная революция. Посвящение в постмодерн-фундаментализм [Электронный ресурс] / С. Н. Корнев. Режим доступа: http://kitezh.onego.ru/trans_re.htm, свободный. Проверено 10.03.2017.

Хузиятова Н. К. Модернистские тенденции в современной китайской литературе как поиск идентичности / Н. К. Хузиятова; науч. ред. С.А. Торопцев. Владивосток: Дальневост. федерал. ун-т, 2014. 278 с.

¹ Некоторыми востоковедами этот процесс принято называть «вестернизацией».

Халиков Нияз Фанисович

*магистрант кафедры международных отношений, мировой политики и
зарубежного регионоведения, Институт международных отношений,
истории и востоковедения Казанского федерального университета¹*

Южная Корея и Африка: ключевые направления сотрудничества

На сегодняшний день Африка становится все более значимым регионом мира. Теперь уже не только Запад, но и Восток стал активнее внедряться на континент, располагающий одними из крупнейших запасов мировых природных ресурсов. Китай уже уверенно занимает позиции лидера по партнерству с африканскими государствами, однако в данном докладе нам хотелось бы рассмотреть долю присутствия в регионе Южной Кореи (Республика Корея, РК) — страны, давно зарекомендовавшей себя как активного игрока на мировой арене.

История отношений между Южной Кореей и странами африканского континента начинается в 1962 г., когда Южная Корея не представляла из себя экономически развитую страну. Модель международных отношений РК — Африка и КНДР — Африка практически зеркально повторяли отношения между КНР и Китайской Республикой со странами Африки — каждая пыталась всеми силами выдавить с континента своего политического и идеологического конкурента. Однако вследствие своей слабой экономической развитости вкупе с огромной дистанцией, разделявшей Африку с РК, Черный континент не стал приоритетным направлением южнокорейской внешней политики в тот период. Только в 1982 г. были совершены первые визиты в страны Африки на уровне главы государства — Чон Ду Хван посетил Кению, Нигерию, Габон и Сенегал. Но на этом вся активность контактов и закончилась — с 1990 г., с окончанием Холодной войны, Республика Корея обратила свой взор на куда более ближний и перспективный рынок — Россию и бывший Советский блок (Kim Tae-Hyung 2010, p.122).

Ренессанс произошел в XXI в., когда в мире вновь стала осознаваться важность стран Африки, как одного из крупнейших рынков природных минеральных ресурсов. Вопрос об энергетической безопасности не обошел и Южную Корею, и в 2006 г. президент РК Ро Дэ У нанес визит в Алжир, Египет и Нигерию, по итогам которого было объявлено о подписании соглашения «Корейское содействие развитию Африки» (Korea's Initiative for Africa's

¹ Научный руководитель — д.и.н., профессор Дмитрий Евгеньевич Мартынов.

Development), по которому предусматривалась помощь в развитии, обмене опытом экономического развития, предоставление медицинской помощи, и поставка оборудования для информационных технологий, сельского хозяйства и др. (Kim Tae-Hyung 2010, p.123). Так началась новая веха в южнокорейско-африканских отношениях.

С тех пор прошло более десяти лет, и было бы неправильным сказать, что межгосударственные отношения так и остались на прежнем уровне. Конечно, это не уровень Китая, но для Республики Корея стоит цель не сколько завоевать весь рынок ресурсов Африки (это было бы невозможно с точки зрения финансовой мощи страны), а именно заявить о своем присутствии и выбить с континента соперника Южной Кореи №1 — КНДР, пустившей корни в Африке раньше и глубже. Особенно широкую огласку (обернувшуюся даже политическим скандалом в Эфиопии) эта внешнеполитическая программа Республики Корея получила в период президентства Пак Кын Хе в 2016 г., когда ею был совершен визит в Эфиопию, Кению и Уганду (Anaïs Faure 2016).

Сотрудничество идет по самым различным направлениям, но в лидерах остается торговля и экономика. Развивающиеся страны Африки остаются перспективными рынками сбыта продукции южнокорейских компаний — а это техника, оборудование самого широкого назначения, электроника. Помимо этого, Южная Корея оказывает поддержку в таких отраслях, как строительство (дороги, трубопроводы, предприятия и фабрики), добыча полезных ископаемых (минеральных ресурсов), энергетика, сельское хозяйство, образование и подготовка кадров. В обмен на помощь Южная Корея получает от стран Африки ресурсы и продукцию сельского хозяйства (Мореходов 2013, с. 22–24).

Итак, первоочередной, и, как может показаться, весьма прагматичной целью Республики Корея в Африке является возможность добычи и/или покупки самых различных ресурсов и полезных ископаемых, коими сама Южная Корея не располагает. Рынок ресурсов Африки весьма широкий, и предлагает странам-закупщикам нефть, газ, урановые и марганцевые руды, бокситы и металлы практически всех видов. Кроме того, континент имеет огромные возможности для развития аграрного сектора рынка.

В этой связи, Южная Корея ведет сотрудничество по двум главным направлениям — это наполнение африканских рынков продукцией собственного производства и инвестирование в проекты, связанные с технологиями и сырьевой базой (Мореходов 2013, с. 22). Вполне очевидно, что Корея, как и во многих других случаях, использует «мягкую силу». Это позволяет стране не агрессивно конкурировать с другими государствами в борьбе за ресурсы Черного континента, а осуществлять взаимовыгодный

обмен — бартер: южнокорейские продукты и технологии в обмен на африканские ресурсы. Эта модель, уже давно внедренная Китаем в Африке, была перенята теперь и Кореей и имеет весьма большой успех (Kim Tae-Hyung, 2010, p.130).

Картина взаимного импорта и экспорта, на сегодняшний день, предстает следующим образом. Южная Корея занимает третье место после Китая и Индии по общему торговому обороту со странами Африки (7,2% общего торгового оборота) (Kim Soyeun 2013, p.52). С 1998 по 2012 гг. сумма экспорта из Республики Корея в страны Африки составила порядка 13,5 млрд. долларов США, в то время как импорт из Африки составил лишь 7 млрд. долларов. Ключевыми странами-импортерами южнокорейской продукции были и остаются Либерия, ЮАР, Египет, Ливия, Алжир, Марокко, Нигерия, Эфиопия, Гана (Kang Gil Seong, 2014, p.100; Kim Soyeun, 2013, p.63), Замбия и Экваториальная Гвинея (Kang Gil Seong, 2011). Более 90% всего экспорта приходится на эти страны. Основными статьями экспорта является продукция химической, автомобильной промышленности, техника и оборудование различного назначения (в том числе и по переработке добываемого сырья) (Kang Gil Seong 2014, p. 100).

Ключевыми странами-экспортерами в Южную Корею являются ЮАР, Экваториальная Гвинея, Алжир, Египет, Замбия, Нигерия, Габон, ДРК, Ангола и Марокко (Kang Gil Seong 2011). Основными продуктами, импортируемыми из Африки, являются необработанные нефть и газ, железная руда, продукты нефтепереработки, цветные металлы и сельскохозяйственная продукция (Kang Gil Seong 2014, p. 100).

Инвестиционный климат на Африканском континенте весьма неоднородный. Южная Корея весьма тщательно подходит к этому вопросу и старается инвестировать только в страны, где политическая и экономическая ситуация относительно стабильна. Одним из главных условий является наличие в стране ресурсов и населения с хорошей покупательской способностью. Как отмечалось выше, Корея преследует прагматичные интересы, и старается наладить бартерный способ сотрудничества, и, в связи с этим, вкладывается, как правило, только в добывающую и сельскохозяйственную отрасли. На данный момент, этот процесс стал более свободным, и многие южнокорейские компании, имеют возможность самостоятельно развивать в Африке интересующие их проекты, конечно же, в тесной связи с государством. Большую роль в этом играет Корейская государственная программа развития сотрудничества со странами Африки (КОАФЕС) (Мореходов 2013, с. 22) и Корейское агентство международного

сотрудничества (KOICA). Их программы включают не только сотрудничество в освоении и разработке ресурсной базы и внедрении современных промышленных и информационных технологий, но и в подготовке кадров из местного населения (в т.ч. и образовательные программы для африканских студентов в корейских университетах), обмене опытом и знаниями, создании развитого аграрного сектора, а также внедрении «зеленых» технологий.

Что касается военно-технического сотрудничества, то Южная Корея в этой отрасли еще не реализовывала никакие крупные проекты. За все годы присутствия страны в регионе, в Африке нашелся лишь один покупатель продукции корейского военно-промышленного комплекса — в середине 2016 г. Южная Корея заключила сделку о поставках в Сенегал военных учебно-тренировочных самолетов КТ-1 — так Сенегал стал первым рынком сбыта продукции ВПК Кореи (Jung Min-hee 2016). Амбиции Южной Кореи в этой области довольно высоки, и именно в этой сфере мы можем наблюдать единственное столкновение интересов в регионе — Южная Корея, как упоминалось выше, будет стараться вывести из игры КНДР — главного поставщика вооружения в Уганду, ДРК, Ливию (ранее), и другие страны (на сегодняшний день Уганда закупает оружие из Северной Кореи в обход санкций ООН) (Ramani 2016).

Говоря о военном присутствии в Африке, РК имеет давний опыт работы на континенте, начавшийся задолго до установления торгово-экономических отношений. Речь идет о миротворческих операциях, в разное время имевших место в Либерии, Кот-д'Ивуаре, Сомали, Южном Судане. Прямой военной интервенцией операции в рамках ООН назвать нельзя; тем не менее южнокорейские военнослужащие получили опыт работы и на Черном континенте, чаще всего в гуманитарном направлении (Song Hojun 2016).

Итак, в проведенном нами небольшом исследовании, нам удалось кратко рассмотреть и проанализировать основные направления сотрудничества Республики Корея со странами африканского континента. Относительно новое направление южнокорейской внешней политики сегодня дает весьма серьезные результаты — корейская «мягкая сила», как выяснилось, работает не только в развитых странах, а новые рынки и доступ к природным ресурсам становятся стимулом для дальнейшего роста и развития экономики, причем в обоюдном порядке. Разумеется, это только начало, но южнокорейская «экономическая школа» уже успешно действует в этом направлении и, возможно, уже в ближайшем будущем мы сможем наблюдать рост экономик стран Африки в более уверенном темпе.

Список источников и литературы

Мореходов М.А. Республика Корея — страны Африки. Экономическое сотрудничество сегодня и завтра // Азия и Африка сегодня. 2013. № 7. С. 22–25.

Anais Faure. 2016: A Pivotal Year for South Korean Diplomacy // The Diplomat. 24.05.2016: [сайт]. URL: <http://thediplomat.com/2016/05/2016-a-pivotal-year-for-south-korean-diplomacy/> (дата обращения: 03.03.2017).

Jung Min-hee. First African Market. KAI to Supply KT-1 Trainer Jets to Senegal // Business Korea. 20.07.2016: [сайт]. URL: <http://www.businesskorea.co.kr/english/news/industry/15285-first-african-market-kai-supply-kt-1-trainer-jets-senegal> (дата обращения: 25.02.2017).

Kang Gil Seong. Is Korea Exploiting It's Trade Potentials in Africa? Gravity Equation Analysis and Policy Implications // Korea and the World Economy. 2014. Vol. 15, № 1. P. 97-128.

Kang Gil Seong. The Korea–Africa Partnership: Beyond Trade and Investment // African Development Bank. Africa Economic Brief. 2011. Vol. 2, № 9: [Эл. доступ]. URL: <https://www.afdb.org/en/documents/document/africa-economic-brief-the-korea-africa-partnership-beyond-trade-and-investment-24295/> (дата обращения: 28.02.2017).

Kim Soyeun. Korea in Africa: A Missing Piece of the Puzzle? // Emerging Powers in Africa. London School of Economics Special Report, London. 2013. №16. P. 51-66.

Kim Tae-Hyung. South Korea's Strategic Relationships with Sub-Saharan Africa: Energy Security and Beyond // The Korean Journal of International Studies. 2010. Vol. 50, № 3. P. 111-135.

Pascal Dayez-Burgeon. Après la Chine, la Corée du Sud à l'assaut de l'Afrique // Atlantico. 22.11.2016: [сайт]. URL: <http://www.atlantico.fr/decryptage/apres-chine-coree-sud-assaut-afrique-pascal-dayez-burgeon-2873688.html> (дата обращения: 01.03.2017).

Ramani Samuel. North Korea's African Allies // The Diplomat. 04.06.2016: [сайт]. URL: <http://thediplomat.com/2016/06/north-koreas-african-allies/> (дата обращения: 15.02.2017).

Song Hojun. South Korea's Overseas Peacekeeping Activities – Part I: The History and The Current Status // Korea Economic Institute. 29.07.2016: [сайт]. URL: <http://blog.keia.org/2016/07/south-koreas-overseas-peacekeeping-activities-part-i-the-history-and-current-status/> (дата обращения: 27.02.2017).

Хусаинова Вероника Павловна
студентка 1 курса магистратуры Института Азии и Африки
Факультета гуманитарных наук Гамбургского университета¹

Женская периодическая пресса во Вьетнаме в 1-й пол. XX в.

Женская журналистика представляет собой уникальное явление в истории человеческой цивилизации и культуры. В течение долгого времени женщины вели борьбу за равноправие в сфере средств массовой информации, дабы получить возможность быть услышанными. Одной из первых женщин, высказавших тезис о необходимости равноправия в СМИ, была американская активистка Сьюзен Энтони. В 1893 г. на Всемирной выставке в Чикаго она выступила с докладом, в котором подчеркивала, что женщинам необходимы независимые от мужского влияния периодические издания, составляемые и редактируемые в соответствии с актуальными требованиями женского населения (Byerly 2013, p. 1).

В XIX в. печатное дело все еще оставалось исключительно мужской профессией, а женщины воспринимались не как потенциальные журналисты, а скорее как потребители публикуемой в газетах и журналах информации. В то время большинство редакторов-мужчин полагало, что у женщин отсутствуют навыки сбора и передачи информации, а их развитие не представлялось им возможным. Тем не менее, были известны случаи, когда печатные издания все же нанимали женщин, но исключительно для работы над темами, которые были неинтересны мужской части редакционной коллегии. Среди тем, отведенных женщинам, были мода, быт, а также различные незначительные новости, которые представляли собой по большей части сплетни о тех или иных знаменитостях. Несмотря на то, что с конца XIX в. число женщин-журналистов начало постепенно возрастать, а некоторые из них пытались оказывать сопротивление сложившейся тенденции половой дискриминации, на рубеже XIX–XX вв. в журналистике сохранялось строгое гендерное разделение, поддерживаемое общественным мнением, порицавшим вовлеченность женщин в сферу периодической печати (Chambers, Steiner, Fleming 2004, p. 15).

Подобное разделение было характерно не только для стран Запада, но и для Вьетнама. Согласно конфуцианскому морально-этическому идеалу, перенятому от Китая, женщина играла второстепенную роль в системе общественных отношений, и главной сферой ее самореализации оставалась

¹ Научный руководитель — доктор наук, профессор Йорг Томас Энгельберт

семья. В подавляющем большинстве случаев женщина не имела возможности собственноручно распоряжаться своей собственной судьбой. С самого детства женщине внушалось, что она обязана подчиняться отцу, затем мужу, а в случае смерти последнего старшему сыну (Jamieson 1995, p. 18).

С приходом французов в Индокитай во второй половине XIX в. положение женщин стало постепенно меняться, поскольку колонизаторы способствовали распространению образования среди женского населения Вьетнама. Среди представителей французской политической элиты бытовало мнение, что женщины представляют собой общественный элемент, тормозящий всеобщее развитие как во Франции, так и в колониях, и введение современной европейской системы образования рассматривалось как наиболее вероятное решение данной проблемы (Hunt, Lessard 2002, p. 152). При этом колонизаторов удручала недостаточная осведомленность вьетнамцев относительно французских культурных реалий, и, по их мнению, именно женщины должны были прививать своим детям любовь к французской культуре с самого рождения, дабы воспитать достойных граждан. Однако стоит отметить, что французские колонизаторы вовсе не стремились к эмансипации женщин во Вьетнаме, но старались всячески способствовать тому, чтобы вьетнамские женщины как можно глубже впитали в себя французскую культуру и образ жизни посредством отказа от традиций и обычаев, в которых они выросли.

Наибольший вклад в становление во Вьетнаме европейской системы образования внес французский политик и дипломат Альбер Сарро. А. Сарро занимал должность генерал-губернатора Индокитая с 1911 по 1914 гг., а затем был вновь назначен на эту должность в 1917–1919 гг. Можно сказать, что А. Сарро был самым либеральным политиком, когда-либо отправлявшимся во Вьетнам (Charpius 2000, p. 78). Он выступал за проведение реформ в колониях, развитие экономики и последующей индустриализации. Среди его реформ была учреждение новой системы образования, суть которой заключалась во введении централизованной системы франко-вьетнамских школ, обучение в которых велось на французском и вьетнамском языках. При этом А. Сарро отменил плату за обучение, что позволило тысячам вьетнамцев, в том числе и женщинам, получить образование.

Среди заслуг А. Сарро можно назвать и разрешение выпуска в 1918 г. в Сайгоне первой женской газеты, получившей название «Женский колокол» (вьет.: Báo nữ giới chung). Главным редактором газеты стала Шыонг Нгуэт Ань, вошедшая в историю страны как первая женщина, ставшая руководителем периодического издания. Оставшись вдовой в достаточно раннем возрасте, она

полностью посвятила себя публичной и общественной деятельности, а ее главным детищем стала газета «Женский колокол». Тем не менее, несмотря на общественную активность, Шыонг Нгуен Ань нельзя назвать феминисткой. Наоборот, она проявила себя поборницей традиционных для Вьетнама семейных ценностей и избегала участия в политическом дискурсе: материалы, публиковавшиеся в газете «Женский колокол», были лишены всякого политического подтекста (Ние-Там 1992, р. 94).

В целом, содержание газеты «Женский колокол» было весьма разнообразным: в ней публиковались различные литературные произведения, новости о происходивших в стране событиях, а также кулинарные рецепты. Главной идеей редакторов газеты было распространение образования среди женского населения страны. Однако ей не суждено было воплотиться в жизнь, поскольку газета вынуждена была закрыться менее чем через год после основания.

В 1920-х гг. число изданий, посвященных женщинам, постепенно увеличивается. Вслед за газетой «Женский колокол» были основаны газеты «Новая женская литература» (вьет.: *Phụ nữ Tân văn*) и «Голос женщины» (вьет.: *Phụ nữ Thời đàm*). Основанная в мае 1929 г. в Сайгоне еженедельная газета «Новая женская литература» являлась одним из наиболее популярных вьетнамских изданий конца 1920-х — начала 1930-х гг., при этом среди ее читателей были представители обоих полов не только в Кохинхине¹, но и в Северном и Центральном Вьетнаме. В первые годы существования тираж газеты составлял около восьми тысяч экземпляров, затем снизился до пяти из-за экономического кризиса, являвшегося последствием Великой Депрессии (Marr 1984, р. 220). Материалы газеты освещали широкий спектр различных тем, варьирувавшихся от вопросов красоты и здоровья до обсуждения проблем изобразительного искусства, философии, и т. д. Пытаясь привлечь внимание широкого круга читателей обоих полов, разнообразных профессий и возрастов, редакторы газеты стремились четко и ясно формулировать описываемые ими проблемы, использовали простой язык и старались делать размер материалов не слишком большим для легкого восприятия публикуемой информации. В газете публиковались также и произведения художественной литературы с целью пробуждения национального сознания вьетнамцев и их революционного духа. Колониальные власти называли газету «Новая женская литература» «оплотом феминизма и национализма» (Nguyen-Marshall 2008,

¹ Кохинхина — в исторической географии название южной части Вьетнама во времена существования Французского Индокитая (1887–1954). Кохинхина имела статус колонии, в то время как Центральный Вьетнам (Анна́м) и Северный Вьетнам (Тонкин) были провозглашены протекторатами.

р. 79). Несмотря на то, что в период 1929–1934 гг. цензура в области журналистики была ужесточена, газета продолжала свое существование, возможно, по той причине, что между цензорами и редакторами существовала договоренность относительной политической умеренности публикуемых материалов, затрагивавших по большей части вопросы осуществления социальных и культурных реформ (Marr 1984, р. 221). Весь шестилетний период существования газеты ее главным редактором оставалась Нгуен Дык Ньюан, финансовую поддержку которой оказывал ее муж, являвшийся в то время влиятельным сайгонским предпринимателем. Его компания также занималась размещением рекламы для таких крупных компаний как «Nestle» и «Citroen», осуществляя при этом инвестиции в печатное дело, без чего было бы невозможно привлечь столь широкий круг журналистов и редакторов для работы в газете «Новая женская литература». В 1934 г. периодическое издание было закрыто властями (Marr 1984, р. 221).

Ежедневная газета «Голос женщины» располагалась в Ханое и была основана в 1930 г. Это было первое в Тонкине издание, посвященное женщинам. Газета «Голос женщины» позиционировала себя как прогрессивное издание, целью которого была защита не только передовых идей, но и традиционных общественных ценностей. Кроме того, внимание создателей газеты было направлено на защиту интересов женщин и развитию их интеллектуальных способностей. Что касается популярности газеты, то газета «Голос женщины» все же уступала сайгонской газете «Новая женская литература», хотя ее тираж достигал огромных для того времени размеров, превышая порой 6 тысяч экземпляров (Bousquet, Brocheux 2002. р. 101). Публикации, в основном, затрагивали актуальные вопросы культуры, а также содержали новости о происходящих в стране событиях.

Примечательно, что главные редакторы обеих упомянутых выше женских газет придавали огромное значение благотворительной деятельности, которой сотрудники газеты уделяли не меньше внимания, чем работе над публикуемыми материалами. Например, в 1931 г. газета «Голос женщины» осуществляла финансовую поддержку лишившимся жилья и имущества во время большого пожара в деревне Туву в провинции Футхо, а затем оказывала помощь в реставрации храма, посвященного одной из главных вьетнамских богинь Ба Чиеу. Редакторы газеты публиковали только призывы о сборе средств, но и небольшие сводки о тех, кто наиболее щедро откликнулся на призыв, дабы их примером вдохновить других читателей.

В целом, говоря о деятельности первых трех женских газет, можно сказать, что они внесли огромный вклад в активизацию дебатов по поводу решения

женского вопроса и способствовали расшатыванию закостенелых стереотипов относительно мужского превосходства над женщинами. Несмотря на то, что существование трех первых женских газет было относительно недолгим, они заложили фундамент для продолжения борьбы женщин за свои права и интересы в обществе, а также для дальнейшего раскрепощения женской личности, лишенной на протяжении многих веков права голоса и права на реализацию своих интеллектуальных и управленческих способностей. Тот факт, что представительницы прекрасного пола, несмотря на критику, активно участвовали в организации благотворительных акций, свидетельствует о высоком моральном облике женщин того времени, их беспокойстве за судьбу своего народа, готовности оказать помощь и поддержку нуждавшимся.

Список использованной литературы:

Bousquet G., Brocheux P. Vietnam expose: French scholarship on Twentieth century Vietnamese society. Ann Arbor, 2002.

Byerly C.M. The Palgrave International Handbook of Women and Journalism. Washington, 2013.

Chambers D., Steiner L., Fleming C. Women and journalism. New York, 2004.

Chapius O. The last emperors of Vietnam: From Tu Duc to Bao Dai. Westport, London, 2000.

Hue-Tam H. T. Radicalism and The Origins of the Vietnamese Revolution. Boston, 1992.

Hunt T., Lessard M. Woman and the Colonial Gaze. New York, 2002.

Jamieson N.L. Understanding Vietnam. Berkeley, 1995.

Marr D.G. Vietnamese tradition on Trial, 1920-1945. Berkeley, 1984.

Nguyen-Marshall V. In Search of Moral Authority. The Discourse on Poverty, Poor Relief, and Charity in French Colonial Vietnam. New York, 2008.

Цветков Дмитрий Владимирович
аспирант отдела Дальнего Востока
Института Восточных рукописей РАН¹

Образ Китая во французской литературе Эпохи Просвещения на примере произведения Вольтера «Китайский катехизис»

В XVI в. в европейские страны начали регулярно поступать сведения о Китае. Это происходило благодаря научно-исследовательской и переводческой деятельности миссионеров-иезуитов в Китае, а также проникновению в Европу предметов материальной культуры. Эти факторы оказывали ключевое влияние на формирование образа Китая в европейском сознании того времени.

Интерес к Китаю в европейском сознании XVI–XVIII вв. имел две составляющие (Самойлов 2014, с. 105). Первая была связана с наличием в Европе, главным образом во Франции, повышенного интереса к китайскому искусству. Среди товаров, которые европейские и русские купцы и путешественники привозили, было множество произведений искусства и предметов быта китайцев. В Европе возникает мода на Китай, т. н. «китайщина», которая распространилась и в России.

Вторая составляющая носила более глубинный характер, и появилась с началом научного изучения Китая, осуществлявшегося, в первую очередь, миссионерами-иезуитами. XVII–XVIII вв. в Европе известны как «Эпоха Просвещения». Одной из главных составляющих идеологии Просвещения было учение о т. н. «просвещенном абсолютизме», когда монарх управляет страной, соблюдая принцип равенства всех перед законом, а также правом на достаток, счастье и получение образования. При этом, монарх опирается на помощь наиболее образованных и прогрессивных помощников (Длугач 2006, с. 54).

Многие писатели, философы и общественные деятели Эпохи Просвещения занимались изучением китайского литературного наследия, стремясь найти в нем поучительные примеры для сопоставления с жизненными реалиями XVIII в. Классическим примером здесь служит литературное творчество Вольтера.

Вольтер (Франсуа Мари Аруэ) (1694–1778) — выдающийся французский писатель, философ, поэт, историк и публицист. Являлся одним из главных

¹ Научный руководитель — д. и. н. Ирина Федоровна Попова.

идеологов французского Просвещения, и основоположников концепции «просвещенного абсолютизма». Следует отметить, что во многих своих произведениях: «Задиг или Судьба», «Китайский сирота», «Опыт о нравах» и т. д. Вольтер обращается к примерам из различных восточных культур. Как отмечает О.Л. Фишман, он искал на Востоке материал, подрывающий авторитет церкви (Фишман 2003, с. 263).

Вольтер, безусловно, был знаком с работами миссионеров, работавших в Китае, и среди всех религиозно-философских учений он считал наиболее близким себе конфуцианство с его приматом рационального начала над мистическим и тщательно разработанным нравственным идеалом, выраженном в концепции «цзюньцзы». Ему импонировал также принятый в Китае порядок зачисления на государственную службу в соответствии с личными заслугами кандидата (Фишман 2003, с. 263).

«Китайский катехизис» — небольшое произведение, написанное в форме диалога, который, якобы произошёл в 470 г. до н. э. между Цу Су — учеником Конфуция и княжичем Коу — сыном правителя княжества Лу, родины Конфуция. Основная тематика данного произведения — природа бога и человеческая мораль. Произведение состоит из шести частей, называемых диалогами.

Первая часть начинается с вопроса Коу о том, что подразумевает его долг служения Небу (Шан-ди). Цу Су отвечает ему, что поклонение небу является самой большой в мире глупостью, так как небо не представляет собой ничего кроме воздуха. Цу Су также отрицательно высказывается о поклонении планетам и другим небесным телам, и сравнивает его с поклонением грязи и песку.

Во втором диалоге Коу высказывает предположение о том, что бог есть высшее начало, которое существует безо всякой причины в каждой частице во Вселенной, следовательно, все живые существа являются частью бога.

Третья часть посвящена размышлениям о природе души и цели жизни. Коу утверждает, что смысл жизни и цель существования задает бог. Обращаясь к Цу Су, он упоминает древнегреческий миф о Вулкане (Гефесте), который выковал золотые треножки для олимпийских богов, внутри которых прятал своих подмастерье, чтобы создавалось впечатление, что треножки могут катиться сами по себе.

В четвертом диалоге речь заходит о царской власти. Цу Су спрашивает Коу о жертвоприношениях. Коу говорит, что несмотря на то, что бог не нуждается в приносимых ему жертвах, тем не менее они очень важны, и всегда серьезно подходит к совершению этих обрядов. Он также утверждает, что не разделяет взглядов других религий, прежде всего, даосизма и буддизма.

Пятый диалог начинается с вопроса Цу Су к Коу о том, как он будет управлять княжеством. Коу отвечает, что намерен быть справедливым правителем, на что Цу Су замечает, что не причинять людям вреда еще не значит быть добродетельным, и спрашивает Коу сколько тот намерен иметь жен. Княжич отвечает, что в идеале — двенадцать, и отмечает, что не собирается следовать примеру царя Соломона, у которого было триста жен, семьсот наложниц, и несколько тысяч евнухов, прислуживавших им. Коу называет институт евнухов самым оскорбительным обычаем по отношению к природе человека, и заявляет, что единственная положительная черта кастрации — развитие голоса. Он упоминает о наличии у Далай-ламы пятидесяти поющих евнухов.

Цу Су соглашается с Коу и обращает его внимание на необходимость иметь верных друзей и помощников, которые могли бы помогать ему управлять государством и воспитывать детей. Коу отвечает, что у него есть несколько хороших друзей, которые помогают ему учитывать его просчеты, и называет дружбу «болеутолителем жизни».

В заключительном шестом диалоге Цу Су называет гостеприимство самой главной добродетелью, и определяет ее как божественную связь между людьми. Коу соглашается с Цу Су, однако считает этот обычай обременительным. Цу Су возражает на это тем, что каждая добродетель имеет свои трудности и опасности.

Коу приходит к выводу, что все добродетели на практике проявляются в вежливости. Он заявляет, что быть вежливым и соблюдать все добродетели и есть единственный способ служения богу, а также заявляет о своем неприятии по отношению к людям, которые поклоняются Будде, Лао-цзы, Вишну и т. д., и считает крайне жестоким, если тот или иной народ считает себя богоизбранным.

В заключении можно сделать следующие выводы. «Китайский катехизис» — произведение с вымышленным сюжетом, имеющее философский подтекст. Будучи деистом, Вольтер отрицательно относился к религии и критиковал церковь. Свои идеи о морали и религии он излагает на примере созданного им фантастического образа Китая, где действие происходит в IV в. до н. э., но в то же время делаются отсылки к разным культурам и историческим периодам.

Несмотря на то, что данное произведение посвящено Китаю и его герои позиционируются как последователи Конфуция, в нем отсутствуют упоминания о каких-либо специфических китайских философских категориях. В произведении «Китайский катехизис» Вольтер стремился устами

китайского мыслителя передать свои взгляды. Он от лица конфуцианских мыслителей осуждающе высказывается о религии как о социальном институте, а также о предрассудках и суевериях, и на примере княжича Коу показал, каким должен быть монарх, соответствующий идеалам «просвещенного абсолютизма».

Список источников и литературы

Длугач Т.Б. Три портрета эпохи Просвещения. Монтескьё. Вольтер. Руссо (от концепции просвещенного абсолютизма к теориям гражданского общества). М.: ИФ РАН. 2006.

Самойлов Н.А. Россия и Китай в XVII — начале XX вв. Тенденции, формы и стадии социокультурного взаимодействия. СПб.: Санкт-Петербургский государственный университет. 2014.

Фишман О.Л. Китайский сатирический роман. М.: Наука, 1966.

Фишман О.Л. Китай в Европе — миф и реальность (XIII–XVIII вв.). СПб.: Петербургское востоковедение, 2003.

Voltair The Chinese Catechism [Электронный ресурс]: <http://www.accuracyproject.org/t-Voltaire-Dialogues-ChineseCatechism.html>

Цырлина Анастасия Семеновна
студентка 3 курса ОП «Востоковедение», НИУ ВШЭ СПб¹

Иконография Цзао-вана (на примере памятников из фондов Государственного музея истории религии)

В настоящей статье рассматривается иконография бога очага Цзао-вана в китайской народной картине и его роль в этнографической культуре Поднебесной. Исследование основано на материалах коллекции лубков производства конца XIX — начала XX вв., приобретенных в Китае академиком В.М. Алексеевым преимущественно в 1907 г., и находящихся в данный момент в Государственном музее истории религии.

Коллекция Алексеева поступила в государственный музей истории религии в 1938 г. и насчитывает более тысячи лубков: различных изображений богов китайского народного пантеона. Неисследованная к началу XX в., тематика народных китайских картин привлекла интерес русского ученого, так как *няньхуа* (термин, использующийся в Китае для обозначения народных картин) представляют собой репрезентацию народных верований, благопожелательных символов и могут служить ключом к более глубокому пониманию духовной и материальной культуры китайского народа. Они пользовались популярностью в императорском Китае и продолжают оставаться значимыми в современной китайской культуре. Согласно древним китайским народным верованиям, Цзао-ван — это дух, хранитель семейного очага. Именно поэтому его популярность и значимость сохранились в народной культуре до настоящего времени. В китайской литературе он наиболее известен под именем Цзао-шэнь (竈神), дословно — Бог очага. Также известны другие его имена: Цзао-пуса, Дунчу Сы Минчжу и Цзао-цзюнь², которые имеют такие значения, как «Бодхисаттва очага», «Повелитель судеб восточного угла кухни», и «Повелитель очага соответственно». Благодаря этой информации Цзао-вана всегда легко выявить на народной картине, так как подавляющее большинство лубков с его изображением содержит одно из его имен. Предположительно почитание Цзао-шэня берет свое начало в 1-м тысячелетии до н. э. Начиная с того времени в основные функции Цзао-шэня входит наблюдение за всем, что в течение лунного года происходит в каждой семье. По разным данным, дух очага покидает вверенный ему дом от одного до множества раз в году (максимально часто раз

¹ Научный руководитель — канд. культурологии Наталья Васильевна Алферова.

² Транскрипция имен дана по Б.Л. Рифтину: статья «Цзао-ван».

в три дня), а затем докладывает о добродетелях и пороках живущей в нем семьи Нефритовому императору Юй-ди. Наиболее часто встречающаяся трактовка легенды о божестве очага гласит, что тот улетает из дома за час до наступления нового года, а возвращается с его приходом (Алексеев 1966, с. 156). Начало развития китайской народной картины дало буддийское культовое искусство (Кравцова 2004, с. 656), а последние несколько веков лубки являются квинтэссенцией разного рода верований, без труда уживающихся в китайском самосознании. Новогодние лубки с изображением Цзао-цзюня имеют несколько ключевых особенностей. На одних лубках может быть изображен собственно Цзао-ван с сопутствующими образами духов, животных и детей. На других изображениях можно видеть супружескую пару — Бог очага с женой и сопутствующей символикой. Большая часть изображений выполнена в форме иллюстрированных календарей. Лубки, представленные в коллекции Алексеева, выполнены во время правления императора Гуансюя, что можно понять из текстов, имеющихся в календарях практически на каждом изображении. Важно отметить, что в почти каждом календаре первой строкой указывается год правления императора, в который лубок был напечатан.

Итак, новогодние картины с Цзао-шэнем выстроены по определенному принципу. В верхней части изображений, в обрамлении, находится аграрный календарь, содержащий информацию о том, когда будут происходить те или иные изменения в природе указанного календарного года, связанные с работой земледельцев. Особое внимание уделено датам возможных больших дождей, снегопадов или жары. Отдельно отмечены периоды равноденствия, смена времен года. Во многих календарях, помимо информации о погодных условиях и фазах луны, существуют иные рекомендации различного рода. К примеру, сколько коров лучше использовать для вспахивания поля, или с какой стороны света в данном году ожидать счастья и богатства. Под календарем обычно располагается изображение самого Цзао-вана. Оно значительно крупнее, чем другие окружающие его сопутствующие персонажи. Второстепенные герои могут быть не только мужчинами, женщинами и детьми, образный ряд дополняют изображения кошки и петуха, также можно встретить изображение лошади. Согласно китайской традиции, Цзао-ван с супругой и сопутствующие герои всегда изображаются внутри архитектурного интерьера. В изображениях важное место занимают *дуйляни* (對聯) — так называемые парные надписи по бокам лубка с благопожелательными иероглифами, являющиеся традиционным китайским

искусством¹. Над головами главных героев как правило имеется табличка с надписью, характеризующая самого Цзао-цзюня, и сообщающая, кто изображен на лубке. Иероглифика в изображениях встречается не только на специальных табличках. Она присутствует на свитках в руках второстепенных героев, в деталях интерьера. Все иероглифы относятся к благопожелательной символике. При написании статьи были исследованы 15 народных картин с изображениями Бога очага. Все лубки следует разделить на работы мастеров южной и северной школ. Как отмечает В.М. Алексеев, данный вывод можно сделать на основе анализа цветовой гаммы, используемой в картине и по технике ее написания (Алексеев 1966, с. 154). В северном лубке обычно используются основные локальные тона (синий, красный, желтый) и дополнительные цвета, такие как сиреневый, оранжевый, светло-зеленый и темно-красные оттенки, уходящие в коричневый; часто присутствует позолота в элементах декора и надписях. На северных картинах глаза у героев выполнены одним мазком кисти.

Работы южных мастеров также отличаются использованием зеленого, желтого, красного и голубого цветов, редко встречаются два-три дополнительных цвета в декоре. В технике изображения глаз южно-китайские мастера народной картины были более аккуратны: они детально прорисовывали глазницу, брови и веки персонажей. Помимо этого, по сравнению с северными образами персонажи южных лубков имеют заметно увеличенные головы. Драконы на южных лубках, в отличие от северо-китайских, всегда имеют желтый цвет.

Отдельное символическое значение имеют животные, присутствующие на лубках как севера, так и юга Китая. Практически на всех изученных новогодних картинах присутствовали кошка и петух. В традиционной китайской символике кошка означает долголетие, так как произношение слова «кошка» в китайском языке созвучно с термином, обозначающим «от восьмидесяти до девяноста лет» (Bartholomew 2006, p. 172). Петух, в свою очередь, является символом солнца, мужской энергии Ян, и воплощает собой пять достоинств: аристократическую культуру, боевые качества, мужество, великодушие и надежность (Chuan 1952, p. 51). Таким образом, можно сделать вывод, что помимо содержания благопожелательных надписей, каждая картина несет в себе надежду на долгую жизнь и проявления личных

¹ Юйвэнь вэньсюэ минци. Дуйлянь (Толковый словарь. Дуйляни, определение) 语文文学名词 对联 [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://baike.baidu.com/link?url=hp01Nq6AMpirfZihx_pGzRr-y_bWSbI2-Ao8kcZCrM2uMEcGLzB28rzeAZJkWtEJRl0JuV_kizcZYErJJEYe1oXor3ryxMp1yQNfWfyNIKu – Загл. с экрана. Дата обращения: 14.05.2016.

достоинств членов семьи. Декоративный картуш, обрамляющий аграрный календарь и изображение бога очага, часто украшают драконы, выполненные в цветовой гамме лубка; часто их можно увидеть в желтом или зеленом цветах. С древнейших времен дракон является символом императорской власти, и его нахождение на новогодних лубках можно объяснить тем, что именно во дворец Нефритового императора Цзао-ван отправляется в канун нового года.

Иконография данного духа позволяет судить о чаяниях и надеждах крестьянского сословия, так как изобилует благопожелательными надписями и символикой. До начала XX в. новогодние картины можно было встретить повсеместно не только из-за наличия на них Бога очага, но и из-за лунного календаря, по которому китайские крестьяне продолжают жить и сегодня.

Таким образом, исследование, проведенное по материалам коллекции Государственного музея истории религии, показало, что изображения Цзао-вана делятся на южные и северные. Отличаются данные лубки по цветовой гамме, манере изображения персонажей и прорисовке лиц. В большинстве случаев Цзао-шэнь является частью многофигурной композиции, может быть изображен вместе с женой. Как на лубках с одиночным изображением Цзао-шэня, так и на картинах, где присутствует супружеская пара, всегда имеются сопутствующие персонажи. Помимо божества и сопутствующих персонажей, каждый лубок содержит лунный календарь, надписи, восхваляющие Цзао-цзюня, а также просьбы о богатстве и счастье. Кроме того, на картинах присутствуют различные символы благоденствия и процветания, призванные усилить благопожелательный посыл изображений.

Список источников и литературы

- Алексеев В.М. Китайская народная картина М.: Наука, 1966. – 140 с.
- Баранов И.Г. Китайский Новый год. Харбин, 1927. – 18 с.
- Духовная культура Китая. Энциклопедия : в 5 т. / под ред. М.Л Титаренко [и др.]. М.: Восточная литература, 2010. – Т. 2. Доп. : Искусство. – 873 с.
- Кравцова М.Б. История искусства Китая. СПб.: Лань, TRHADA, 2004. – 993 с.
- Лукьянов А. Е. Конфуцианский трактат «Чжун юн»: Переводы и исследования. / под ред. Титаренко М.Л. М.: Вост. лит. – 2003. – 247 с.
- Bartholomew T. Hidden meanings in Chinese art. Hong Kong, 2006. – 292 p.
- Chuan H. S. W. Han Ying's Illustrations of the Didactic Application of the Classic of Songs. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1952. – 371 p.
- Цзао-цзюнь, Вэйцзибайкэ, цзы ю дэ байкэ цюаньшу (Цзао-цзюнь, Википедия, свободная энциклопедия) 灶君, 维基百科, 自由的百科全书

[Электронный ресурс] – Режим доступа:
<https://zh.wikipedia.org/wiki/%E7%81%B6%E5%90%9B> Дата обращения:
 29.04.2016

Юйвэнь вэньсюэ минцы. Дуйлянь (Толковый словарь. Дуйляни, определение) 语文文学名词 对联 [Электронный ресурс] – Режим доступа:
http://baike.baidu.com/link?url=hp01Nq6AMpirfZihx_pGzRr-y_bWSbI2-Ao8kcZCrM2uMEcGLzB28rzeAZJkWtEJRl0JuV_kizcZYErDJEYe1oXor3ryxMp1yQNfWfyNIKu
http://baike.baidu.com/link?url=hp01Nq6AMpirfZihx_pGzRr-y_bWSbI2-Ao8kcZCrM2uMEcGLzB28rzeAZJkWtEJRl0JuV_kizcZYErDJEYe1oXor3ryxMp1yQNfWfyNIKu Дата обращения: 14.05.2016

Шабеллова Валерия Алексеевна
студентка 3 курса Института философии СПбГУ
кафедры философии и культурологии Востока¹

Некоторые особенности культурного пространства буддийского храма Луншаньсы в Мэнся (Тайвань)

Распространение на Тайване буддизма

Буддизм распространяется на Тайване с 1662 г. вместе с мигрантами из прибрежных провинций материкового Китая — Фуцзянь и Гуандун. Начиная со второй половины XVII в. из провинции Фуцзянь на Тайвань начинают прибывать и буддийские монахи. По инициативе этих монахов в городе Тайнань 台南 появляются первые буддийские храмы. После 1683 г., когда династия Цин (1644–1912) установила контроль над западной частью Тайваня, буддийские монахи стали переселяться на север острова, постепенно осваивая и территорию нынешнего Тайбэя. В этот период на Тайване преобладал «необщинный» буддизм в форме «вегетарианского учения» (чжайцзяо 齋教). Его последователи не жили в общинах, не придерживались монашеской жизни и связанных с ней строгих правил. На Тайване буддизм активно инкорпорировал элементы даосизма, неоконфуцианства и народной религии, а его монашеские и мирские формы оказывали друг на друга самое разнообразное влияние (Religious Experience 2013, p. 61–62). В итоге это привело к широкому распространению на острове народного, или популярного буддизма (“folk Buddhism or popular Buddhism”) (Religious Experience 2013, p. 64), к которому и относится храм Луншаньсы (Сяо Цзиньфа 2005, с. 32).

Стоит отметить, что тайваньские храмы всегда выполняли важную социальную функцию. Они объединяли широкие слои населения во время коллективных ритуалов и церемоний, проводимых религиозными ассоциациями, а также служили (и сегодня служат) местом общения окрестных жителей, которые собираются в храме, чтобы обсудить текущие дела или посмотреть театральное представление (Lee Fong-Mao 2003, p. 134).

После Второй мировой войны шло стремительное экономическое развитие Тайваня, что способствовало процветанию и религии. Сегодня жители Тайваня обладают значительными финансовыми возможностями, поэтому огромные ресурсы расходуют на строительство и реконструкцию храмов. Храмовые праздники стали заметно более пышными и затратными в

¹ Научный руководитель — д. и. н. Сергей Владимирович Филонов.

финансовом отношении. Процветает религиозная коммерция, связанная с оказанием религиозных услуг: практиками шаманов, отправлением обрядов священнослужителями, выполнением заказов по геомантии, гаданию, предсказанию судьбы, проведению популярных лекций и практических мастер-классов (Nadeau and Hsun 2003, p. 293).

Появление храма Луншаньсы

Храм Луншаньсы 龍山寺 в Мэнся является один из самых популярных буддийских храмов Тайваня. Район Вэньхуа в Тайбэе, старинное название которого Мэнся, — это одно из тех мест, в которых начиналась история современного Тайваня (Лю Цзя-ю 2009, с. 91). И сегодня храм Луншаньсы является не только одним из знаменитых культовых мест Тайваня, но и важным центром социальной жизни и народной религиозной культуры.

Строительство храма началось в 1738 г. Он был построен по образу храма Луншаньсы в области Цюаньчжоу, что в провинции Фуцзянь (Кан Но-си 2014, с. 61). Поскольку в то время в Цюаньчжоу бодхисаттва Гуаньинь, воплощающая бесконечное сострадание, была знаменита своей чудотворной силой, многие мигранты из Цюаньчжоу везли с собой на остров священные благовония, чтобы благословить строящийся храм в Тайбэе и передать ему эту священную силу (Сяо Цзинь-фа 2005, с. 15; Лю Цзя-ю 2009, с. 91).

Когда-то давно люди сложили удивительную легенду о храме Луншаньсы и о том, почему для его строительства было выбрано именно это место. Предание гласит, что более двухсот лет назад один лодочник, уроженец Цюаньчжоу, отправился в эти края по делам. Проходя мимо места, где сейчас расположен храм, он остановился, чтобы сделать привал. В те времена здесь был пустырь, на котором сушили свежескрашенные ткани, и никаких жилых домов поблизости не было. Когда лодочник почувствовал, что ему необходимо справить нужду, он, чтобы облегчиться, отложил в сторону тюк с благовониями, но совсем забыл про него, когда собрался уезжать. Так благовония и остались лежать на пустыре (Сяо Цзинь-фа, 2005, с. 14).

Вечером того же дня местные жители увидели на том месте, где отдыхал лодочник, сверкающие огоньки, подобные тем, в которые превращаются души только что умерших людей. Когда они подошли поближе, то оказалось, что это были зажженные палочки благовоний, привязанные к стеблям бамбука. Когда палочки колыхались на ветру, то испускали сияние. Над благовониями было написано «Богиня Гуаньинь из храма на Драконьей горе» (*Луншаньсы Гуаньинь фоцзу* 龍山寺觀音佛祖). По этой причине люди, жившие в этих краях, стали поклоняться этому месту и с каждым годом сюда приезжало все больше

и больше верующих. Еще позже в честь Гуаньинь с Драконьей горы здесь возвели грандиозный храм (Сяо Цзинь-фа 2005, с. 14).

Для того, чтобы построить этот храм, выходцы из трех уездов области Цюаньчжоу объединили свои капиталы и совершили ритуал приглашения Гуаньинь из Цюаньчжоу. Выполнение этой религиозной церемонии, связанной с передачей пепла из курительницы одного храма в другой, позволило считать новый храм в Мэнся «филиалом» цюаньчжоуского храма или, согласно терминологии Е.А. Завидовской, его «ароматным ответвлением» (*фэнь сян* 分香) (Завидовская 2012, с. 57). По этой причине новый храм в Мэнся также был назван Луншаньсы как и храм в Цюаньчжоу (Лю Цзя-ю 2009, с. 92).

В целом сохранив первоначальный облик, но дополнив его веяниями времени последующих эпох, храм Луншаньсы в Мэнся и сегодня продолжает восхищать посетителей своей совершенной композицией, искусной резьбой и великолепными росписями, подтверждая статус главного храма Тайваня.

Архитектурные и композиционные особенности храма

Тайваньская храмовая архитектура уходит своими корнями в культуру ханьцев, переселившихся сюда с материкового Китая. На протяжении сотен лет тайваньские традиции деревянного зодчества видоизменялись: с одной стороны, они сохраняли специфические архитектурные особенности ханьского этноса, с другой – включали новые конструктивные элементы. Несомненно, на архитектурном стиле сказалось и время японской оккупации. Влияние материкового Китая на тайваньское зодчество было и остается очень существенным. Такое влияние можно проиллюстрировать на примере соблюдения традиции фэншуй (風水). Композиционная ориентация храма Луншаньсы строится по условной осевой линии, проходящей с севера на юг. Согласно китайской геомантии такая планировка указывает, что храм согласуется с изменениями космического ритма, которые происходят со сменой четырех времен года (Сяо Цзинь-фа 2005, с. 43; Мэнся Луншаньсы гуаньган).

Богатейший пантеон божеств храма Луншаньсы включает не только буддийские, но и даосские божества, а также персонажи, имеющие непосредственную связь с народной китайской религией (*миньцзянь синьян* 民間信仰, букв. «народные верования»). Храм Луншаньсы обслуживает религиозные потребности самых широких социальных слоев и именно поэтому он настолько любим жителями Тайваня (Сяо Цзинь-фа 2005, с. 25).

Композиционная схема храма повторяет китайский дворцовый ансамбль, построенный по планировочным принципам усадьбы-*сыхэюань* с тремя поперечными рядами построек (*сань цзинь сы-хэ-юань* 三進四合院). История таких архитектурных комплексов прослеживается с ханьской эпохи и в окончательном своем виде закрепляется в IX–X вв. (Кравцова 2004, с. 846).

Архитектурный ансамбль Луншаньсы можно условно поделить на три части: Передний павильон, традиционно на Тайване называемый Залом трех рек (*сань чуань дянь* 三川殿), Главный павильон (*чжэн дянь* 正殿) и Задний павильон (*хоу дянь* 後殿), называемый здесь Залом совершенной своей мудростью матушки (*шэн му дянь* 聖母殿). Помимо трех основных частей храмовый комплекс включает сложную систему боковых павильонов-пристроек, называемых на Тайване *хулун* 護龍 (защитная галерея).

Передний павильон также называют Залом пяти врат, поскольку он включает Врата дракона (*Лунмэнь* 龍門), Врата тигра (*Хумэнь* 虎門) и Зал трех рек, имеющий три прохода. На створках ворот главного прохода в храм изображены божества-охранители Мэнь-шэни 門神, в качестве которых выступают буддийские божества Вэйто и Галань. Главный павильон Луншаньсы посвящен бодхисаттве милосердия Гуаньинь (*Гуаньшинь пуса* 觀世音菩薩, санскр. Авалокитешвара). Гуаньинь — главное божество храма, она воплощает собой бесконечное сострадание всех Будд, а ее культ очень популярен среди жителей Тайваня (Лю Цзя-ю 2009, с. 111).

Задний павильон храма включает пять структурных частей, каждая из которых представляет собой отдельное здание. В этих пяти зданиях поклоняются матушке Ма-цзу, покровителю просвещения Вэнь-чану, покровителю врачей Хуа То, обожествленному герою эпохи Троецарствие Гуань Юю и Лунному старцу. Центральное здание Заднего павильона предназначено для почитания богини-покровительницы мореходов Ма-цзу, которая на Тайване входит в круг самых почитаемых божеств и причисляется к даосскому пантеону (Лю Цзя-ю 2009, с. 113; Завидовская 2012, с. 170–171). По левую сторону от центра находятся Палаты владыки-повелителя Вэнь-чана (*Вэнь-чан ди-цзюнь дянь* 文昌帝君殿), которого почитают как конфуцианцы, так и даосы. Еще левее располагается Зал Хуа То (*Хуа То тин* 華陀廳), где поклоняются Хуа То — историческому персонажу, который жил в период Восточная Хань (25–220 гг. н.э), прославился как врачеватель и с течением времени был обожествлен и включен в пантеон даосских божеств. По правую сторону от Ма-цзу находятся Палаты в честь Гуань-ди — бога войны и богатства, покровителя чиновников и торговцев, а

еще правее находится Зал Лунного старца (*Юэ-лао тин* 月老廳), где обращаются с молитвами к покровителю сватовства и счастливого бракосочетания, ставшему популярным персонажем даосского пантеона божеств.

Заключение

Популярный, или народный буддизм на Тайване характеризуется политеистичностью и синкретичностью. Храмы народного буддизма являются домом не только для буддийских божеств, но и для божеств даосского пантеона, а также персонажей народной религии. Особенно заметно смешение буддизма с народной религией и даосизмом в храмах в честь бодхисаттвы Гуаньинь. Эти храмы подтверждают вывод, к которому пришли современные тайваньские исследователи: «в традиционном Китае конфуцианство, буддизм и даосизм соединились друг с другом и превратились в единый поток органичной в своем единстве, но размытой в своих границах “китайской патриархальной традиционной религии”» (Religious Experience 2013, p. 64).

Список источников и литературы

Завидовская Е.А. Народная религия современного Тайваня: храмовые организации и праздники. СПб.: Наука, 2012. 228 с.

Кравцова М.Е. Мировая художественная культура. История искусства Китая: Учебное пособие. СПб.: Лань, ТРИАДА, 2004. 960 с.

Lee Fong-Mao. The Daoist Priesthood and Secular Society: Two Aspects of Postwar Taiwanese Daoism // Religion in modern Taiwan: Tradition and Innovation in a Changing Society / Ed. by Philip Clart and Charles Brewer Jones. Honolulu: University of Hawai'i Press, 2003. Pp. 125-157.

Nadeau Randall, Hsun Chang. Gods, Ghosts, and Ancestors: Religious Studies and the Question of "Taiwanese Identity" // Religion in modern Taiwan: Tradition and Innovation in a Changing Society / Ed. by Philip Clart and Charles Brewer Jones. Honolulu: University of Hawai'i Press, 2003. Pp. 280- 299.

Religious Experience in Contemporary Taiwan and China / Ed. by Tsai Yen-zen. Taipei: Chengchi University Press, 2013. XI+388 p.

Кан Но-си 康銘錫. Тайвань мяоюй шэньду даолань туцзянь 台灣廟宇深度導覽圖鑑 (Храмы Тайваня: путеводитель для углубленного изучения храмов с иллюстрациями и схемами) / 康銘錫文攝影. 二版. Текст и фото Кан Но-си. 2 изд. Тайбэй: Мао тоу ин чу бань 貓頭鷹出版, 2014. 255 с.

Мэнся Луншаньсы гуаньган 艋舺龍山寺官網 (Официальный сайт храма Луншаньсы в Мэнся). [Режим доступа:] <http://lungshan.org.tw/tw/index.php> (10.01.2017).

Лю Цзя-ю 柳佳佑 .Тайвань миңыцянь синьян дэ каоча: и Мэнся Луншаньсы вэй чжунсинь 臺灣民間信仰的考察—以艋舺龍山寺為中心. (Исследование народных верований Тайваня: на примере храма Луншаньсы в Мэнся). 碩士學位論文 /華梵大學, 東方人文思想研究所. Дис. ... магистра / Университет Хуафань, факультет гуманитарной мысли Востока. Тайбэй, 2009. 9+179 с.

Сяо Цзинь-фа 蕭進發. 寺廟風物的水墨繪畫創作之研究—以台北艋舺龍山寺為對象. Сымяо фэнъу дэ шуймо хуэйхуа чуанцзо чжи яньцзю: и Тайбэй Мэнся Луншаньсч вэй дуйсян (Изучение китайской монохромной живописи с изображениями культовых сооружений: на примере тайбэйского храма Луншанься в Мэнся). 碩士學位論文 / 國立臺灣藝術大學. Дис. ... магистра / Тайваньский национальный университет искусств. Тайбэй, 2005. 108 с.

Шахигулин Антон Сергеевич
студент 3 курса кафедры филологии стран Юго-Восточной Азии и Кореи,
Восточный факультет СПбГУ¹

К вопросу о военных трактатах Чан Хынг Дао

В XIII в. Вьетнам, который в то время носил имя «Дайвьет», успешно отразил три невероятных по силе монгольских нашествий, которые произошли в 1257, 1284–1285 и 1287–1288 гг. Во время всех этих вторжений вьетнамская армия противостояла врагу, который обладал куда более многочисленным войском: для похода на Вьетнам в 1284–1285 гг. монгольская династия Юань собрала огромное войско численностью 500 000 человек (Деопик 1994, с. 154), не считая флота, в то время как предельная численность вьетнамских войск составляла не более 200 000 человек. В 1287–1288 гг. император Хубилай также отправил на покорение Вьетнама сильную армию, в составе которой было не менее 300 000 солдат (Деопик 1994, с. 158) и огромный флот. Совершенно ясно, что победить такого могущественного врага можно было только умелой тактикой и способностью максимально эффективно использовать не такую многочисленную, как монголо-китайская, но очень маневренную армию, которой обладал Дайвьет в то нелегкое для страны время. Решение этих задач выпало на принца Чан Куок Тоана, впоследствии удостоенного за свои военные заслуги титулом «Хынг дао дай выонг».

Чан Хынг Дао (Чан Куок Тоан) родился в 1226 г. на территории нынешней провинции Намдинь. Уже в 6 лет он научился сочинять стихи, часто устраивал шуточные бои. Когда принц вырос, он прекрасно овладел основами военной стратегии и тактики, искусством стрельбы. Когда монголы вторглись в Дайвьет в 1284 г., император Чан Нян-Тонг назначил принца главнокомандующим сухопутными войсками и флотом. В начале вторжения враг был очень силен и быстро занял обширные территории в дельте Красной реки. Императорский двор стал думать о капитуляции. В ответ на предложение императора сдаться, чтобы «сохранить жизни тысяч людей», Чан Хынг Дао ответил: «Если вы желаете капитулировать, то сначала отрубите мне голову, а затем сдавайтесь» (Trần Văn Giáp 1970, tr. 239). Слова Чан Хынг Дао убедили императора продолжать борьбу, и в конце концов она завершилась полной победой вьетнамских войск над монголами. Под руководством Чан Хынг Дао вьетнамская армия успешно отразила и нашествие 1287–1288 гг., одержала славную победу в битве на реке Батьданг, в которой был уничтожен

¹ Научный руководитель — к. ф. н. Екатерина Юрьевна Кнорозова.

весь юаньский флот. После этого монголы не осмелились начать новое вторжение.

Однако Чан Хынг Дао известен не только своими победами: он написал «Воззвание к офицерам и солдатам», с целью поднять боевой дух армии Вьетнама и побудить солдат встать на защиту своей родины, а также три знаменитых военных трактата, в которых заложил основы вьетнамской военной стратегии и тактики. Все эти трактаты были написаны им во время войн с монголами и не дошли до нас в первоначальном виде: они либо частично утрачены, либо в их тексте имеются правки и дополнения, которые были внесены уже после смерти Чан Хынг Дао в следующие века.

Первый из них — это «Книга из Ванкиепа¹, передаваемая тайно» (Vạn Kiếp Tôn Bí Truyền Thư). В библиографии Фан Хуи Тю (Phan Huy Chú) приводится другое название этого трактата: Ван Кiep Бинь Тхы (Vạn kiếp Bình Thư, «Военный трактат из Ванкиепа»). В предисловии к нему поясняется, что в прошлом очень немногие люди умели грамотно использовать стратегию и тактику, а знания о методах ведения военных действий были разрознены и непонятны военачальникам. Поэтому Чан Хынг Дао ставил своей целью сравнить труды по военному искусству прошлых лет и, почерпнув из них все самое лучшее, составить единый трактат по теории стратегии и тактики. «Хотя в этом трактате содержатся очень четкие сведения, человек, применяющий их, должен отбросить лишнее и использовать только то, что ему необходимо в данный момент, гармонично совместить вместе все 5 стихий: огонь, воду, металл, землю и дерево, не смешивать вместе инь и ян...». Из предисловия становится ясно, что этот трактат был написан Чан Хынг Дао специально для высокопоставленных генералов вьетнамской армии (Trần Văn Giáp 1970, tr. 238). В настоящее время его текст частично утрачен.

Второй военный трактат — «Краткое изложение теорий стратегов» (Bình Gia Yếu Lược) — был составлен незадолго до второго нашествия монголов. В летописи «Полное собрание исторических записок Дайвьета» (Đại Việt sử ký toàn thư) четко сказано, что трактат «Бинь за зиеу ли иеу лыок тхы» (Bình gia diệp lý yếu lược thư, «Краткое изложение великолепных стратегических теорий») был составлен Чан Хынг Дао (Trần Văn Giáp 1970, tr.240): «Чан Куок Тоан составил «Бинь за зиеу ли иеу лыок тхы» для обучения младших офицеров и военных». Таким образом, «Бинь за зиеу ли иеу лыок тхы» и «Бинь за иеу лыок» - это два разных названия одного военного трактата Чан Хынг Дао. В настоящее время в Библиотеке Общественных Наук во Вьетнаме

¹ Ванкиеп в период войн с монголами в конце XIII в. был резиденцией-владением Чан Хынг Дао

хранятся три переписанные от руки копии «Бинь за иеу лыок». Во всех рукописях содержится как сам текст трактата, так и авторское предисловие к нему, написанные в 1291 г. (Trần Văn Giáp 1970, tr.240). Однако в тексте есть места, датируемые третьим годом под девизом правления «Тиеу тхонг» (Chiêu thông), то есть 1789 г., и годами под другими девизами правления. Остается неясным, какая часть этого трактата написана в эпоху династии Чан, а какая — после, уже неизвестными авторами. Что касается количества томов, то официально их насчитывается четыре, однако Фан Хуи Тю в своей библиографии не указывает точное число томов. Сейчас по-прежнему сохраняется неясность в этом вопросе.

Последний военный трактат Чан Хынг Дао — «Бинь Тхы Иеу Лыок» (Bình Thư Yếu lược) — состоит из 4 томов. Его название можно перевести как «Краткое собрание важных сведений из книг по военному искусству». Некоторые исследователи даже придерживаются точки зрения, что вышеупомянутый трактат «Бинь за иеу лыок» и «Бинь тхы иеу лыок» являются одним и тем же литературным трудом Чан Куок Тоана (Bình Thư Yếu lược 1977, tr. 5). В своем «Воззвании к офицерам и солдатам», которое было составлено с то же время, что и этот трактат, Чан Хынг Дао упоминает об этом произведении: «И теперь я объединил знания прошлых военачальников, составил один трактат, и назвал его «Бинь Тхы Иеу Лыок» (Bình Thư Yếu lược)» (Thơ Văn Lý-Trần 1988, tr. 392). Несмотря на то, что автором данного труда является Чан Хынг Дао, в настоящее время было установлено, что в оригинальный трактат были внесены значительные изменения, кем они были сделаны — неизвестно. Помимо старых разделов, таких как «Ву кинь» (Vũ kinh, «Трактат об оружии»), «Тон ты» (Tôn tử, «Почтение к павшим»), в текст трактата включены отрывки из более поздних произведений о военном искусстве, большая часть которых датируется эпохой правления китайской династии Мин (Trần Văn Giáp 1970, tr.241), например: «Во би тан тхы» (Võ bị tân thư — «Новый трактат о военном деле»), «Хонг во дай зинь зи ха» (Hồng võ đại định dĩ hạ, «Военачальники периода правления Хунъу и их последователи»). Хунъу — девиз правления китайского императора Тайцзу династии Мин (1368–1398) (Trần Văn Giáp 1970, tr.241). Так же, как и предыдущие трактаты, «Бинь Тхы Иеу Лыок» был составлен для обучения военному делу командиров и их солдат. Благодаря тому, что трактат был распространен в дайвьетской армии, его текст сохранился до наших дней, пусть и не в первоначальном виде.

Военные трактаты Чан Хынг Дао внесли огромный вклад в обучение армии Вьетнама и победу над могущественным противником, войско которого в несколько раз превышало численность вьетнамских войск. Эти военные

трактаты сохраняют большую историческую и культурную ценность и по сей день, хранят память об одном из величайших вьетнамских полководцев.

Список источников и литературы

Trần Văn Giáp. Tìm hiểu kho sách Hán Nôm. T. 1. Hà Nội: Thư Viện Quốc gia xuất bản, 1970

Bình Thư Yêu Lược – Hà Nội: Nhà xuất bản khoa học xã hội, 1977.

Деопик Д. В. История Вьетнама. Ч.1: Учебник. М.: Изд-во МГУ, 1994.

Thơ Văn Lý-Trần. T. 2. Hà Nội: Nhà xuất bản khoa học xã hội, 1988.

Подписано в печать 01.06.2017 г.
Формат 60х84 1/16. Бумага офсетная. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 9,8. Тираж 100 экз.
Заказ № 4593.

Отпечатано в ООО «Издательство “ЛЕМА”»
199004, Россия, Санкт-Петербург, 1-я линия В.О., д.28
тел.: 323-30-50, тел./факс: 323-67-74
e-mail: izd_lemma@mail.ru
<http://www.lemaprint.ru>